

Зарубежная

фантастика

Роберт Янг
ПОСЛЕДНИЙ
ИГГДРАСИЛЬ

Роберт Янг ПОСЛЕДНИЙ ИГГДРАСИЛЬ

Фантастические произведения

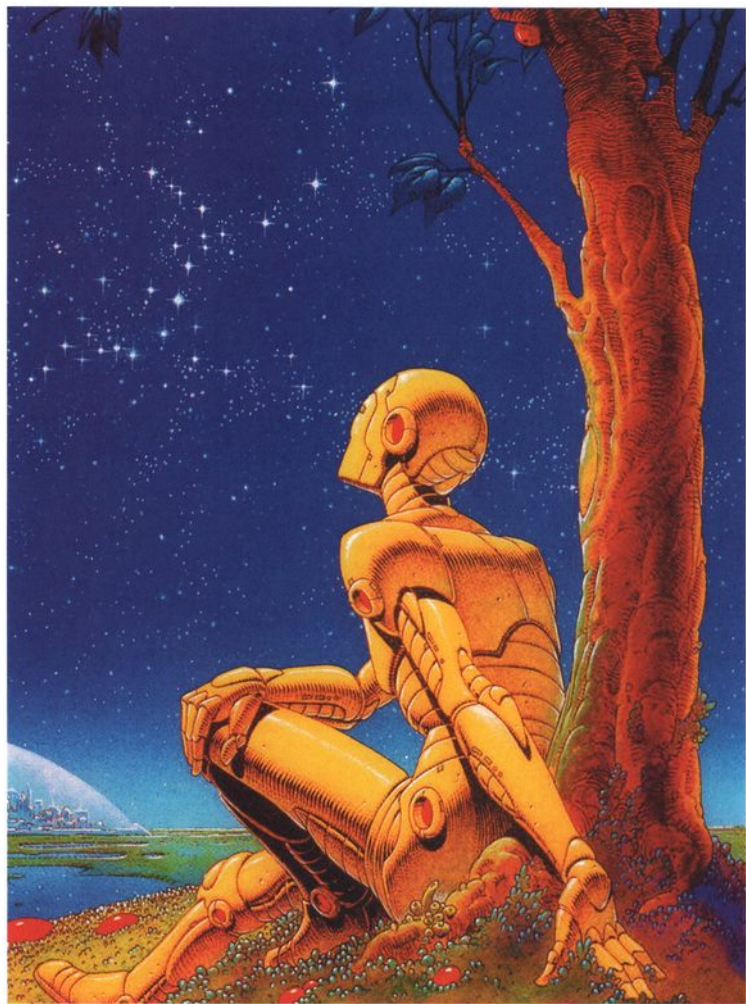

Ясноград «Бригантина»

Зарубежная

фантастика

Зарубежная

фантастика

Роберт Янг

ПОСЛЕДНИЙ ИГГДРАСИЛЬ

Фантастические произведения

Перевод с английского

Ясноград «Бригантина» 2014

УДК 82.035

ББК 84.7

Я 60

Robert F. Young
The Last Yggdrasill (1982)
Short Stories (1957–1986)

Составитель *А. А. Лотарев*
Коллаж на обложке *Ирина Телегина*
Фронтиспис *Филипп Каза*

Янг, Роберт Ф.

Я 60 Последний Иггдрасиль: Фантастические произведения / Роберт Янг; [пер. с англ.]. – Ясноград: Бригантина, 2014. – 364 с., илл. – (Зарубежная фантастика).

Еще один экскурс в творчество прославленного писателя-фантаста. Представленные произведения впервые печатаются на русском языке.

Без объявл.

Отдел научно-фантастической прозы

© перевод, Герман Михайлов, 2014

© перевод, Мария Литвинова, 2014

© перевод, Анна Петрушина, 2014

© состав, Бригантина, 2014

ПОСЛЕДНИЙ ИГГДРАСИЛЬ

ПРОЛОГ

— Завершим наш путь, сестры мои, и устроимся здесь! Край этот обширен, почва плодородна, местность идеальна, для нас, и заселена.

— А пригодны ли здешние обитатели для наших нужд?

— Они народ простой и бесхитростный. Посмотрите на их глиняные хижины.

— Их простота не вечна.

— Ее хватит надолго. Мы последние в нашем роду, искать дальше нет времени... Так вперед же, обретем свою истинную суть! Познаем шум ветра, тепло солнца и свежесть дождя.

— Нам страшно, Ктиль.

— Оставьте страх, все живое когда-нибудь умирает. Давайте жить, пока можем, и той жизнью, что нам уготована.

— Да, Ктиль, да!

— Расселяйтесь, сестры, и наслаждайтесь привольем!

Yggdrasill astralis

Ареал: Прерия (Гэндзи-5), северо-запад Нью-Америки

Численность популяции: 1

Присутствие Большого дерева ощущалось всегда и всюду, даже за спиной, даже на краю поселка и далеко в пшеничных полях, окружавших его безбрежным морем. Здесь же, на деревенской площади, необъятный черный утес ствола и бескрайнее зеленое облако листвы в небе просто подавляли воображение.

С тех пор как Стронг прибыл сюда с бригадой, дерево не выходило у него из головы. Куда бы он ни шел, оно словно маячило рядом, и не только из-за страха, хотя страшно перед работой было каждый раз. Дерево казалось неотделимым от самого поселка, от полей вокруг да и от всей планеты. Неотделимым от будущего самого Стронга.

Вообще-то площадь, где он стоял, вовсе не походила на таковую. Она не была плоской, как полагается площади, а скорее представляла собой широкий пологий откос, поднимающийся к гигантскому стволу. Однако колонисты из живописных домиков вокруг считали иначе. В центре селения должна находиться площадь, как бы она ни выглядела. Поэтому под ногами Стронга была именно площадь.

Поселок носил имя Пристволье, а местность, его окружавшую, окрестили Канзасией. Себя колонисты называли «жнецами», имея в виду даже не местную пшеницу, а доходы, которые она приносила. Вдобавок они считали себя избранными – если не Всевышним, то уж точно Триумвиратом, за счёт которого прилетели сюда, а разницы между ними почти не было.

Жаркие лучи Гэндзи, местного солнца, ушедшие с площади вскоре после рассвета, вновь начинали проникать под обширную древесную крону. Жнецы давным-давно срыли древние могильные холмики аборигенов вокруг дерева и засеяли землю травой, хорошо растущей в тени. Но следы могил все еще различались: на их месте трава росла зеленее. Большую деревянную кормушку, где зимой подкармливали птиц-хохотушек, тоже убрали, когда она совсем сгнила, но оставили каменную купальню. Наверное, решили, что она не так привлекает птиц, как кормушка.

Над головой разнеслись раскаты смеха — птичья стайка только что вернулась с полей и рассаживалась по веткам. Гнездились хохотушки исключительно на дереве и успешно переносили не только суровые зимы, но и бесконечную войну, которую против них вели жнецы. Теперь, когда Большое дерево обречено, закончится и эта война. Оно последнее на планете, и с ним исчезнут и хохотушки.

Размах ветвей над головой напоминал величественный свод готического собора. Дерево дышало влажной прохладой, и Стронг снова ощутил страх — зловещий ледяной храм в зеленоватой дымке мыслей. И что-то еще — чужую мысль? Казалось бы, откуда ей взяться... и тем не менее. Мысль, обложенную в слова: «Когда я умру, умрете и вы».

Он отвернулся от ствола и пошел через площадь. Дерево не отставало. Слева стояла местная гостиница, носившая то же название, что и поселок. Заезжая бригада древорубов была ее единственными постояльцами. Но Стронг направлялся не туда, он вошел в узкую улочку, ведущую к окраине. Дома по сторонам здесь стояли пустые: тут будет пролегать маршрут воздушного тягача. Как и во всем поселке, их отличала изысканность форм и совершенство пропорций, в таком доме хочется жить. Гладкие деревянные стены сияли в золотистых вечерних лучах. Цветастая садовая

мебель на лужайках смотрелась аляповато, не сочетаясь с благородством архитектуры. Птичьи купаленки работы аборигенов использовались как угольные жаровни. Жнецы не любили вспоминать, что их жилища были гораздо старше, чем казались, и в течение долгих лет, если не столетий, служили домами невежественным аборигенам, озабоченным благополучием птиц-хохотушек. Сколько бы антропологи ни доказывали, что дома построил вымерший народ квантектей, им никто не верил. Колонисты были уверены, что это наследие другой, более цивилизованной расы. Их одержимость цивилизацией была вполне объяснима: Управление внеземных территорий подбирало людей образованных, с особой подготовкой. Каждый имел высшее агрономическое образование, а многие и не только его. Например, Вестермайер, глава кооператива и неофициальный мэр поселка, был доктором политологии.

Стронг застал его вместе с двумя своими коллегами и начальницей в просторном ангаре на окраине поселка. Ангар из рифленого железа предназначался для хранения сельскохозяйственных машин, но сейчас их тут не было. Пик с Синим Небом перебирали здесь воздушный тягач, смазывали и проверяли механику. Мэтьюз в сопровождении Вестермайера зашла проконтролировать их работу. Крошечную компанию по вырубке деревьев она унаследовала от мужа и предпочитала лично руководить всем. Ей было за шестьдесят. На ней была клетчатая рубашка, джинсы и высокие кожаные ботинки, седые некрашенные волосы собраны в пучок. Вестермайер, полноватый лысеющий коротышка, был чуть моложе. Рядом с ним Пик и индеец походили на высохшие жерди. Они томились в ожидании окончания инспекции Мэтьюз.

– Ну и как там дерево, Том? – спросил Синее Небо.

– Огромное, – ответил Стронг.

– Это ежу понятно, – фыркнул Пик. Тень от длинного козырька кепки подчеркивала резкие контуры его лица. – То есть, ты болтался возле него весь день и так ничего и не узнал?

– Вообще-то, мистер Стронг, – заговорил Вестермайер, – меня восхищает ваша смелость. Сам бы я на это проклятое дерево ни за какие коврижки не полез!

– Досталась длинная травинка, вот и все. Мы перед каждой работой жребий тянем, травинки вместо спичек.

– А не получится, что одни будут рисковать чаще других?

– В конечном счете все выровняется.

– И все же это как-то несправедливо.

– Они тянут жребий на выигрыш, доктор Вестермайер, – объяснила Мэтьюз, выглянув из заднего люка, где она проверяла лебедку. – Работа на дереве оплачивается вдвойне.

– Ах, вот как. Ну, тогда другое дело... Вообще-то, трудно выразить то, как мы, жители Пристволья, будем рады, наконец, избавиться от этого проклятого колосса.

– Вам приходилось когда-нибудь слышать о бизонах, доктор Вестермайер? – поинтересовался Синее Небо.

– Читал когда-то.

– Их было пятьдесят миллионов. К тому времени, когда бледнолицые перестали на них охотиться, осталось всего пятьсот.

– Боюсь, не улавливаю связи...

– Пятьдесят миллионов, подумайте.

– Опять ты о бизонах! – фыркнул Пик. – Ради бога, не начинай.

– Начал не я, а бледнолицые!

– Хватит! – прикрикнула из люка Мэтьюз.

Стронг подошел к ней.

– Надену длинные шипы, – сказал он.

Она кивнула:

— Правильно, так безопасней. — Запустив мотор лебедки, она прислушалась к ровному жужжанию, потом нажала выключатель и шагнула наружу. — Начнем малым захватом, для верхнего яруса кроны его в самый раз.

Три пары клещевых захватов из облегченной ультрастали лежали в углу ангара вместе с другим оборудованием. Зубья у самых крупных были как у тираннозавра.

Стронг обвел взглядом корпус тягача. Трудно поверить, что в разобранном виде он помещается в обычный грузовой ящик. Ну а с надутыми воздушными баллонами станет еще больше. Стрекозиные крылья, сейчас прижатые к черно-желтым полосатым бокам, при подъеме грузов стабилизировали похожий на гигантскую пчелу аппарат.

— Ну вот, — проговорила Мэтьюз, вытирая тряпкой замасленные руки, — все готово.

— Как раз время ужинать, — подхватил Вестермайер. — Я заказал шеф-повару в гостинице особое меню, там уже накрывают на стол.

— Отлично. — Мэтьюз двинулась к выходу из ангара.

Гостиница первоначально была просто самым большим домом в деревне, и жнецы единодушно посчитали его бывшей резиденцией квантектильских вождей. Так или иначе, здание помогло решить проблему размещения туристов, когда те, размахивая путевками от фирмы «Семьсот чудес света», потекли рекой, хотя поселенцы даже еще не освоились на новом месте. Так возникла гостиница «Пристволье».

Гостей здесь принимали не по доброй воле. Передавая права на пустующую деревню и уголья вокруг нее, Управление оговорило круглосуточный доступ к Большому дереву и временное пристанище для приезжих. Но был во всем этом и положительный момент: цены никто не контролировал. Жнецы возмещали неудобства от вторжения в личную

жизнь, заламывая несусветные суммы за каждый квадратный сантиметр предоставленного жилья.

Сегодня любопытствующих, само собой, не было. Санкция Управления на снос дерева подразумевала полную изолированность опасной зоны.

Может, никто больше и не придет, размышляла Мэтьюз, сидя за столом в центре обеденного зала. Конечно, деревня живописна и сама по себе, но туристов притягивало именно Большое дерево. Кто потащится на унылые равнины разглядывать сельские домишки, какими бы очаровательными они ни были?

Задумчиво играя столовыми приборами на салфетках, Мэтьюз вновь ощутила пустоту в душе. Дневные заботы немного отвлекали, но с наступлением вечера заполнить мысли было решительно нечем.

Она обвела взглядом обеденный зал. Как и все здание гостиницы, когда-то он служил для других целей, но сейчас прекрасно соответствовал своему нынешнему назначению. Здесь сидели Вестермайер, Синее Небо, Пик, Стронг и она сама, но могли разместиться и полсотни человек. В примыкающих комнатах меньшей площади жнецы устроили бар и кухню, но в самом зале ничего не тронули, разве что поставили столы и стулья. Все вокруг деревянное, но без малейших признаков гнили, которая уже завелась в некоторых домах. Пол плавно переходит в стены, а они, в свою очередь, в потолок. Гладкая древесина излучает мягкий свет, ее натуральный рисунок и тон так ярки и свежи, будто гостиницу построили только вчера. Изысканные арки дверных проемов кажутся природными, а не вырубленными. Широкое окно прозрачно, словно не застеклено, и зеркало на противоположной стене усиливает краски сумеречной площади. Темноватый блеск пола напоминает красное дерево, стены орехового оттенка, потолок ближе по цвету к белому дубу.

Однако даже спокойное очарование зала не помогало заполнить гнетущую пустоту, которую Мэтьюз ощущала давно, еще со смерти мужа, но и та потеря не была причиной, а только усилила тоску – неизбежную, когда ощущаешь, что твоя жизнь никчемна. Даже будь у них дети, ничего бы не изменилось. Это началось однажды утром, когда Мэтьюз взглянула на свою акварель, законченную накануне, и вдруг осознала с беспощадной ясностью, что работа любительская, и ничего тут не изменишь, в ней нет искусства, одни претензии и самообман. Тогда неприятное чувство удалось подавить, хотя занятия живописью и впрямь были всего-навсего психологической «заначкой», чтобы прожить спокойно остаток дней. Лишь потеряв мужа, она поняла, что ее «искусство» – не более чем кое-как слепленный суррогат ушедшей молодости и красоты.

Светловолосая официантка с молочно-белой кожей начала подавать на стол. Вестермайер представил ее как Катерину Вандерзее, не преминув заметить с горечью, что она, обладательница степени бакалавра, не единственная жертва, принесенная колонистами на алтарь межпланетного туризма.

Превосходная говяжья грудинка, обжаренный в панировке картофель, отварные початки кукурузы, салат из овощей с зеленью, а на десерт – земляничный торт со взбитыми сливками. Все продукты, кроме муки для хлеба и торта, доставлены по воздуху из других районов. Все два земных года, проведенные на планете, жнецы выращивали исключительно пшеницу. Из-за нее они, собственно, здесь и обосновались. Скромный мукомольный заводик перерабатывал малую часть урожая, все остальное было привозным. Зато хлебом обитатели Пристволья могли гордиться с полным правом. Изготовленный из цельного зерна, он был вкуснее любого другого, белкового и витаминизированного,

а питательные свойства, по уверениям Вестермайера, позволяли считать его универсальной пищей, давней мечтой человечества.

Мэтьюз равнодушно хмыкнула.

– Обогащенный хлеб – не диковинка.

– Не обогащенный, а натуральный! – возразил мэр.

– Вы ничего не добавляете в муку?

Коротышка помотал головой.

– Ни грамма! Вы не путайте нашу пшеницу с обычной, – продолжал он. – Такой, как у нас, нет больше нигде в Нью-Америке. Она дает два урожая в год, частично из-за почвы, но в основном благодаря увеличенному периоду обращения Прерии вокруг солнца: полтора земных года. Ботаники обнаружили ее в диком виде здесь, в Канзасии, и нигде больше! На первый взгляд она напоминает плотноколосую земную *Triticum compactum*, которая хорошо зарекомендовала себя на других планетах, но на самом деле наша пшеница другая. В ней содержится все необходимое для поддержания жизни человека. Потому-то Триумвират и финансировал наше поселение, чтобы оценить возможность повсеместного выращивания данного вида. Одной буханки нашего хлеба в день достаточно, чтобы жить полноценной жизнью.

– А что тут необычного? – пожал плечами Стронг. – У Алессандро Мандзони, в его «Обрученных», крестьяне Италии семнадцатого века тоже не ели ничего, кроме хлеба... или почти ничего.

– Так то роман, выдумка, – хмыкнул Вестермайер.

– Он основан на реальных фактах. Люди разбалтывали муку в воде и варили – это называлось полента. Наверное, один хлеб надоедает... – Заметив, что на него все смотрят, даже Катерина, Стронг смущенно уставился в тарелку.

Мэтьюз поспешила на выручку:

– А что квантектили, доктор Вестермайер? Они тоже жили на одном хлебе?

– Да, если верить антропологам. И продолжительность жизни у них была высокая... Ну, если не считать последнего поколения.

– Почему же они ушли на север, в Пещеры Смерти? – удивился Пик. – Они же там просто сгинули.

– Точно не известно.

– Может, хлеб кончился? – предположил Синее Небо.

– Такое объяснение подходит для квантектилей из других мест, и антропологи приняли его за основу, но в этой деревне ученые зашли в полный тупик. Здесь не было голода, пшеница не погибла, как у других. Зачем жителям было уходить и умирать?

– Вот это-то и странно.

– Другие деревья погибли от той же растительной чумы? – спросила Мэтьюз.

– Так утверждают ботаники.

– Однако Канзасия не пострадала... удивительно.

– Они тоже удивляются.

– Так может, не в болезни дело?

– А в чем же еще? – хмыкнул Вестермайер. – Погибла вся растительность на половине континента.

Он извинился, встал из-за стола и направился в «винный погреб» – тесную кладовку за кухней. Настоящих подвалов в гостинице не было, как и во всей остальной деревне. Очевидно, квантектили в них не нуждались или не успели придумать. Катерина расставила бокалы и встала у дверей кухни. Стронг ощутил ее взгляд, но когда обернулся, она тут же отвела его. Пик произнес что-то хвалебное в адрес торта, но Стронг не обратил внимания. Вино в бутылке светилось густым багрянцем. Вестермайер с гордостью назвал марку и стал наполнять бокалы. Стронг поставил свой вверх

дном – к вину он больше не прикасался, даже к легкому столовому. Отношения с Мари Мускатель он разорвал давным-давно и возобновлять не собирался, равно как и с любыми ее сородичами.

Вестермайер уселся на свое место. Разговор плавно перешел на журналистов, прибытия которых ждали завтра с утра. Повеселевший от вина Вестермайер подмигнул Стронгу:

– Станете телезвездой, а?

– Лишь бы они не лезли на дерево, – угрюмо буркнул тот.

– Ха, еще чего! Им непременно захочется взять интервью на рабочем месте.

Стронг бросил умоляющий взгляд на начальницу:

– Мэтти, ты же им не позволишь? А вдруг кому-нибудь по голове прилетит? Тебя же по судам затаскают, а страховщики только посмеются!

– Не затаскают, если заранее подпишут отказ от претензий.

– Все равно не разрешай!

– Они уже получили допуск в Управлении. – Мэтьюз взглянула на Стронга с сочувствием. Из троих подчиненных он ей нравился больше всего. Синее Небо тоже был ничего, а вот Пик не нравился совсем. Тем не менее, двадцатипятилетняя девчонка, заключенная в теле старой женщины, пошла бы в постель как раз с Пиком. Она вздохнула. – Том, ты же знаешь, какие они. Встанешь у них на пути – сметут.

– Только не на дереве! – упрямо буркнул Стронг.

– Давай не будем забегать вперед. Может, увидят его и передумают. Ты лучше отдохни как следует, потом нескоро удастся поспать в нормальной кровати.

– Это точно, – кивнул Стронг.

— А я не понимаю, — начал Вестермайер, повернувшись к Мэтьюз. — Ну хорошо, пусть у вас не хватает людей, чтобы отправить на дерево сразу нескольких, не одного. Мистер Стронг объяснил, как выбирают этого человека. Но почему он должен оставаться там до самого конца, даже ночью? Зачем ему спать на ветвях вместе с птицами?

— Тому, кто занимается рубкой, полагаются тройные выплаты по страховке, от начала работы до конца, но только если он все это время остается на дереве. Обычно это трудностей не вызывает, поскольку больше одного дня и не требуется. Однажды, правда, ушло два дня. Сейчас мы рассчитываем уложиться в четыре. У Тома будет специальная палатка и обогреватель, так что три ночи он как-нибудь переживет. — Мэтьюз подмигнула Стронгу. — А если повезет, то и не один, а с дриадой.

— Угу, — буркнул он.

— Ну что ж, мистер Стронг, — усмехнулся Вестермайер, — похоже, ближайшие несколько дней вас можно называть Древесный Стронг.

— Да, похоже. — Стронг поднялся из-за стола.

Синее Небо осушил два бокала подряд и вылил остатки из бутылки.

— А меня можете звать Пьяное Небо, — фыркнул он.

Комната Стронга находилась на третьем, последнем этаже. Единственное окно выходило на площадь. Дерево ошеломляло. Гигантский ствол казался черным выпуклым утесом, к нему нельзя было привыкнуть. Ночью его почти не было видно: ни звездный, ни лунный свет не проникал сквозь густую крону. В дневное время, за исключением раннего утра и позднего вечера, здесь все казалось зеленым — листва и трава будто сговорились против солнца. Свесив запрокинутую голову из окна, можно было разглядеть в вы-

соте нижние ветви, обрамленные искрящейся листвой.

Стронг распахнул окно, едва поселившись в гостинице, и с тех пор не закрывал. Запах зелени доставлял ему удовольствие, пускай и напоминал о постоянном присутствии дерева. К запаху примешивался и похожий на сирень аромат цветов. Неизвестно, как они выглядели, но напоминали о том, что стоит весна, и дерево казалось не таким враждебным.

Хотя часть деревни была отселена, окна горели в каждом доме. Свет зажигался на закате сам по себе, даже если в жилище никого не было, и оставался всю ночь, а иногда, чуть приглушенный, и днем, если случалась пасмурная погода. Жнецы так и не смогли понять, откуда он исходит и как его регулировать, поэтому, ложась спать, огораживались ширмами. В комнате Стронга ширмы оставались с прошлой ночи, но света пропускали достаточно, чтобы раздеться и лечь. Встроенная, как и столик рядом, кровать напоминала клумбу – экзотические цветы рассыпаны по стеганому одеялу. Смутно различая их в сумраке, Стронг вдохнул запах свежеевыстиранного белья.

Он лежал и думал о Мэри Джейн. Думать о ней не хотелось, но он знал, что иначе придется думать о дереве, а тогда не удастся уснуть. Поэтому он вспоминал Мэри Джейн и планету Одуванчик, где они жили вместе, – кристальную ледяную воду ручья, бурлящий водопад, просторы горных лугов. Никаких деревьев, куда хватало глаз. Однако думать о Мэри Джейн оказалось ошибкой, потому что он невольно додумал до жестокого конца, и сон слетел, словно и не бывало.

Стронг лежал, прислушиваясь к шагам в коридоре. Рабочие расходились по своим комнатам. Много позже слышались другие шаги – тихие, нерешительные. Он вдруг вспомнил взгляд Катерины... неужели она? Встал, открыл

дверь, выглянул наружу – и успел заметить, как она проскользнула в следующую комнату, к Пикку. Снова повалившись в постель, Стронг едва подавил приступ тошноты. Стало быть, тот взгляд предназначался вовсе не ему. Вечно только Пик, смотрят на одного Пика. Пора бы уяснить, наконец, эту простую истину и спать спокойно. Как будто он сам – Пик. Вот так, да. Росли вместе в Нью-Фриско – он, Пик и братья Пика. Отлично, я Пик. А вот и Катерина – лежит рядом со мной. Да... Стронг почувствовал, что и впрямь засыпает. Отлично! Спать, спать... А остальные пускай идут ко всем чертям. Ну, кроме Мэтти... хотя и она наверняка, будь моложе, предпочла бы спать с Пиком... а может, и теперь... может быть...

Вестермайер брел домой по опустевшим улицам. Он жил в той части поселка, где выселения не требовалось по причине удаленности от дерева. Он почти не пользовался флаером, разве что летал за покупками. Предпочитал ходить пешком.

За пределами сумрачного шатра листвы улицы заливал свет фонарей. Тут никаких тайн не было: энергию давал генератор, установленный в большом железном ангаре на окраине. Когда-нибудь фонари поставят и на площади, но не раньше, чем снесут Большое дерево. Отличный получится парк без этого жуткого ствола. И дурацкую купальню тоже долой!

В окнах его дома торчали ширмы, значит, жена уже спит. Сыновья давно разлетелись по свету: один преподает в школе на Ариадне и сам уже имеет дочку, а старший пока холост, пилот на линии Ходж-Империя.

Вестермайер прошел через дом на заднее крыльцо. Надо проверить, не расползлась ли гниль дальше. Захваченным на кухне фонариком он посветил на стену – темное урод-

ливое пятно с утра вроде бы не изменилось, но в искусственном свете выглядело еще ужаснее. Не такое уж маленькое, почти с крышку багажника фляера.

Главное, что исправить ничего нельзя. Нет, конечно, гнилые участки можно, в принципе, заменить, только любой новый материал не будет так блестеть, и прежнее совершенство дому никак не вернуть. Прикрыть чем-нибудь пятно... а если гниль все-таки расползется?

Если уничтожить дерево, не расползется. И в других домах – тоже. Дерево – главный вредитель. Здесь, к востоку от него, после полудня все покрывает тень, а дома на западе не видят солнца все утро. Хорошо только на юге, если погода ясная, но даже там появилась гниль. Похоже, эту пакость подхватил весь поселок!

Коротышка глянул в сторону дерева, крона которого заслоняла полнеба, и погрозил ему кулаком, злобно щерясь в призрачном свете луны. Пенелопа, один из двух спутников Прерии, уже поднялась над горизонтом.

– Будь проклята твоя вечная тень! Гори в аду!

II

Yggdrasill astralis

Высота: около 300 м

Диаметр ствола: до 30 м

Листья: 10-20 см в длину, 10-12 см в ширину, темно-зеленые с 4-5 лопастями и редкими острыми зубцами

Пик остановил воздушный тягач точно над вершиной гигантского шатра зеленой листвы и запустил небесную подвеску. Она выстрелила высоко в вангоговскую синеву,

и невидимое силовое поле распустилось широким зонтом, прочно удерживая тягач на квадратной миле воздуха. Преодолевая страх высоты, Стронг шагнул на контейнер, который Синее Небо уже успел прикрепить к тросу лебедки. Зажужжал мотор, и контейнер стал опускаться в крону.

Навстречу рванулся голубой вихрь птиц-хохотушек. Продолговатые блестящие тела, крошечные золотистые глазки, широкий размах крыльев – эти птички могли летать далеко и быстро. Большинство уже успели с утра покинуть дерево, а потревоженные Стронгом сделали круг-другой и снова исчезли в зеленом море под ногами.

Синее Небо продолжал опускать контейнер. Стронг коснулся языком передатчика возле рта.

– Не гони, Оуэн, – буркнул он. – Там внизу чаща, как в тайге.

Не совсем правда. В земной тайге, когда она еще существовала, преобладали хвойные породы. Чтобы подобрать название для дерева и его погибших сородичей, ботаникам пришлось углубиться в скандинавскую мифологию, но и найденное имя не отличалось точностью. Древним германцам Иггдрасиль представлялся вечнозеленым ясенем, а этот скорее напоминал сахарный клен, хотя и гигантский. Во всяком случае, форма листьев почти совпадала. Стронг удивился, до чего они мелкие, едва с ладонь. Снизу их было не различить, но, судя по размеру ствола, можно было ожидать куда большего. На глаза попался первый цветок – крошечный и нежный, как лесной подснежник, только ярко-алого цвета.

По мере спуска страх высоты уходил. Счастливчик Синее Небо совсем не знал его, унаследовав свои качества от предков ирокезов. Пик вроде бы тоже не боялся, по крайней мере, ни разу себя не выдал. Впрочем, Стронг тоже хорошо держался, хоть и прилагал для этого огромные усилия. На

этот раз бороться с собой предстояло четверо суток. И так — годы, и даже больше, если прибавить детство и юность. Мальчишкой он нарочно лазал по деревьям, чтобы преодолеть страх высоты, всячески старался продемонстрировать храбрость, которой как раз и не хватало. В школе пошел заниматься борьбой, и два года подряд становился чемпионом в полутяжелом весе, благодаря чему выиграл стипендию. «Да ты боишься собственной тени», — посмеивался отец, но страх был не перед тенью, а перед самим собой: вечное сомнение в своей способности сделать то, что требуется.

Вот и первая крупная развилка. Верхушку придется убирать в два приема. Спуск продолжался. Ветви иногда приходилось отводить руками, но они были все толще. Что же будет дальше? Ниже от ствола отходят настоящие секвойи.

В крошечном приемнике у левого уха прозвучал голос индейца:

— Как там внизу, Том?

— Ничего, не жарко.

Даже прохладно. Солнечный свет сюда почти не проникал, а листва насыщала воздух влагой. Прохладный зеленый сумрак — но не тишина. Стайки потревоженных хохотушек то и дело взмывали с ветвей, с криками шарахаясь от чужака. Орнитологи не нашли более подходящего названия — голоса птичек и впрямь звучали насмешливо, хотя сами они об этом не подозревали. Многие явно еще птенцы, едва из гнезда, а взрослые уже с рассвета улетели в поля, добывают пропитание для потомства. Какое именно пропитание, ученые так и не узнали — по прибытии колонистов исследования пришлось свернуть. Да и кому какое дело до птиц?

Пройдя, по прикидкам, треть пути сквозь крону, Стронг распорядился остановить спуск. Выбрал сук потолще, где можно было разбить лагерь, перекинул через него ремни

контейнера и защелкнул зажимы. Достал бухту седельной веревки и повесил на плечо. Портативный лучевой резак уже болтался на поясе вместе со страховочным тросом и флягой. Длинные шипы Стронг надел на ботинки еще перед спуском. Поставив ногу на крюк, на котором прежде висел контейнер, он ухватился за трос лебедки.

– Поднимай, Оуэн.

Путь назад всегда кажется короче, будь то вверх или по горизонтали, однако на этот раз все вышло наоборот. Подъем едва начался, когда в ухе внезапно прозвучало:

– Том?.. Это Мэтьюз. Я проспала... Как у вас дела?

– Все нормально, Мэтти.

Она говорила из обеденного зала гостиницы, где были установлены экраны, подключенные к трем видеокамерам на воздушном тягаче, и могла наблюдать крону дерева только сверху, так же как Пик с Синим Небом.

– Это ж надо, проспать в такой день, – вздохнула она.

– Я еще только готовлюсь.

– Хорошо, держи меня в курсе.

– Угу.

Стронга окружало мельтешение зелени, грудь заполнял аромат алых цветов. Солнечные лучи расцвечивали листву причудливыми арабесками. Густые ветви приходилось отпихивать руками и ногами. Когда попался просвет, удалось наконец закурить. В тот же миг высоко над головой мелькнул странный силуэт. Дриада?

Для древорубов дриады были тем же самым, чем для моряков русалки в стародавние времена. Над мифами принято было смеяться, и в то же время каждый верхолаз втайне мечтал, чтобы они оказались правдой. Игривые байки помогали преодолевать одиночество и тоску. Никто всерьез не верил, что где-нибудь на очередной планете найдется заветное дерево и таинственная лесная фея поманит счаст-

ливца к себе в сплетенный из листьев будуар. Однако, сколько себя ни уверяй, надежду на чудо вытравить невозможно. Особенно у таких, как Стронг.

Они перешучивались всю дорогу сюда с Ходжа, где вырубили целую рощу хищных и прожорливых деревьев *кур-ра*, и колкие реплики время от времени вставляла даже Мэтьюз. Уж в последнем-то игтдрасиле на Гэндзи-5 наверняка попадется хоть одна дриада! Ну и повезет же тому, кто вытащит длинную травинку!

Только увидеть мало, хмыкнул про себя Стронг, дриаду надо еще поймать.

Видение было эфемерным – лишь намек на очертания тела, неуловимое пятно цвета, промельк золотых волос, тут же растаявших. Было или не было? Когда трос лебедки поднялся к сплетению листвы, Стронг уже был уверен, что никого не увидит. Так оно и вышло.

Руки его дрожали, сигарета выпала из онемевших пальцев. Он вдруг разозлился на себя. Одно дело обмениваться шутками, и совсем другое – принять случайную игру света и тени за настоящую дриаду! Или с уходом от Мэри Джейн он стал совсем не от мира сего? Не способен больше отличить иллюзию от реальности?

Он решительно выкинул из головы все мысли о дриадах и сосредоточился на подъеме... И почти уже добравшись доверху, снова увидел ее.

Она стояла, прислонившись к коре ствола, длинные стройные ноги опирались на ветвь, с которой он только что поравнялся. Тонкая фигурка, золотистые волосы, едва различимое лицо. Трос проходил в стороне от ствола, но не очень далеко, шагах в пяти.

Стронг зажмурился, снова глянул. Дриада не исчезла. Он тронул языком передатчик.

– Стоп!

Трос послушно замер. Шагнув с крюка лебедки на ветвь, он двинулся вперед, напрочь забыв о высоте. Дриада не шелохнулась. Он снова на миг зажмурился. Она стояла все так же, у основания ветви, спиной к стволу, застыв как статуя. Короткая туника из листьев, сандалии из того же материала, их ремешки оплетают ноги до середины икр. Солнечные волосы спадают на плечи. Черты лица мелкие, но без эльфийской хитринки. Глаза ярко-синие. Красавица из красавиц. Никого прекраснее он в жизни не видел.

Она стояла совсем рядом, но стоило ему протянуть руку, и она пропала, словно ее и не было. Не ушла, не убежала, не улетела, а как будто мигнула и погасла. Была – и нету.

– Томми, у тебя все в порядке? – раздался в ухе голос Синего Неба.

Стронг достал платок и вытер вспотевшее лицо. Сделал шаг назад, еще один, с трудом удерживая равновесие на ветке. Дриада больше не появлялась. На том месте, где она только что стояла, утреннее солнце горело ярким пятном в гуще листвы.

– Том?

– Все в порядке, Оуэн. Просто осматриваюсь.

– И как она на вид?

– Она... – Стронг вовремя сообразил, что тот спрашивает о ветке. Он снова промокнул пот и сунул в карман скомканный платок. – Толстая, очень. – Развернулся, дошел до троса и снова встал на крюк. – Давай, поехали!

Он все еще чувствовал нервную дрожь, когда достиг верхушки, где был так недавно и так давно. Их у дерева было две, но другую заслоняла листва. Стронг сошел с крюка и закрепился на верхней развилке – из тех, что выдерживали его вес. Пока Синее Небо поднимал трос и менял крюк на клещевой захват, он разглядывал сквозь просветы в листве окружающий пейзаж и старался думать о другом.

Других деревьев отсюда не было видно, да и не могло быть. Их сухие стволы так и торчали часовыми посреди гигантских мертвых пустошей, но ближайшее находилось миль в трехстах. В иллюминаторах спускавшегося челнока они выглядели крошечными, жалкими былинками под палящим солнцем Гэндзи. Десяток, не больше, словно часовые, охраняющие пустые развалины бывших деревень. Руины с орбиты не разглядеть, но Стронг читал про них в рабочих материалах по Нью-Америке.

Растительная чума? Видимо, да. Только что же это за чума – поражает и зерновые, и деревья, и даже строения?

Поля уникальной пшеницы Прерии – так называемой нью-американской разновидности – расстилались вокруг Пристволья бескрайним темно-золотистым морем, по которому утренний ветерок гнал плавные волны. Понижение ландшафта вокруг деревьев, отмеченное планетологами, вблизи не бросалось в глаза – для этого требовалась специальная аппаратура, – и море казалось плоским и ровным, без конца и края, насколько хватало глаз. В таком не утонешь, но заблудиться запросто – зрелые колосья поднимались выше человеческого роста. Сбор урожая, первого в этом году, начнется месяца через два.

Нижние ярусы кроны заслоняли обзор и позволяли видеть только самые окраины деревушки. Впрочем, крупных поселений у вымерших квантектилей никогда и не было. Все – вокруг деревьев и построены одинаково. Трудно поверить, что их возвели простые смертные. Скорее, какой-нибудь древний туземный бог явился в небесах Прерии и повелел: «Здесь будут дома!» – и дома выросли. А затем то же божество, досадуя на нерадивых почитателей либо ревнуя к бессмертию своих архитектурных творений, заставило вырасти громадные деревья, чтобы те своей влажной тенью сгноили всю эту красоту. Возможно, так оно и случилось.

Ощущая, как жаркий западный ветер, которому жнецы и были обязаны первым урожаем, шевелит остатки волос на макушке, Стронг вглядывался вдаль, различая на краю поселка железные ангары для сеялок и комбайнов, один из которых освободили для тягача. Ряды ангаров уходили за горизонт. Рядом виднелся мусоросжигательный заводик, заменивший примитивную печь квантестилей. Там же неподалеку находился и местный крематорий, слегка смахивающий на Парфенон. Построенную специально для снесенного дерева лесопилку, как и новые зернохранилища, скрывала листва.

Захват уже спускался на тресе – самый мелкий, но все равно впечатляющих размеров. Его огромные клещи уже зависли над верхушкой дерева, когда в ухе Стронга вновь раздался голос Мэтьюз:

– Так, ребята... отбой, давайте все вниз, и ты, Том. Оставь все инструменты на дереве.

– Что за дела? – удивился Пик.

– Судебный запрет. «Семьсот чудес света» добились его на новом слушании в Гелиспорте. Вестермайер уверяет, что уже к вечеру его опротестуют и отменят, тогда завтра утром продолжим... Том?

– Да, Мэтти?

– У меня еще новость, не знаю, понравится ли она тебе... В общем, помнишь ту свою журналистку с Одуванчика?

– Д-да... – Еще бы он не помнил. К горлу подступила тошнота.

– Только что прилетела с двумя телеоператорами. С новыми, не с теми, что тогда.

– Угу.

– Я просто подумала, что тебе надо знать.

– Спасибо, Мэтти.

Она положила трубку рации возле центрального экрана. Рассказывать Стронгу не хотелось, но все равно пришлось бы. Похоже, запал он на эту Мэри Джейн, а может, и до сих пор переживает. Трудно сказать точно, но зная Тома, можно догадаться. Для таких, как он, женщина всегда вроде яркой коробки с рождественским подарком. Сколько бы раз ни оказывалось внутри подержанное барахло, они продолжают верить.

Узнав, что работы сегодня не будет, Мэри Джейн с коллегами поднялись к себе наверх, и на первом этаже оставалась одна Мэтьюз, если не считать Вестермайера, который и принес новости, а теперь расположился тут же рядом в баре. Он выглядел уставшим, даже изможденным. Как же ему не терпится избавиться от дерева! Вряд ли больше, чем остальным жнецам, но по нему это видно. Даже в мэрию к себе не идет управлять делами кооператива – хотя небось и дел других нет. Так или иначе, продвинуться с деревом ему пока не удалось.

– Да уж, – вздохнула Мэтьюз, – похоже, зря я встала.

– Мой дом гниет всюю! – сердито пожаловался Вестермайер. – Весь поселок скоро рассыплется к чертям, а эти клоуны еще имеют наглость запрещать нам!

Мэтьюз откинулась на спинку кресла, вытянув ноги в высоких ботинках. Клетчатая рубашка и джинсы – глупо сидеть в рабочей одежде перед пустыми экранами, но кто мог знать?

– Да ладно, – сказала она. – Днем раньше, днем позже – какая разница.

– Слава богу, Триумвират на нашей стороне! Этим «Чудесам» еще икнется!

– Доктор Вестермайер, вчера вы говорили о перспективах повсеместного выращивания вашей пшеницы, – сменила тему Мэтьюз. – Интересно, удалось чего-нибудь добиться?

Помедлив, он покачал головой:

– Нет, мы работаем над этим, но результатов пока нет.

– Они будут, я уверена. Почему бы ей не расти везде?

– Ну, во всяком случае, мы не нашли другую подходящую почву... то есть, подходящую для другого климата.

– Хотя одна планета, но должна подойти.

– Наверное... но пока не подошла, хотя мы располагаем образцами почв и метеорологическими данными почти всех обитаемых миров.

– Понятно, – кивнула Мэтьюз.

Она понимала гораздо больше. Если уникальную нью-американскую пшеницу сможет выращивать кто угодно, она тут же упадет в цене. Триумвират, как и все правительства до него, отличался невероятной глупостью. Ну кто поручает такие исследования заинтересованным лицам?

Коротышка продолжал сидеть, и ей пришлось встать первой вопреки правилам вежливости. Болтать не слишком тянуло, а особенно с политологом, который к концу жизни обнаружил, что из грязи под ногами можно выкачать больше денег, чем с помощью своей основной профессии.

– Прошу прощения, доктор, но у меня дела, которыми стоит заняться, раз уж выпал свободный денек.

– Конечно, госпожа Мэтьюз. – Он двинулся следом к дверям столовой. – Я сообщу, как только можно будет возобновить работу.

Она посмотрела, как он спускается по ступенькам навстречу утреннему солнцу, и поднялась к себе наверх. Комната находилась на третьем этаже, как и у других, но единственное окно выходило не на площадь, а на задние дворы... зато какие! Их не портила даже дешевизна садовой мебели. Просто не устаешь любоваться... Потом вдруг снова накатила пустота. Присев было на кровать, Мэтьюз решительно поднялась на ноги. Работа, только работа! Хотя

делать особенно было нечего, но если хорошенько подумать, дела найдутся.

Усевшись за письменный столик, который наподобие остальной мебели, казалось, вырос из пола, она взялась за расчеты. Сумма гонорара за снос дерева смотрелась солидно, но вычитаемые из нее неизбежные расходы впечатляли не меньше нее. Перелет с Ходжа на Прерию минус транзитная скидка на рейс Прерия – Сканийплтон к следующему месту работы, жалование рабочим с учетом двойной ставки Стронга, да еще Внешняя налоговая служба свои проценты захапает. Однако даже после этого деньги оставались внушительные. «Мы держимся, Блэр», – кивнула она мужу, незримо сидящему напротив на невидимом стуле, и тут же вспомнила, как ненавидела его, когда он умер, – почти так же, как пустоту, с которой осталась наедине.

Он начинал так же, как Стронг, Пик и Синее Небо, простым рабочим, однако, в отличие от них, не был неудачником. Компания, в которой он работал, занималась вырубкой леса только на Земле, а идея инопланетных операций принадлежала лично ему. Люди давно уже не заморачивались сохранением окружающей среды, и в новых мирах, подаренных человечеству межзвездным двигателем, зловещий призрак экологической катастрофы их не преследовал. Предстояло удалить миллионы и миллионы деревьев, за что и принялся со всем усердием Блэр Мэтьюз, основав собственное дело. Он вполне процветал, пока он не умер два года назад, и теперь его вдова, Эми Мэтьюз, продолжала рубку силами троих рабочих, которых нанял еще ее муж. Конкуренция выросла с тех пор во много раз, но дело его жизни успешно продолжалось.

Если, конечно, можно назвать делом жизни убийство деревьев. Ну, наверное, в не меньшей степени, чем и стремление прибрать к рукам рынок пшеницы, способной

в случае его расширения прокормить всех голодных, которые еще оставались на Земле и других мирах, несмотря на все заверения политиков.

Мэтьюз задумалась, продолжая сидеть за столом, потом ее взгляд снова переместился за окно к изысканно-живописным деревенским дворикам. Один, два... пять – если высунуться в окно, можно увидеть и больше.

«Черт, сколько можно считать задние дворы! – фыркнула она в сердцах. – Моя жизнь сама как задний двор».

А на что тогда смотреть? Что ей еще хочется увидеть?

Ответ оказался, как всегда, обескураживающим: ничего.

Она встала из-за стола и снова улеглась на кровать. Дела не то чтобы совсем не помогли, но совсем чуточку. Пустота никуда не делась, она осталась внутри.

Жизнь в Пристволье шла своим чередом, как будто Большое дерево, которое жнецы винили в разрушении своих домов, не было обречено на гибель. Весть о том, что работа приостановлена, еще не разнеслась по поселку, однако главной причиной отсутствия интереса был запрет полетов, введенный мэром. Посмотреть сверху на действия лесорубов никто не мог.

По сторонам огороженного маршрута воздушного тягача стояло лишь несколько любопытных, а когда Пик, направляясь к дому Катерины, крикнул им, что все начнется завтра, разошлись и они. Большинство – женщины, кое-кто с младенцем на руках. Мужская половина кооператива проводила все свое время между посевом и жатвой в наблюдении с воздуха за полями и оценкой ущерба от гроз и ураганов. Среди жнецов преобладала молодежь. Управление особо позаботилось об этом при отборе поселенцев, делая исключение лишь для особо ценных специалистов и руководителей вроде Вестермайера.

Пик адрес Катерины знал и уже предупредил ее по телефону. Она развелась не так давно, вскоре после прибытия на Прерию, и муж вернулся в общежитие холостяков, оставив, согласно правилам, их домик в ее полном распоряжении. «Пряничный» – так назвал его про себя Пик, едва ступив на вымощенную деревом дорожку, ведущую к крыльцу, где уже ждала хозяйка. На работу в столовую ей нужно было только к одиннадцати, а сейчас еще и девяти нет, времени полно. Она провела гостя в очаровательную гостиную, а затем и в спальню, не менее уютную. Слово «пряничный» так и не выходило у него из головы.

Женщины доставались Пикку легко, и он считал их всех шлюхами. Обычно после одного-двух свиданий находил удобный повод и расставался без сожалений. Впрочем, с Катериной рвать пока не собирался. Первое свидание он получил после ужина в гостинице накануне вечером. Можно было с уверенностью сказать, что Пик нашел свое место в жизни еще в ранней юности.

Что касается Стронга, то отношения с Мари Мускатель он разорвал после одного из блаженных уик-эндов в ее компании, когда тот же Пик сфотографировал его тайком на пороге гостиницы на Громаде – расхристанного, с опухшей немытой физиономией и остекленевшим взглядом. С тех пор он не касался ее и не желал видеть – ни янтарных, с поволокой глаз, ни тягучей соблазнительной улыбки. С первого взгляда она привлекала, на нее хотелось смотреть всю вечность. Казалось, с ней можно разделить свои мечты. Так оно какое-то время и было – делила, даже помогала мечтать, – но потом становилась буйной и требовательной и создавала массу проблем. Да вот хотя бы эти чертовы бутылки – куда их девать? Не говоря уже о ней самой.

Сейчас Стронг томился у себя в комнате и уже начинал жалеть, что так резко порвал с Мари Мускатель. Да нет, она

была бы рада возобновить отношения с ним... но, покинув ее, он отрезал что-то и от себя, словно какую-то больную часть, и теперь просто не мог начать сначала, даже если бы их пути вновь случайно пересеклись. В отношении Мари Мускатель он сам себя кастрировал.

В комнате он провел весь остаток дня. Из столовой доставили обед, затем и ужин – Мэтти принесла сама, и ему было неловко. Она молча поставила тарелки и ушла. Стронг не отрывал глаз от дерева за окном. Прошлой ночью мысли о Мэри Джейн позволили отвлечься, теперь наоборот – дерево помогало не думать о ней. Оно стало меньшим из двух зол. Все таким же страшным, но хотя бы переносимым. Мэри Джейн была здесь, и это было ужасно.

Стронг смотрел на дерево, но Мэри все равно сопротивлялась. Один раз, когда он представлял, как будет срезать верхушку, взяла и пробежала голая прямо поперек мыслей, встряхивая копной длинных черных волос, а стоило ему поднять глаза к небу, вдруг возникла на гранитном уступе над водопадом, из которого только что вынырнула. Брызги воды с ее бедер упали на лицо, и он провел по губам внезапно пересохшим языком, ощущая желание в каждой капле.

Однако по большей части на дереве удавалось сосредоточиться. Запах его листьев и аромат цветов стоял в комнате, и мысли окутывала зеленоватая атмосфера необъятной кроны. О дриаде Стронг уже не думал, теперь было ясно, что ему все показалось. А когда она все же лезла в голову, он тут же переключался на нижние ветви, похожие на торчащие вбок секвойи, – их придется валить вниз, на площадь, и там разрезать на куски, потому что с такой толщиной не справится захват даже самых больших клещей. С деревом предстоит достаточно забот и без его таинственной несуществующей обитательницы. Глядя на дерево, он то и дело замечал ее на освещенных солнцем ветвях и сразу на-

чинал думать о секвойях, а иногда для разнообразия – о тысячных стаях птиц-хохотушек, которые вскоре лишатся последнего пристанища. Впрочем, птицы тоже мешали, расшатывали его решимость покончить с деревом, заставляли сомневаться. Какого черта ему понадобилось здесь на Прерии? Сидит в гостиничной комнатушке и таращится на несчастное дерево, против которого ничего не имеет! На кой его вообще сносить?

Когда солнце опустилось за горизонт и крону дерева, где устраивались на ночь хохотушки, окутала тьма, раздался стук в дверь. На пороге возник Синее Небо с бутылкой. Сел рядом на кровать и глотнул прямо из горлышка, не предлагая Стронгу. Почему тот весь день отсиживается у себя, даже не стал спрашивать, только заметил:

– Телевизионщики внизу в баре все гадают, куда ты подевался... Порядок – запрет сняли. Вестермайер заходил, сказал.

– Уже? Я не верил, что так скоро.

– С Управлением шутки коротки, – хмыкнул Синее Небо, – у них своя лапа в любом суде на любой планете. Мэтти велела тебе быть готовым с утра.

– Я всегда готов.

Индеец снова присосался к бутылке. Поймав в полумраке взгляд Стронга, ухмыльнулся.

– Не бойся, деревяшкой по башке не получишь. Завтра буду как стеклышко.

– А кто боится?

– Я Пьяное Небо по двум причинам. Одна фальшивая, как рождественская елка, хоть я на нее вечно ссылаюсь: потому что ненавижу быть частью того народа, который уничтожил моих предков, и делать с другими землями то же самое, что проделали с нашими. Другая причина настоящая: иначе просто совсем паршиво.

– Вот и мне, – вздохнул Стронг.

– Ну, теперь-то ты держишься, не то что раньше. А мне нужен костыль.

Стронг молчал. Неужели его все считают сильным? Трудно поверить – или костыли не видны?

Синее Небо вдруг усмехнулся.

– Мэри Джейн тоже в баре, со своим ассистентом. Почти все там, и Пик с Катериной, даже Мэтти. Вестермайер за бармена.

Стронг молча смотрел на свои руки. Сложенные на коленях, они белели в сумерках.

– Мэри Джейн про тебя не спрашивала, – продолжал индеец, – но увидеться хочет, я заметил. С двери глаз не сводит... – Не дождавшись ответа, он встал. – Ладно, просто решил сказать тебе... Не знаю, что там между вами было, не мое дело... До завтра, Том.

– Угу.

Синее Небо ушел, а Стронг продолжал сидеть на кровати, опустив глаза. Его руки чисты, это все она. Или нет? Может, никто не виноват, так было суждено? Может, в генах заложено – ее или его.

Потом снова пришли мысли о дереве. На самом деле дерево он ощущал постоянно, просто иногда это чувство затаивалось в уголке сознания. Теперь оно снова вышло на передний план, удачно оттеснив Мэри Джейн. Стронг глубоко вдохнул терпкий растительный аромат, странный, похожий на запах женщины... а впрочем, ботаники утверждали, что это как раз женская особь.

Он прилег на кровать как был, в верхней одежде и рабочих ботинках. Стены комнаты, как и все стены в деревне, почти не пропускали звуков – что происходит там внизу в баре, не понять, слышно лишь собственное дыхание. В квадрате окна сплошная тьма – двойная, из-за ночи и из-за

дерева. Пенелопа скоро взойдет, ее свет можно какое-то время наблюдать из-под гигантской кроны. А пока дерево составляло одно целое с ночью, со всем окружающим. Оно по-прежнему внушало страх, но вместе с тем, вдыхая запахи листьев и цветов, Стронг начинал чувствовать себя спокойнее, будто громадные ветви обнимали, баюкали, ограждали от зла.

Должно быть, он задремал, а когда открыл глаза, заметил в распахнутом окне сидящую фигуру. Женщина. Сначала он подумал, что это Мэри Джейн, хотя и знал, что той никогда не придет в голову прийти к нему, но потом... Даже в сумраке за ширмой волосы незнакомки искрились солнцем.

Он резко сел. Разглядеть женщину как следует не удавалось, но одежда была та же самая: туника, сотканная из листьев, ремешки сандалий оплетают ноги. Красота, сияющая в полумраке.

Здесь, в крошечном гостиничном номере, Стронг мог легко дотянуться до нее рукой. Однако он медлил, боясь, что, как и в первый раз, она мигнет и погаснет. Не двигалась и она.

«Так ты настоящая? — произнес он наконец, не слыша собственного голоса. — Я в самом деле тебя видел? Ты была там, среди листвы? И потом, когда стояла у ствола...»

«В каком-то смысле, да, — ответила она так же беззвучно. — Можно и так сказать».

«Ты живешь на дереве?»

«Можно и так сказать... Зачем вы убиваете деревья?»

«Причин много... Потому что они мешают возделывать землю... прокладывать дороги... строить дома...»

Стронг вдруг понял, что вопрос совсем не о том. Зачем убивает индеец? А Пик? Зачем убивает он сам? Вспомнилось, что говорил Синее Небо о несчастной судьбе родных

земель своего племени. Краткий момент заботы об окружающей среде в конце двадцатого века быстро сменился полным наплевательством, как только человечество добралось до звезд.

«Ну... — вздохнул он, — у Синего Неба нет страха высоты, это наследственное, так чем же ему еще заниматься? А Пик... ему это позволяет путешествовать с планеты на планету... и от женщины к женщине...»

«А ты?»

«Я... — Стронг понял, что не может лгать. — Я боюсь высоты и пытаюсь это преодолеть. На дереве чувствуешь, что победил свой страх... но потом он возвращается... я обманываю самого себя».

«Ловите нам землян, землинышей, которые портят виноградники, а виноградники наши в цвете».

«Ты взяла это из моей памяти... только там не так. Про лисиц и лисенят, а не про землян.

«Лисицы лакомятся ягодами, но то, что взяли, всегда возвращают обратно. Я сказала верно».

«Да, — согласился он, — верно».

«Теперь я должна уйти, надо подготовиться к завтрашнему дню».

«Прости меня... мне жаль твое дерево».

«Я знаю... но та твоя часть, что жалеет, живет только по ночам. С каждым рассветом она умирает».

«Нет, она не умрет».

«Умрет. Утром ты решишь, что я тебе померещилась... Спи, маленький землиныш. Закутайся в свои сны, и пускай твоя ложь и иллюзии согревают тебя... Спи...»

III

Yggdrasil astralis

Цветки: очень мелкие, чашевидные, ярко-алой окраски, с единственным пестиком, без тычинок

Мэтьюз смотрела из обеденного зала, как на экране проплывают под крылом воздушного тягача крыши Пристволья. Наконец показались ветви дерева. Сегодня она не проспала. На импровизированном рабочем столе стояла под рукой полупустая чашка кофе.

В небе над тягачом парило еще одно воздушное судно — «мотылек», арендованный телевизионщиками у кооператива. На экран оно не попадало, но за ровным гулом тягача слышался звук другого мотора. Мэри Джейн и два ее оператора были полны решимости наверстать упущенное из-за позднего прибытия накануне — спуск Тома на дерево. Вестермайер разрешил им полеты над деревней, а Мэтьюз, получив согласие подписать отказ от претензий, дала допуск на дерево во второй половине дня, когда Том уже доберется до нижних ветвей. Ему она ничего не сказала, пускай спокойно работает. Ей и самой не очень-то улыбалось видеть этих зевак с голокамерами, но отогнать их официально мог разве что шериф из соседнего поселка Оттоватоми, а вызывать его не хотелось. Мэри Джейн не понравилась ей еще на Одуванчике, но главным образом не хотелось пускать ее на дерево из-за Тома.

Две камеры на воздушном тягаче смотрели прямо вниз, а третью Синее Небо мог поворачивать по указаниям Мэтьюз. Сейчас на третьем экране было видно лебедку. Когда Пик запустил небесную подвеску, все три изображения разом дрогнули, но тут же стабилизировались. Стронг уже

готовился к спуску. На этот раз будет проще: большая часть оборудования уже спущена вчера и ждет на ветвях.

Мэтьюз смотрела, как Стронг продевает ноги и садится в стальной треугольник, подвешенный на тросе. Синее Небо включает мотор. Том исчезает с одного экрана и появляется на другом. Интересно, боится ли он? Ей всегда казалось, что боится, хотя явных признаков не было. Вот навстречу рванулся голубой вихрь птиц-хохотушек, и Том погрузился в пышную зелень кроны. Что ж, теперь все в его руках.

Стронг снова думал о Мэри Джейн, на этот раз нарочно – чтобы забыть о страхе высоты. Они познакомились на Одуванчике. Она танцевала с одним из своих операторов. С одним из своих кобелей. Стронг поморщился, но слово было точное, а главное, заставило хоть на время забыть о страхе. Тогда он, конечно, не мог еще знать, что она собой представляет, и даже, что работает на телевидении и это ее оператор.

Она танцевала, а когда музыка кончилась, Стронг отлепился от стены, подошел к бару, где стояла Мэри Джейн, пригласил на следующий танец, и она сказала «да». С первого взгляда было ясно, что она успела повидать виды, но не то чтобы огрубела, нет. Длинные черные волосы, широко расставленные карие глаза, широкие скулы – молодая и очень энергичная деловая женщина, которая иногда позволяет себе оторваться, но не слишком часто, и однажды станет хорошей женой какому-нибудь счастливчику.

Во время танца они представились друг другу, она рассказала о своей работе и упомянула, что родилась и выросла на Земле. Он тоже был землянин, и общее происхождение, казалось бы, могло способствовать удачному началу отношений, ведь уроженцы метрополии на других планетах были наперечет. Тем не менее, после первого танца Мэри

Джейн больше ни разу за вечер не обратила на него внимания.

Ну какой из меня танцор, подумал он тогда, стоит ли удивляться?

Планета Одуванчик была по преимуществу аграрной, но танец совсем не походил на деревенские пляски. Он назывался сигго, а вечеринку устраивали в большом зале пожарного депо Нектар-Сити, приличных размеров городка в обширной горной долине. Тамошнее третье поколение потомков мигрантов-землян день и ночь подпитывалось последними теленовостями из метрополии и было в курсе всех веяний моды.

Зачарованно любуясь ножками Мэри Джейн под развещающейся алой юбкой, Стронг наблюдал, как она переходит от партнера к партнеру. Пожалуй, бедра великоваты в пропорции к остальному телу, подумал он – и удостоверился в этом позже, – но на первый взгляд это было незаметно. Практически каждый мужчина в зале хоть раз потанцевал с Мэри Джейн, а Пик удостоился внимания трижды. Стронга она продолжала игнорировать, и он держался в стороне. Томас Стронг всегда сторонился тех аспектов реальности, что не благоволили к нему, и оттесняли его далеко не в первый раз. Он привык относиться к поражению равнодушно.

Стояла поздняя весна, и местные «одуванчики», давшие название планете, буйно цвели на нижних склонах северных гор умеренного пояса. В отличие от земных аналогов, они золотились вокруг все лето напролет, закрывая свои чашечки только на ночь и наполняя Нектар-Сити и всю долину сладким жасминовым ароматом. Впрочем, в окрестных горах добывали не золото, как можно было бы предположить, а серебро. Колонисты, прибывшие в долины вроде этой, дабы напитать богатством недр экономику планеты,

активно строились, деревни превращались в города, а местные деревья добавляли живописности пейзажам и обеспечивали тень. К сожалению, голландская болезнь вязов добралась и до Одуванчика, отсюда и нужда в услугах компании Мэтьюз.

Дождавшись окончания последнего сигго, Стронг наблюдал, как Мэри Джейн упорхнула в сопровождении того телеоператора, с которым танцевала вначале. Их флаер сверкнул на прощанье хвостовыми огнями, оставив на сетчатке слепящие пятна, но Томас Стронг по-прежнему старался держаться только тех аспектов реальности, что благоволили к нему, и мог посмеиваться над своим поражением. Потом он увидел Мэри Джейн лежащей на спине в переезде возле гостиницы, где остановились телевизионщики и бригада древорубов. Свет падал только на ее лицо, и Стронг решил, что мужчина – все тот же оператор. Лишь неделями позже она случайно обмолвилась, что была с Пиком, но к тому времени было уже поздно. Застав ее *in flagrante delicto*¹, Томас Стронг отчаянно влюбился.

Он отыскал ту развилку, где оставил седельную веревку, переступил туда и скомандовал индейцу выбрать трос, чтобы подать клещевой захват. Перекинул веревку через сук, завязал двойной булинь и продел ноги в петлю, а оставшийся конец закрепил на основной веревке схватывающим узлом. Сел в получившееся седло и стал протравливать веревку, спускаясь. На одной трети пути остановился, дождался клещей и закрепил их на стволе. Велел Синему Небу натянуть трос, чтобы зубья захвата поглубже вонзились в древесину, затем спустился к главной развилке.

¹ *In flagrante delicto* (лат.) – поймать с поличным. Фраза может также использоваться как эвфемизм для обозначения пары, застигнутой во время полового акта.

Страх высоты был уже забыт. Поставив ноги в развилку, Стронг развязал схватывающий узел, вылез из седла, стянул веревку вниз и смотал ее. Опершись спиной на один из расходящихся стволов, снял с пояса лучевой резак и задрал голову, вглядываясь в верхушку кроны.

Кто это там? Фигурка в наряде из листьев, золотые волосы, поцелуй солнца на стройных ногах... Видение. Мечта. Стоило позволить одной-единственной мысли о ней промелькнуть в сознании, и вот она – сидит на высоких ветвях, как тогда ночью на подоконнике...

– Как дела, Том? – прозвучал возле уха голос индейца.

Пот заливал глаза, хотя Стронг пока не слишком напрягался. Продолжая всматриваться, он вытер лоб рукавом рубашки. Дриада по-прежнему сидела на ветке, никуда не делась. Он помахал ей, чувствуя себя идиотом, но она не шевельнулась. Помахал снова – так и сидит.

– Уходи отсюда! – крикнул он, предварительно проверив языком, что передатчик отключен.

Тишина. Даже если и слышала, то промолчала.

Иллюзия, подумал Стронг. Просто случайный контур из света и листьев.

Может, и так... Однако рассеиваться иллюзия никак не желала.

Послушай, сказал он себе, ты одолел сотни деревьев, если не тысячи, и ни на одном из них не находил никаких дриад. Ты все это выдумал, намечтал себе. Нету там дриады, как нет шампанского в твоей фляге!

Смерив взглядом ствол, он повернулся к нему боком, чтобы удобнее было резать. Нужная интенсивность была установлена еще на борту тягача, и оставалось только направить и включить.

Давай, скомандовал он себе, давай! Зажмурился, нажал большим пальцем на кнопку, а когда открыл глаза, пучок

гамма-частиц уже въедался в кору и древесину. Проведя невидимым лучом слева направо, он включил передатчик.

– Натягивай! – Наклонный ствол дрогнул и медленно приподнялся. Стронг повернулся в развилке и атаковал его с другого боку. Ствол зашатался. – Поднимай!

Половина двойной верхушки дерева затряслась и поползла вверх. Водопад алых лепестков обрушился вниз, оседая на рубяхе каплями крови. Стронг устался на них в ужасе, потом принялся ожесточенно стряхивать.

В сплошном зеленом шатре над головой теперь зиял солнечный проем. Синее Небо подтянул срезанную верхушку почти к самому брюху тягача, и Пик двинул машину, продолжавшую прочно висеть на квадратной миле воздуха, по направлению к лесопилке.

Стронг не сводил глаз с уменьшающегося вдаль клочка зелени, но дриады больше не видел.

Ну конечно, ведь ее там и не было!

Сияние солнца приободрило его, но ненадолго. Пора было заняться второй верхушкой. Поднявшись по стволу, он дождался возвращения тягача и закрепил клещи снова, затем спустился назад в развилку. На этот раз смотреть вверх не стал, а сразу начал резать. Вскоре тягач унес вторую верхушку, и небо над головой почти очистилось от листвы.

Неподалеку от тягача парил «мотылек». Жнецы летали в них на поля в дни посева и жатвы, а также вели воздушное наблюдение за ростом пшеницы. По очертаниям воздушный аппарат напоминал древний вертолет, только без винта, но с крыльями. Пока Стронг наблюдал, «мотылек» успел снизиться, и сквозь прозрачные стенки кабины стали видны трое пассажиров – женщина и двое мужчин, нацеливших камеры вниз.

Глаза женщины были устремлены на Стронга, словно еще одна пара объективов. Длинные черные волосы, широ-

кие скулы... Он резко отвернулся. Звук мотора стал удаляться – «мотылек» возвращался на прежнюю высоту.

Застыв в обрубленной развилке, Стронг снова смахнул с рукава алые лепестки. Кровь.

– Том?

Он тронул языком передатчик.

– Да, Мэтти?

– Том, я сказала им не снимать тебя крупным планом.

– Ничего страшного.

– Завтра во второй половине дня они хотят спуститься к тебе...

– Говорил же, гони их!

– Ты будешь уже на нижних ветвях, и можно будет установить камеры... ну, если погода не помешает.

– Пусть убираются!

– А что я могу поделаться? Мэри Джейн согласилась подписать отказ от претензий. Черт побери, Том, дерево не моя собственность! Подумаешь, короткое интервью, ну что тебе стоит?

Стронг промолчал.

Место действия: хижина на склоне горы. Черноволосая девушка сидит на ступеньках крыльца с сигаретой. Мужчина стоит за ее спиной.

Она: «Ты знал, что я такая. Я не притворялась другой, и ты никогда не возражал. В чем же дело?»

Он: «Ты знаешь».

Она: «Из-за Пика, я правильно понимаю?»

Он: «Ты правильно понимаешь».

Она: «Значит, кому-то другому меня трахнуть можно, но только не ему, да? Всего-навсего?»

Он: «Да, но все не так просто. Я рос с Пиком и его братьями, и каждая моя девушка успевала до меня пройти через

них. Я вечно был вторым... или третьим, или четвертым. Мне хотелось думать, что с тобой будет не так».

Она: «О боже! И что же мне теперь – его вытрахнуть?»

Он: «Ты бы это сделала, если бы могла?»

Она: «Не знаю».

– Том?

– Да, Мэтти?

– Надо было, наверное, сказать тебе раньше... Такая реклама дала бы хороший толчок нашему бизнесу. Я уже старая, мне все равно, но вы все стали бы больше зарабатывать. Что скажешь, Том?

– Хм... Ну ладно.

– Вот и отлично! Что тебе прислать на обед?

– То же, что и у вас.

– Заберу для тебя пораньше, Джейк с Оуэном спустят.

– Да все равно.

– Договорились... Конец связи.

– Видала, как тот сукин сын повернулся к нам задницей? – фыркнул Скот, управлявший «мотыльком». – Что это с ним?

– Кто знает, – солгала Мэри Джейн.

Пруитт покосился на нее, продолжая возиться с камерами:

– Он так смотрел, будто знает тебя.

– Да, было кое-что, – нехотя призналась она.

– Ах, вот оно что.

Мэри Джейн глянула на дерево сквозь стеклянный пол кабины, затем на экран, подключенный к камере. Молодцы ребята.

– Так и держи его, Джерри, – кивнула она Пруитту, – по центру.

– Угу.

Скоту пришлось подвинуть «мотылек», когда тягач вернулся, но Пруитт тут же подкорректировал направление камеры. Однако вскоре Стронг исчез среди листвы.

— Наверное, теперь займется ветвями. — Мэри Джейн кивнула Пруитту. — Возьми клещи крупным планом.

Она продолжала смотреть на пустую развилку, где только что стоял Том. В памяти почему-то всплыли его длинные бакенбарды — интересно, какой он сейчас? Надо будет глянуть запись... Хотя нет, ни к чему это, какое ей теперь дело?

Пруитт стоял за ее плечом. Они были любовниками, и он даже чем-то напоминал Стронга. Всегда наготове, особенно когда не нужен. Защищает от похотливых соперников, которые, как ему мнится, так и норовят уволочь ее в укромный уголок.

Том и Джерри, хихикнула она про себя. Я приманка для Томов и Джерри.

А еще — для Джонни-Боев.

Джонни-Бой Скот был скорее похож на Пика, хотя и куда спокойнее в своих половых притязаниях. Хорошо понимал, что достаточно выждать, и все достанется. Знала и она. Он уже успел ввалиться к ней с Джерри в самый неподходящий момент во время перелета на Прерию. Извинился, что вваливается, явно неискренне. Прекрасно знал, еще не открыв дверь каюты, что происходит внутри.

Глядя на место, где стоял Том, она ощутила легкую тошноту. Нет, не от укачивания. С утра только выпила кофе, от которого никогда плохо не становилось. Дело было в мыслях — о том, кто проникнет в нее следующим.

Родители Мэри Джейн принадлежали к неокатолической церкви, которая еще в давние времена разорвала все связи с Римом, когда Папой выбрали сторонника контроля за рождаемостью. С тех пор численность неокатоликов умножалась год от года, и в конце концов они стали мощной силой.

И хотя скачок к звездам покончил с проблемой перенаселения точно так же, как и с необходимостью заботиться об экологии, последователи этой религии то и дело маршировали по улицам христианских городов Земли, утверждая право на жизнь, проклиная давно покойного Папу Леверн-Пьера и всех, кто еще предавался греховному использованию противозачаточных пилюль, презервативов и внутриматочных спиралей.

Когда у Мэри Джейн случились первые месячные, мать заперлась с ней в ванной их тесного трехэтажного блочного дома, где росло еще шесть сестер и семеро братьев, и обнесла принципы, внушенные в частной школе, частоколом из четырех дополнительных пунктов. Первое: половой аппарат женщины предназначен исключительно для размножения. Второе: использование любой части этого аппарата просто для удовольствия влечет за собой отлучение от церкви. Третье: блуд в понимании неокатоликов включает в себя также и применение любых противозачаточных средств независимо от того, состоишь ли ты в браке или нет. Четвертое: аборт допускается лишь в сочетании с клитордектомией.

В последнее Мэри Джейн не поверила, но пришла в ужас. Посреди этого частокола она жила до восемнадцати лет и до поступления в колледж оставалась девственницей. «Ты чиста, – говорил отец, – как свежевывавший снег». Он так верил в непорочность дочери, что позволил поступить в светское заведение. Однако ее непорочность держалась лишь на страхе.

Едва вырвавшись из-под опеки родителей, Мэри Джейн принялась рушить опостылевший частокол и весьма в этом преуспела, за исключением абортов, но лишь потому, что они не понадобились. Когда вернулась домой на летние каникулы, отец по-прежнему считал ее чистой, и от этого бы-

ло настолько не по себе, что она чуть было не призналась. Может, в конце концов и решилась бы, но он умер на втором году ее учебы в колледже.

О том, чтобы признаться матери, не шло и речи, та как раз вынашивала пятнадцатого ребенка. Мэри Джейн стала навещать родных все реже – по вечерам и выходным приходилось работать, чтобы платить за обучение, да и не очень-то хотелось, честно говоря. Переступая порог родительского дома, она каждый раз ощущала себя шлюхой, а братья и сестры ее раздражали – они-то как раз были на самом деле чисты.

Получив диплом, она стала работать на телевидении. Сперва на побегушках, но мигом усвоила, кого надо ублажать, кого опасаться, а об кого вытирать ноги, и вскоре попала в редакцию Звездных новостей, а там и получила первое задание за пределами Земли. Небольшое, правда, но за ним последовали и другие. Свое имя Мэри Янус сменила на Мэри Джейн и начала перескакивать со звезды на звезду и с планеты на планету: с Ариадны на Громаду, с Громады на Небесный Надел, оттуда на Лунный Привал и Лазурит, Одуванчик и Прерию. И с каждым скачком снесенный частокол волочился следом, каким-то образом цепляя за собой и грубый отцовский сапог.

– Так и есть, – нарушил молчание Джерри Пруитт, – вот и первая.

Стронг решил не заморачиваться с мелкими верхними сучьями, и ветвь, которую сейчас уносили клещи, вполне стоила отдельного путешествия на лесопилку. Присев в развилке, он снова наблюдал за водопадом алых лепестков, радуясь, что теперь стоит в стороне.

Зеленый полог листвы над головой скрывал его от команды «мотылька», и это было тоже приятно. Оставаясь

в седле, он прошагал по следующей ветви до двух третей ее длины. Веревка была перекинута через развилку, так что падать было невысоко. Впрочем, в мыслях Стронг был от этого за тысячу миль. Когда индеец снова спустил ему клещи, он дал Пикку указание сдвинуться и закрепил их. Вернулся в развилку, сделал надрез сверху, велел натянуть трос и полоснул лучом по нижней стороне. Оперся спиной на ствол и стал наблюдать, как вторая ветвь взмывает вверх и исчезает из виду.

Из-под ног донесся смех птиц-хохотушек. На дереве их оставалось немного, остальные улетели в поля за пропитанием. Над чем они смеются? Дриада больше не напоминала о себе. Стронг трудился как заведенный. К полудню он срезал уже восемь ветвей и значительно углубился в крону. Сине-небо спустил ему его обед: два сэндвича с ветчиной и кофе в одноразовом термосе. Отдохнув, Стронг удалил еще четыре ветви, а затем стал срезать оголенный ствол, сначала десятиметровыми, а в конце пятиметровыми кусками. В конце дня, когда тягач вернулся за последним куском, индеец спустил ужин.

Одновременно прибыл бак с водой, и Стронг от души вымылся на ветвях под открытым небом. Тягач отправился в ангар, а «мотылек» завершил свой рабочий день уже давно. До оборудования, оставленного вчера утром, нужно было спускаться еще метров шесть, поэтому Стронг уселся на ближайший сук и вскрыл коробку с едой. Стоило расслабиться, как тут же навалилась усталость. Как хорошо, что внизу есть все, чтобы как следует выспаться!

На ужин была жареная курица с сухариками, капустой и горошком, а еще клюква. Мэтти знала, как Том любит клюкву, и прислала две порции. Ее привозили с другой стороны планеты, с покрытого лесом северного континента, названного французскими поселенцами Монбижу за свер-

кающую россыпь голубых озер. Местные аборигены, такие же гуманоиды, как и в Нью-Америке, служили дополнительным подтверждением теории о доисторическом заселении извне всех землеподобных планет галактики Млечный Путь.

Выбросив пустую упаковку, Стронг спустился в седле на широкую ветку, выбранную накануне для лагеря. На ней легко разместились палатка и портативный костерок. Впрочем, разжигать огонь было рановато, и так жарко от работы, а сырая вечерняя прохлада еще не сгустилась. Листва окружала Стронга со всех сторон, и казалось, что дерево стоит целехонькое.

– Ну как курица, Том? – Голос прозвучал так, будто Мэтти сидела рядом.

Он тронул языком переключатель.

– Лучше не бывает.

– У меня это удовольствие еще впереди, позвали на лесопилку. Сказали, у нашего дерева какая-то аномально обширная сосудистая система. Спрашивают, ты ничего необычного не заметил?

– Нет, откуда? Лучевик мгновенно запекает срез, весь сок испаряется.

– Барроуз, он тут на лесопилке главный, показал мне поперечный распил последнего куска ствола. Пробковый и лубяной слой оказались вдвое толще, чем у обычных деревьев. Такого я еще не встречала, а ты?

– Нет, не припомню... А какие с этим проблемы? Сухить придется дольше, вот и все.

– Да тут больше тайн, чем проблем. Главное, непонятно, для чего такая мощная сосудистая система. Пускай дерево и очень большое, но и обхват веток соответствующий – зачем наращивать специализированные клетки в глубину? Другая загадка: часть пробкового и лубяного слоя оказалась

мертвой или умирающей, и это не процесс превращения в древесину, потому что отмершие участки с ней не контактируют даже у луба. Возможно, тебе удастся пролить на это свет, Том.

— Да, непонятно... Может, все из-за размеров. Вдруг при таком объеме прежние закономерности не действуют?

— Возможно, хотя что-то не верится. Так или иначе, Барроуз хотел, чтобы ты был в курсе. Ладно, пойду ужинать. А ты отдохни как следует.

— Постараюсь, Мэтти.

— Ну, пока. Конец связи.

На дереве ночь наступила рано. Хохотушки, вернувшиеся с полей, присоединились к общему хору в глубине темно-зеленого сумрака в блаженном неведении, что сегодняшнее разорение — только начало беды. Сквозь просветы в листьях над головой тускло замерцали первые звезды. Стронг сидел на ветке, пытаясь собраться с мыслями, но они перемешались, как скомканные письма в мусорной корзине. Сжечь бы их все, но как, если в роли корзины твоя собственная голова?

На небо взобралась первая луна Пенелопа, посеребрив края листьев и правый рукав Стронга. Он озадаченно глянул на руку, потом встал и забрался в палатку — стало ощутимо холодать. Включил походный костерок на малую мощность и стал смотреть через вишнево-красное искусственное пламя на ночную листву. Широкая ветвь, на которой был разбит лагерь, простиралась вдаль, словно аллея в глухом лесу, а в конце сверкало серебром лунное сияние.

Сияние шевельнулось — рука, нога, размытый слепящий овал лица. Затем отдельные фрагменты слились в тонкую женскую фигуру. Легкой походкой она прошла по тенистой

аллее и присела напротив возле костра. Золотистые днем, теперь ее волосы стали лунно-серебристыми.

«Я видел тебя утром... там... — выдавил он, снова не слыша себя, — на самом верху... Это ведь была ты?»

«Да, я».

«Я махал тебе, но ты не ответила... Боялся тебя поранить. Что ты там делала?»

«Наблюдала за тобой».

«А потом, когда я срезал верхушку? Я тебя больше не видел...»

«Зато видишь теперь».

«Вижу... Ты дриада?»

«В некотором смысле».

«Мы часто шутим по поводу дриад. Будто бы надеемся встретить их на деревьях... Странное дело — мне никогда не приходило в голову, да и Пику с Синим Небом наверняка тоже, что таких, как мы, древорубов дриады должны ненавидеть больше всего на свете».

«У меня нет ненависти к тебе... и даже к тем, кто тебя нанял. Все вы часть неизбежного».

«Почему? Если бы у меня был дом и кто-то начал рушить его, я бы обозлился не знаю как».

«У меня к тебе нет ненависти, — повторила она. — Ни к тебе, ни к другим».

«А зря, — вздохнул он. — Ты живешь тут одна?»

«Да».

«Я тоже совсем один».

«Но не сейчас».

«Да», — согласился он.

Пенелопа поднималась все выше, и блик лунного света лежал на лице дриады. В серебряных лучах ее темно-синие глаза были прекрасны, как и она сама, — ничуть не хуже, чем днем. Что же станет с ней, когда дерево умрет?

«Я тоже умру», — ответила она на незаданный вопрос.

«Но почему? Есть же другие деревья... не такие, конечно, и далеко отсюда, но я помогу тебе перебраться... если хочешь».

«Нет, так не получится».

«На тех мертвых деревьях тоже жили дриады?»

«Да... если тебе нравится так их называть».

«И теперь они умерли?»

«Да, вместе с деревьями».

«Прошлой ночью я решил, что ты мне привиделась... а потом снова увидел — там, наверху».

«И снова решил, что это иллюзия».

«Да, конечно».

«Завтра опять решишь то же самое».

«Нет! Теперь я знаю, что ты настоящая».

«Сейчас ты знаешь одно, а завтра будешь знать совсем другое. Решись, что я тебе приснилась. Меня трудно втиснуть в твою крошечную картину мира».

«Может, ты и права», — снова вздохнул он.

«Я знаю, что права. Завтра ты спросишь себя, как может дриада говорить на англо-американском в чужой голове, и без единого звука».

«В самом деле — как?»

«Вот видишь? Утро еще не скоро, а ты уже сомневаешься! Уже проскользнула мысль, что я лишь образ, созданный для защиты от одиночества и ночной скуки, от тяжких воспоминаний и кошмаров».

Она поднялась на ноги, вновь поразив его своей красотой. Стронгу отчаянно хотелось потянуться через вишнево-алое пламя и коснуться этой сказочной плоти, но руки его словно окаменели.

«Я ухожу, маленький земляныш, — прошептала она. — Оставляю тебя в твоей маленькой постельке в игрушечной

палатке высоко-высоко на дереве. Спи, маленький землениш, спи...

Пик глянул в зеркало над стойкой на Мэри Джейн, сидевшую рядом со своим помощником. Она, конечно, тоже видела Пика. Их взгляды встречались в гладком отполированном стекле каждые несколько минут.

Что она пила, в зеркале было не разглядеть, по эту сторону стекла ее загораживали Мэтьюз и мэр с супругой, так что оставалось только догадываться. Впрочем, секрет небольшой: на Одуванчике Мэри Джейн пила только Магеллановы Облака и едва ли с тех пор переключилась на что-то другое. Сам Пик предпочитал виски с содовой — одна часть на сотню. Ему нравилось сохранять трезвость ума, когда все вокруг старательно затуманивали свой. Никакого похмелья наутро, и он всегда точно помнил, кто и что говорил. Но лучше всего было то, что они не боялись выставлять себя при нем идиотами, поскольку считали своим в доску.

Катерина заправляла в баре, и ее ладная фигурка смотрелась весьма пикантно в коротеньком детском платьице. Стойка была современная и не очень подходила к помещению даже несмотря на многочисленные предметы искусства квантестилей, украшавшие полки. Помимо Катерины и четы Вестермайеров здесь сидело еще с десяток жнецов — просто посетители, никак не связанные с телевизионщиками или древорубами. Типичные завсегдатаи — Пик уже успел разглядеть их и убедился, что соотношение пьяных, подвыпивших и просто балагуров здесь такое же, как и в любой компании.

Закончив разливать напитки, Катерина присела за стойкой напротив Пика в позе, какая ему нравилась: лодыжка на правом колене, пышная плоть свисает с края табурета.

Однако на этот раз ее ноги не привлекли его внимания. Он все поглядывал в зеркало, думая о Мэри Джейн – какая она была тогда на Одуванчике, еще до того как Стронг со своими школьными соплями сманил ее к себе в постель, рассчитывая на большее.

– Твой приятель, похоже, перетрудился, – заметила Катерина. – Спит без задних ног.

Синее Небо опустил голову на скрещенные руки и сладко посапывал.

– Да куда там перетрудился, – хмыкнул Пик, – просто привык спать в барах.

Он поднял глаза к зеркалу и встретил взгляд Мэри Джейн.

– Да что там такого интересного? – фыркнула Катерина. – То и дело тарачишься.

Пик несколько не смутился.

– Так, одна знакомая девчонка.

– С телевидения?

– Она самая.

Синие глаза Катерины прищурились.

– Живешь настоящим, да? Ты на меня должен смотреть!

– А я и смотрю.

– Только когда не на нее.

Он вздохнул.

– Знаешь, так бывает...

– Как бывает?

– Думаешь, все кончилось, а фиг там.

В конце стойки какой-то жнец стукнул пустым стаканом, и Катерина, снова фыркнув, поднялась с табурета и направилась к нему. Пик задумчиво проводил взглядом ее пышный зад, и снова вздохнул. Неплохо было, но... Он взял свой бокал и двинулся между столиками к Мэри Джейн. Точно, Магеллановы Облака.

– Привет, Мэри Джейн.

Она обернулась к своему спутнику:

– Эй, хватит дышать мне в спину... Здорово, Джейк! Как поживаешь?

– Да так, ничего ... А ты?

– И я ничего. Сижу вот, гадаю, вспомнишь меня или нет.

Ее мелодичный голос запомнился ему еще с Одуванчика, а красоту глаз, темных, живых и пронизательных, не могло отобразить никакое зеркало. Широкие индейские скулы, копна черных волос волнами спадает на спину.

– Вот уж не думал встретить тебя на Прерии...

– Плохо думал, значит, – усмехнулась Мэри Джейн. – Неужто мое начальство упустило бы снос дерева, самого большого со времен Иггдрасиля? Эксклюзивные права на съемку куплены давным-давно.

– Да ну, дерево как дерево, – пожал он плечами.

– Ну ничего себе! – возмутился ассистент. – Оно в десять раз выше любого другого, если не считать тех засохших на равнине.

– Джейк, это Джерри Пруитт, – представила его Мэри Джейн, – мой главный оператор. – Джерри, это Джейк Пик из команды древорубов. Мы старые друзья.

Пруитт сдержанно кивнул.

– Привет, – кивнул в ответ Пик, смерив его взглядом. Недотепа с виду, даже на Тома смахивает.

Мэри Джейн между тем продолжала:

– Мы собираемся представить Большое дерево чем-то вроде злой стихии, а Тома – современным Полем Баньяном, был такой легендарный дровосек. Кстати, как поживает Том?

– Так же, как и всегда, сам по себе, слова от него не дождешься. Тебе придется потрудиться, чтобы сделать из него Поля Баньяна.

– Он сейчас там, на высоте?

– На высоте, да не на той, – усмехнулся Пик. – Такие, как Том, никогда не бывают на высоте.

– Вы его недолюбливаете? – спросил Пруитт.

Пик пожал плечами.

– Ну, не больше, чем он меня.

– Что-то жарко, – заметила Мэри Джейн. – Кондиционер бы сюда.

– Насколько я понял, – кивнул Пик на жнецов, – они терпеть не могут что-то менять в своих домах... Правда, док? – кивнул он Вестермайеру, сидевшему рядом с Пруиттом.

Глава кооператива серьезно кивнул:

– Когда дело касается наших домов, мы становимся суеверными консерваторами, боимся их пальцем тронуть. К счастью, нужды в этом нет – зимой дома сами дают тепло таким же таинственным образом, как и свет по ночам. Конечно, для кондиционеров не потребовалось бы сверлить много дыр, но в теплый сезон особой жары и не бывает.

– А мне вот жарко, – не сдавалась Мэри Джейн, поглядывая на Пика.

– Может, подышим свежим воздухом? – предложил он.

Она сползла с табурета и взяла его под руку.

– Отличная идея!

Пруитт дернулся, как школьник, получивший от учителя оплеуху.

– Мэри Джейн, не надо, – жалобно буркнул он.

«О боже, – подумал Пик, – он и впрямь вылитый Том!» Чей-то взгляд сверлил его затылок, он знал, что это Катерина, и оборачиваться не стал.

– Пошли прогуляемся, – бросил он и повел ее к выходу.

Площадь была огорожена, но Мэри Джейн решительно обошла предупреждающий знак и двинулась по травяному откосу к гигантскому стволу. Свет из окон окружающих до-

мов и от уличных фонарей тускло блестел на зелени под ногами, но чем ближе становилось дерево, тем сильнее сгущался сумрак. Необъятный черный утес вздымался вертикально, уходя в непроглядную тьму ветвей и листьев над головой.

– Вот это да! – выдохнула Мэри Джейн.

– Дерево как дерево, – снова хмыкнул Пик.

– А что это там стоит черное?

– Купальня для птиц.

– Ах да, припоминаю... Должно быть, Тому сейчас страшновато одному наверху.

– Он предпочитает одиночество.

– Да, я убедилась в этом на собственной опыте.

– Почему он тебя бросил?

Она промолчала, потом спросила:

– Ты чувствуешь дерево? Я – да.

– Запах?

– Не просто запах. Он какой-то... зеленый. И аромат цветов... но главное, я как будто ощущаю его присутствие, оно живое. Антропологи считают, что квантектили поклонялись ему, и я понимаю, почему.

– Подумаешь, кучка спятивших друидов. Вообще...

– Ты привел меня сюда для разговоров о друидах? – перебила Мэри Джейн. Она прислонилась спиной к стволу, разглядывая очертания его фигуры на фоне деревенских огней. – Ты же всегда берешь быка за рога, правда?

– А тебе как раз это во мне и нравится.

– Ну, в числе прочего...

– Те, кто ходят вокруг да около, просто боятся дойти до сути. Такие, как Том. Дай он себе труд разобраться в тебе, вместо того чтобы плясать, как ребенок вокруг елки, то знал бы, почему тебе хотелось трахаться со мной в том переулке. Ты любишь это делать на задворках, в канавах, на автостоянках...

— Я ничего не скрывала от него, и не виновата, что я такая.

— И когда он понял наконец, то ушел, да?

— Нет. Он ушел, когда я проговорила, что была с тобой. Тебя он стерпеть не смог.

— Почему, черт побери?

— Тебя и твоих братьев. Он не искал святую, нет. Ему хотелось кого-то, кто не прошел через вас. Что еще хуже, он влюбился в меня, когда увидел в переулке, и думал, я там со своим оператором. Так он сказал, во всяком случае. Тогда проговорила и я.

— Ну и дела! — вздохнул Пик. — Как говорила моя покойная мамаша, век живи, век учись — дураком помрешь.

Он протянул руку к пряжке ее ремня и обнаружил, что Мэри Джейн уже сидит на траве.

— Здесь чисто, — шепнул он, садясь рядом.

— Не-ет, грязно! — проговорила она хриловато. — Слышал о мейофауне? Уховертки, ногохвостки, мокрицы, трипсы... Здесь они другие, но они есть и так же копошатся в земле, в корнях деревьев — поедают всякую мертвечину, переваривают и кормят дерево... Здесь грязно, Джейк... грязно!

Он молча опрокинул ее на влажную траву и навалился сверху, вдавливая в темную рыхлую землю.

IV

Yggdrasil astralis

Плоды: орехи конической формы красноватого цвета 2-4 см в длину с семенем длиной около 1 см. Белая сердцевина богата углеводами. Опадают поздней осенью.

Стронга разбудил смех птиц-хохотушек. Высунув голову из палатки, он смотрел, как их голубые силуэты мелькают в лиственных коридорах на фоне клочков неба, порозовевших от нежного дыхания рассвета. Охотники и охотницы готовились к дальним дневным перелетам.

Он достал из контейнера запечатанные в пластик сэндвичи с яйцами, сыром и ветчиной и два стаканчика кофе. После еды выкурил сигарету, наслаждаясь утренней пустотой в голове. Воспоминания о пережитом во сне навалились только потом, когда он стал убирать палатку. Воспоминания и страх высоты.

Стараясь не смотреть вниз, он думал о дриаде. Она уже второй раз являлась ему. Во сне – или на самом деле? Это явно нечто большее, чем игра света и тени в листве. Кроме того, сны всегда быстро забываются, а между тем даже первый из них стоял перед глазами так же отчетливо, как и сегодняшний.

Однако признавать сон реальностью только потому, что он хорошо запомнился, значит опровергать саму реальность. Раз уж дриада не только померещилась в листве, но и приснилась, то просто обязана быть похожей на кого-то, виденного прежде, чьим-то замаскированным воплощением. Кто это, мать? Стронг покачал головой. Мать умерла, едва успев родить его. Упала с лестницы двухэтажной халупы без удобств в Нью-Фриско, где отец снимал квартиру. По пьяни, как он рассказывал. Может, и так – жить с отцом и не пить было трудновато. Ее сохранившиеся голографии и считанные месяцы у нее на руках едва ли могли настолько врезаться в память, чтобы всплывать во сне. Конечно, потом были и другие «матери», но те неряшливые злобные бабы, которых Стронг ненавидел, уж точно не могли воплотиться в дриаду.

Мэри Джейн? Он сплюнул. Кто бы она ни была, Мэри Джейн совершенно исключается. Впрочем, как и остальные,

кому он пел свои робкие серенады.

Нет, ничего не получается... но не верить же, в самом деле, что дриада настоящая? Стронг решительно выбросил сны из головы и принялся запаковывать палатку в контейнер. Убрав туда же давно выключенный костер, снова приблизовал контейнер к ветви. Седельная веревка так и свисала сверху со вчерашнего дня подобно суперпропиленовой лиане. Он влез в седло и стал медленно подниматься к тому месту, где закончил работу, подавляя приступы страха. Лучше уж напрямую, чем отгораживаться мыслями о Мэри Джейн.

Совсем рассвело, и с каждой пройденной ветвью солнечные лучи становились все ярче, а зелень – менее сочной, пока наконец Стронг не оказался над поверхностью листвы. Взираясь на обрезанный сук, через который была перекинута веревка, он больше не ощущал страха – тот остался где-то глубоко внизу.

Стронг уселся в развилке и взгляделся в голубизну утреннего неба. Никаких признаков ни тягача, ни «мотылька». Местные часы, купленные Мэтьюз, остались в номере гостиницы: на дереве не было нужды следить за временем. Тем не менее, Стронг чувствовал, что коллеги опаздывают. Гигантские ветви вздымались во все стороны, заслоняя восходящее солнце и пшеничные поля. Теперь дерево напоминало раскрытый цветок, а обрубленный ствол, где он сидел – уродливый пестик. Однако жужжащая пчела воздушного тягача, когда он, наконец, появился, прилетела не опылять, а уничтожать.

К тому времени, как Пик остановил машину и закрепил на небесной подвеске, Стронг уже ждал на первой ветви. Утренний ветер трепал его поредевшие волосы и покачивал седельную веревку, свисавшую с развилки. Скоро ее придется закреплять нагелями. Сверху спустился клещевой за-

хват, уже среднего размера, и Стронг, установив его зубья на ветви, вернулся к развилке, сдвигая по веревке вверх схватывающий узел. Прибавил мощности лучевика и сделал надрез сверху. Индеец выбрал слабинку, длинные зубья щелкнули, глубоко вонзаясь в древесину. Прежде чем резать снизу, Стронг невольно взглянул на дальний конец ветви, но все было в порядке, никаких признаков дриады. Ну конечно, их и не могло быть, дерево осталось без верхушки, и игра солнца в листе обмануть не могла.

Переживать было вроде бы не о чем, да он особо и не переживал, однако в глубине души что-то еще царапало, и когда ветвь, вздрогнув, стала подниматься и сверху посыпались кровавые лепестки, легкая печаль обернулась отчаянием. Руки задрожали, глаза залил холодный пот.

«Что со мной? – подумал он. – Это не ее дерево, да и нет вообще никакой «ее».

Когда тягач вернулся с лесопилки, Стронг ждал уже на другой ветви. Зубья врезались все глубже, дерево вздрагивало сильнее. Больше лепестков, больше крови. Однако на этот раз стало легче, и он знал, что сегодняшнюю норму выполнит.

Одним глазом он поглядывал на небо, но «мотылек» все не появлялся, хотя, судя по солнцу, было уже восемь утра. В это время обычно просыпалась Мэтти, и едва он о ней подумал, как в ухе зазвенел голос:

– Всем доброе утро!

– Доброе утро! – ответил Стронг, одновременно услышав приветствия Пика и Синего Неба.

– Оуэн, Джейк, – продолжала Мэтьюз, – разбудите меня перед вылетом.

– Непременно, – пообещал индеец.

– А где телевизионщики? – спросил Стронг.

– Не знаю, я думала, там у вас.

- Да не видать что-то, – хмыкнул индеец.
- Значит, я не одна такая соня... Ладно, рано или поздно появятся. Том, готовься – ты не забыл?
- Не забыл.
- Я дала им полчаса.
- Ладно.
- А, вот они идут к завтраку... Джейк, присмотри за ними там, когда прилетят, чтоб под руку не лезли.
- Присмотрю.
- Все, конец связи.

Накануне Вестермайер установил у дверей кухни автомат с кофе и сэндвичами – для удобства гостей, но больше для Катерины и повара. Мэри Джейн взяла только кофе, как и Пруитт, а Скот добавил себе еще сэндвичи с сыром, яйцом и беконом. Они уселись за столиком в углу, где Мэтьюз их не слышала: Скот слева от девушки, Пруитт – справа. Он все больше молчал и выглядел совсем как щенок, которого она мучила в детстве.

Мэри Джейн закурила, прихлебывая кофе. Обычно с ней спал Пруитт, но в эту ночь случилось иначе, потому и проспала, наверное. Тревожный сон еще клубился в голове – старый сон, он повторялся уже не однажды и обсуждался с психоаналитиком, но никогда прежде не запускал свои когти так глубоко.

За кофе и сигаретой Мэри Джейн обдумывала его снова и снова. Без какой-либо охоты – думать не хотелось вообще, но жуткая картинка перед глазами не хотела отступать.

Сон не изменился с тех пор, как она рассказывала его врачу, разве что стал ярче.

«Я иду по широкому лугу, такому широкому, что не видно краев. Кругом цветы, самые разные и очень красивые. Иду босиком и наступаю на них. Небо над головой синее,

как летом в умеренном поясе Земли. Стараюсь не топтать цветы, но их слишком много, они везде, и я убиваю их каждым шагом. Дует ветер, холодный – наверное, северный. Чувствую его лицом, руками, ногами, животом, грудью – и вдруг понимаю, что я голая. Меж тем луг уже превратился в горный склон, который с каждым шагом становится все круче и, наконец, встает вертикально, но я продолжаю идти по нему, как по равнине. Мне страшно, я хочу вернуться, но не могу. Цветов больше нет, земля серая и какая-то вздутая, ноги в ней вязнут. Непонятно, куда делся луг, остался ли за спиной, но почему-то кажется, что исчез, хоть я и не могу обернуться. Продолжаю подниматься, вершины у горы не видно, она очень узкая и больше похожа на колонну, но самое страшное – не высота, на которую я забралась, а то, что я иду вверх легко и не падаю вопреки всем законам природы. Однако остановиться и повернуть назад никак не получается. Гора зачаровывает, заставляет идти все выше и выше, хотя подниматься на вершину не хочется. Внезапно гора под ногами начинает содрогаться, меня охватывает чувство опасности. Высоко-высоко надо мной раздается грохот, и я с ужасом понимаю, что это вулкан, который извергается, и в любой миг сверху может обрушиться поток лавы. Держаться на ногах все труднее, и наконец я прижимаюсь к вертикальному склону, вцепившись пальцами в его странно мягкую поверхность. Над собой вижу лаву, но почему-то белую, как сметана. Она сбегает волнами и вот-вот накроет меня и смоем мое мертвое тело вниз. Я кричу – и просыпаюсь».

Психоаналитик, орудуя своими биосенсорами, извлек из ее подсознания главные опорные символы, затем, изучив пухлое досье, интерпретировал сон в целом: «Вам не хочется губить цветы, ведь это дети, которых вы не родили, но вы все же топчете их, потому что в каком-то смысле уже

это сделали. Гигантский пенис, по которому вы карабкаетесь, символизирует смысл вашей жизни, ради которого вы отрелигиозились от религиозной веры. Остановиться вы также не можете, потому что удовольствие перевешивает все опасения. Когда происходит извержение, вам кажется, что вы испытываете страх за свою жизнь, но на самом деле боитесь либо беременности, которой избегали вопреки требованиям религии, либо перемены образа жизни, либо того и другого вместе. Полагаю, мы можем сделать еще один шаг, мисс Янус, и предположить, что этот последний аспект вашего сна заключает в себе тайное желание. На самом деле, вы не удовлетворены своей жизнью и хотели бы изменить ее, даже если беременность окажется единственным выходом. Так или иначе, теперь вы понимаете свой сон, и он не должен больше повторяться».

Лжец! Шарлатан! Мэри Джейн закурила новую сигарету. И все же... нет, не во всем он соврал. Сон повторился впервые за очень долгий срок.

— Джерри, милый, — вздохнула она, — принеси мне еще кофе.

Не глядя на нее и не произнося ни слова, Пруитт сходил к кофейному автомату за очередным стаканчиком и снова уселся.

— Спасибо, милый.

Может быть, продолжала размышлять она, мое подсознание так же жестоко, как и сознание? Возможно, подсознательно я не хочу перестать страдать? Оттого и сон повторился?

А может, все дело в Томе? Вот увидела его сейчас — и снова тот сон. Тогда на Одуванчике я чуть было не ответила ему «да» — поэтому? Сон все еще тревожил меня, хотя и не повторялся, а семейная жизнь с детьми, как хотел Том, закончила бы с кошмарами раз и навсегда.

Место действия: планета Одуванчик, гранитный уступ над водопадом. Обнаженные мужчина и женщина лежат бок о бок на камне над бурлящим потоком.

Он: «Ты знаешь, чего мне хочется, Мэри Джейн. Выходи за меня замуж».

Она: «Не говори глупостей, Том».

Он: «Я хочу детей... от тебя».

Она: «Ты говоришь, как персонаж из древнего фильма».

Он: «Ну и что? Предложение остается в силе. Выйдешь за меня?»

Она: «Я... я не знаю, Том. Я подумаю».

«Да» едва не вырвалось в тот момент, но так и осталось в мыслях. Надолго. Она думала об этом изо дня в день и из ночи в ночь, пока... пока... Мэри Джейн встряхнулась, выкидывая из головы обрывки былой романтики.

Джонни-Бой Скот опрокинул в рот остатки кофе.

– Ну что, лучше поздно, чем никогда?

– Угу, – кивнула Мэри Джейн, следуя его примеру, – пока не стало слишком поздно. – Она взглянула на Пруитта. – Джерри? – Тот молча встал и двинулся к двери. Ничего, оклемается. – Пошли, Джонни-Бой.

Мэтьюз глянула ей вслед. Белоснежная блузка, темно-синие рейтузы в обтяжку и белые сандалии. На фоне блузки длинные волосы казались еще чернее. Черные как сажа... Вот сучка, сплонула про себя Мэтьюз, но мысль принадлежала не ей, а двадцатипятилетней девчонке, запертой в ее теле, которой было наплевать на страдания бедняги Пруитта, да и на Стронга, если на то пошло. Она думала только о себе. Прошлой ночью Пик был не с ней, а с Мэри Джейн – вот главное! Боже мой, из чего только сделаны мы, женщины! В голову тут же пришел собственный ответ, данный в настоящие двадцать пять: «Из конфет, и пирожных,

и страстей всевозможных – вот из чего...»

Однако внешняя Мэтьюз осуждала и само поведение Мэри Джейн. Убитый вид Пруитта, когда та ушла вчера из бара с Пиком, до сих пор стоял перед глазами. Эта другая Мэтьюз, которой Пик был неприятен, не могла понять, что в нем есть такого, чего нет в Стронге и что так привлекает женщин. Обычный деревенский охламон, которому по прихоти высших сил досталась циничная мужественность, затмевающая наивных и чувствительных простаков вроде Стронга и Пруитта... и делающая пустоту в душе стареющих женщин еще глубже.

К полудню Стронг срезал еще шесть ветвей, в два приема каждую, и снял весь расчищенный участок ствола. Затем достал из контейнера молоток и мешочек с нагелями, а остальное отправил наверх, чтобы не тратить время на перенос лагеря все ниже и ниже. Дерево уменьшилось уже наполовину, и после обеда предстояла основная часть работы.

Синее Небо спустил обед. Одолев два сэндвича с местной говядиной и запив их одноразовым термосом кофе, Стронг уселся на пеньке ствола над бескрайним морем листвы. «Мотылек» болтался в небе часов с девяти утра, но сейчас куда-то улетел. Только бы опять не вернулся... ведь полезут же на дерево, обязательно полезут!

Так и вышло. Он как раз срезал очередной сук, когда в ухе раздался голос Мэтти.

– Спустился двое, – сообщила она, – Мэри Джейн и оператор. Бога ради, Том, постарайся, чтобы они не свалились!

Стронг окинул взглядом освещенную солнцем ветку, на которую только что спустился. Широкая, будто дорога, вымощенная корой, она лежала посреди густой листвы, а впереди простирался настоящий лес из ее собственных ответвлений.

— Не сваятся, — заверил он, — если не пьяные, конечно.

Он сел, прислонившись спиной к обрубку ствола, и стал ждать гостей. Даже на такой высоте ствол был толстенным, а кора уже походила на ту, что у основания, бугристую и рассеченную впадинами, хотя пока еще не слишком глубокими.

Вскоре появился «мотылек». Пик уже увел тягач западнее, чтобы уступить телевизионщикам место. Оказавшись точно над стволом, бабочка с прозрачным брюшком начала медленно спускаться. Стронг не шевелился, сверху его и так хорошо было видно. Воздушное суденышко опускалось точно на ту ветку, где он сидел. Зависло в воздухе и спустило корзину, из которой вышла женщина в сопровождении мужчины с видеокамерой и треногой. Корзину снова утянуло вверх, и «мотылек» взмыл в небо. Стронг взглянул в лицо Мэри Джейн — впервые с тех пор, как ушел из той хижины на склоне горы.

Приятного в этой встрече было мало, но он давно был своим среди неприятностей.

Если Мэри Джейн и боялась высоты, то умело это скрывала. Не успел звук мотора затихнуть в небе, а она уже легко ступала по грубой древесной коре, направляясь туда, где сидел Стронг. За ее спиной оператор устанавливал камеру.

— Привет, Том!

Для интервью она переоделась: красная клетчатая рубашка, темно-синие брюки и высокие сапоги до колена. Если не считать сапог, то же самое, что и на Стронге, разве что новое с иголки, а не поношенное. Ей шло к фигуре, ему — к бороде.

Он медленно поднялся, глядя на ее волосы:

— Привет... как дела?

— Нормально... — солгала она. Бакенбарды все такие же. — Мы ненадолго. Ты не мог бы повесить веревку на плечо?

– Ладно.

Он вылез из седла, стянул веревку и стал сматывать, радуясь возможности перевести дух, которая требовалась каждый раз при виде Мэри Джейн. Она сучка, сказал он себе. Сучка Пика... Нет, не помогло.

– Джерри будет нас снимать, – объяснила она, – пока я задаю вопросы. Хочу подать тебя зрителям как лесоруба-одиночку, который сражается с деревом. Вроде как ты герой, а оно – злобный враг. Ведь так и есть, правда?

Стронг повесил моток веревки на плечо:

– Так считают жнецы...

– И я их понимаю. Вестермайер показал мне, как гниют дома. Только у ствола разговаривать не годится – подумают, что мы на земле. Давай пройдем подальше по ветви? Иди первый.

Он отлепился от пня и двинулся вперед, женщина за ним. Подойдя к оператору, она представила их друг другу.

– Я взяла с собой Джерри, он говорит, что не боится высоты, – объяснила она.

В глазах Пруитта плескался ужас. Стронг пошел дальше по сужающейся ветке.

– Утром я вспоминала Одуванчик, – сказала она ему в спину.

– Приятная планетка, – заметил Стронг.

– Ага... Я... думаю, достаточно. Здесь.

Они развернулись лицом к камере. Зелень с алыми цветами обступала их со всех сторон, над головами вились птицы-хохотушки. Горячий сухой ветерок трепал листву, смешивая темные тона со светло-зеленой изнанкой. И все это великолепие – коту под хвост, ради дурацкого интервью.

– Джерри, готов?

– Вы в кадре.

– Начинаем!

Она просветлела лицом, обращаясь к миллионам зрителей.

– С вами Мэри Джейн из Звездных новостей. Я стою среди ветвей гигантского дерева на планете Прерия, за сном которого вам уже довелось наблюдать, а рядом со мной – тот самый герой, что взял на себя эту невероятно трудную задачу, мистер Томас Стронг! Он согласился ответить на мои вопросы, чтобы вам стало ясно, кому такое по силам. – Она повернулась к Стронгу. – Вы всегда этим занимались, мистер Стронг?

Болезненно ощущая внимание миллионов глаз и еще болезненнее – присутствие женщины, он с трудом выдавил отрывистое «Да».

– Как получилось, что выбрали именно вас?

– Вообще-то нас трое, и когда предстоит валить что-то большое, мы тянем травинку, – пожал он плечами, чувствуя себя глупее некуда. – Я вытянул длинную...

– Как интересно! – Против всякого желания, в ее голосе прозвучала ирония – наверное, по привычке. – Вы были рады? Работы тут, чувствуется, невпроворот – просто ужас, а не дерево!

Оглянувшись на окружающую красоту, Стронг снова пожал плечами.

– Я вовсе не так его воспринимаю... Страшно немного, только и всего. Вот жнецы – да, они это дерево просто ненавидят.

– И их можно понять! – подхватила Мэри Джейн и подмигнула зрителям. – Наш отважный герой снисходителен, но вы еще увидите, какие беды причиняет оно чудесным домикам, в которых жнецы поселились, когда прибыли сюда... Скажите, мистер Стронг, чем вы занимались до того как стали древорубом?

- Учился.
- В школе?
- В колледже.

Она глянула с удивлением. На Одуванчике речь о его прошлом не заходила, как, впрочем, и о ее. Том уже знал или догадывался, что она за женщина, и не хотел никаких подробностей. Ее же самой было известно лишь то, что он вырос где-то на Земле в тех же краях, что и Пик.

– Понятно, – кивнула она, – наверное, изучали лесное дело или что-то в это роде?

– Нет, – покачал он головой. – Чтобы валить деревья, о них не обязательно что-то знать, достаточно владеть резак-ком. В колледже я изучал итальянскую литературу.

Мэри Джейн свирепо выругалась про себя. Ну что стоило заранее его расспросить? Знала бы теперь, о чем спрашивать, а каких тем избегать. Слишком уж уверилась, что изучила Тома до мелочей. Впрочем, что касалось его действий в любой ситуации, так оно и было. Это она знала наизусть, не хуже чем католическую библию, которую получила в детстве от отца на день рождения. Добродушный медведь, которого так легко было водить за нос – пока она случайно не проговорила насчет Пика, и медведь тут же встал на дыбы. Тем не менее, о его прошлом она не знала ничего. И как только филолога занесло в тупые работяги? Как теперь связать Поля Баньяна с Данте, Петраркой, Манцони и Моравиа?

Что ж, придется импровизировать.

– Не могу понять, мистер Стронг, – начала она, – и я уверена, это удивляет и наших зрителей, как специалист по итальянской литературе вдруг решил стать лесорубом. Карбакаться по деревьям вместо того чтобы преподавать...

– Мне не нравилось преподавать, – ответил Стронг, внутренне сжимаясь от миллиона воображаемых ухмылок.

— Понятно... — Ее вдруг осенило. «Торо! Ну конечно, Торо. Никакой не силач Поль Баньян, а одинокий обитатель лесов, воспевавший возврат к природе». — Значит, вы решили пойти по стопам Генри Торо, предпочтя лесную тишь шумному студенческому кампусу. Ваш героизм отличается скромностью, не так ли, мистер Стронг?

Он безнадежно вздохнул. Воображаемая аудитория разразилась свистом и топаньем. Они видели его насквозь.

— Когда что-то изучаешь, не обязательно преподавать, и вообще... Вот, например, после школы я получил стипендию за успехи в спорте, но в спортивный колледж поступать не стал, а занялся совсем другим...

— А каким спортом вы занимались? — не упустила случая журналистка.

— Борьбой.

Она вспомнила его бугристые мышцы, крепкий живот. Почему-то тогда не пришло в голову спросить. Ладно, так или иначе, вот и еще одна привязка к дереву.

— Значит, вы новый Торо, который борется с первобытной дикостью!

Стронг поморщился, оглушенный воображаемым свистом. Мэри Джейн восхищенно улыбнулась:

— Еще на Земле люди сталкивались с засухами, бурями и потопами, а более всего они страдали от сорняков, заглушавших посевы и убивавших сыростью деревянные постройки. И вот здесь, на Прерии, вы продолжаете извечную борьбу человека с силами природы! — Она взглянула в камеру. — С вами была Мэри Джейн из Звездных новостей с репортажем из поднебесья, с гигантских ветвей последнего иггдрасиля планеты Прерия.

Над деревом повисла тишина, которую нарушало лишь щебетание хохотушек и скрип треножника, который складывал оператор.

– Ну что ж, – вздохнула Мэри Джейн, – не так уж и плохо вышло.

– Очень рад, – кивнул Стронг, переводя дух.

Она бросила взгляд вверх и махнула рукой. «Мотылек» начал спускаться.

– Давненько не виделись...

Он молча кивнул.

Сверху спустилась корзина, и Пруитт залез в нее, забрав оборудование.

– Ладно, Том, спасибо тебе...

– Да не за что, – кивнул он, глядя, как она идет к корзине.

Мэри Джейн помахала ему, он помахал в ответ. Корзина поднялась в брюхо «мотылька», который тут же взмыл в небо и двинулся в направлении ангаров.

Тем временем тягач вернулся на место. Старательно прогоняя из головы все мысли, Стронг вернулся к обрубку ствола, снял с плеча моток веревки и снова забросил на сук. Влез в седло, прошел по ветви вверх, остановившись чуть раньше. Первые надрезы вышли неточным, но от места, где стояла Мэри Джейн, он избавился.

В пять часов Синее Небо снова спустил контейнер с вещами, а заодно ужин и воду для помывки. Тягач отправился в обратный путь. К тому времени Стронг удалил еще четыре ветви и укоротил ствол. Седельную веревку уже приходилось закреплять нагелями, резать каждую ветвь натрое, а средний захват едва справлялся с последним, самым толстым куском. Завтра придется использовать большие клещи.

Перед едой Стронг только ополоснулся, бриться не стал. Пускай растет борода, почему бы и нет. В этот раз Мэтти ничего не сказала, но, похоже, ужин опять готовился пер-

сонально: ростбиф с картофельным пюре и подливкой, зеленый горошек и салат, а на десерт – большой кусок персикового пирога с чаем. Все местное, свежее и восхитительно вкусное... вот только аппетита почему-то не было.

Слегка поклевав то одного, то другого, он выбросил остатки и закурил, сидя на контейнере.

– Ну как обед, Том? Нормально?

– Угу.

– Мэри Джейн говорит, интервью получилось.

– Да, вроде бы.

– Ты там как вообще, ничего больше не нужно?

– Да нет.

– Какой-то у тебя голос грустный.

– Он у меня всегда такой. Не волнуйся, Мэтти, все в порядке.

– Ладно, не буду... Спокойной ночи, Том. Отбой и конец связи.

Провожая последние лучи солнца, он сидел и курил сигарету за сигаретой. Сам закат увидеть не удалось, мешала густая листва последних ветвей. Когда в небе иссякли последние отблески, Стронг достал из контейнера и установил палатку и костер перед входом, но внутрь залезать не стал. Вернувшиеся из дневных странствий птицы-хохотушки шумно щебетали в поисках новых мест для ночлега. «Почему бы вам не собраться стаей и не выкинуть меня отсюда?» – спросил Стронг, но они лишь продолжали свои смеющиеся трели, как будто не замечая его. Может, и вправду не замечали? Во всяком случае, уж точно не связывали его с разрушением своего привычного дома.

Мало-помалу нестройный птичий хохот сменился чуть слышным чириканьем, а затем полной тишиной, а в небе засветились первые звезды. Затем из-за дальних концов ветвей выглянула Пенелопа и стала взбираться в зенит. Стронг

все сидел, не шевелясь. Луна здесь была меньше земной, но гораздо ярче из-за другого состава поверхности — лед покрывал ее сплошь от полюса до полюса. За ней появилась меньшая сестра Даниэла, такая же ледяная, и все вокруг стало серебристым и загадочным.

Мэри Джейн сидела рядом. Стронг ни разу не взглянул на нее, но она все равно не хотела уходить. Наверное, так или иначе, она всегда была рядом и всегда будет. Ну и пускай, решил он, все равно не стану смотреть. Пускай сидит сколько хочет, голая и бесстыдная.

Ветка уходила от ствола вдаль серебристой дорожкой, окаймленной серебряными листьями. В разгорающемся свете двух лун она все больше казалась настоящей дорогой, которая вела в мир, о котором Стронг всегда мечтал, даже не зная, какой он и чем лучше реального вокруг. В игре серебристых теней на дальнем конце ветви мерещились очертания изящного бледного цветка, совсем не похожего на остальные, и Стронг пошел туда, чтобы его рассмотреть.

Ветка сужалась под ногами и начала опасно качаться, но он шел и шел, не отрывая взгляда от удивительного цветка. Шаг за шагом — и цветок превратился в лицо.

Дриада подвинулась, и Стронг осторожно присел рядом на тонкую ветку. Как и прежде, красота девушки поразила его.

«Я рад, что ты здесь, — произнес он беззвучно. — Мне так одиноко».

«С тобой рядом кто-то сидел», — заметила она.

«В каком-то смысле, да... но как ты узнала?»

Не ответив на вопрос, она продолжала:

«Ты не хотел, чтобы она сидела возле тебя, но она не уходила... и даже с ней ты был одинок».

«Да», — согласился он.

«А теперь ты не один».

«Теперь я с тобой».

«Одному тяжело, — кивнула она. — Я долгие годы была одна».

«Сколько тебе лет?»

«Не знаю... по твоим годам не сосчитать».

«Наверное, столько же, сколько дереву?»

«Да».

«И деревне?»

«Нет, я старше... Я ее строила».

«Не может быть! Ты же не настолько старая. Не верю».

«Ты не обязан мне верить».

«Почему те, кто жили в деревне прежде, убили себя?»

«Потому что их дерево умирало».

«Разве оно умирало?»

«Да. Деревья в других деревнях умерли, и люди знали, что и их дерево обречено. Они решили не ждать, не хотели этого видеть. Поэтому, когда жители других деревень отправились в Пещеры Смерти, здешние ушли с ними».

«Ты хочешь сказать, что они поклонялись этому дереву?»

«Не они, их предки. Они слишком поздно поняли, почему».

«Но почему дерево умирало? Оно было живо, пока я не пришел его убивать».

«Нет, оно умирает уже долгие годы».

«Не понимаю», — покачал головой Стронг.

«Еще поймешь. Скоро все станет ясно».

«Могу я спасти его? Вдруг не поздно?»

«Поздно было задолго до того, как ты пришел».

«Не верю, — нахмурился он. — Если я уйду, оно проживет еще тысячу лет».

Она покачала головой.

«Ты думаешь, не умирай оно само, я бы не попросила тебя уйти, не остановила бы? Ты только ускоришь его смерть, сократишь его мучения. Просто я рассердилась тогда внизу... потому и сказала, что со мной умрете и вы. Хотела тебя напугать... но не из злости. Смерть неизбежна, и вы всего лишь жалкая часть той неизбежности, что убивает дерево».

«Ты говоришь о неизбежности цивилизации? Да, я ее часть. Принято решение избавиться от дерева, и ничего тут не поделаешь. Если откажусь я, Мэтьюз пришлет Пика, а если я его убью, то придется убивать и индейца, потому что он придет следом. В конце концов кто-нибудь убьет меня, а дерево все равно повалит. Ты это имеешь в виду?»

«Не только».

«Ладно, раз это неизбежно, пускай лучше я все сам сделаю».

«Пускай».

«А если ты умрешь вместе с деревом, я тоже умру – как ты и сказала».

«Нет».

«Да. Не хочу жить, если ты умрешь. Я люблю тебя».

Она помолчала в серебристой тишине. Потом сказала:

«Ты не можешь меня любить».

«Почему?»

«Потому что... потому что...»

«Потому что мой холодный здравый рассудок не может принять твою реальность?»

«А разве не так?»

«Мне не важно, настоящая ты или нет... хотя я думаю, что да, просто не вмещаешься в мою крошечную картину мира».

«Я настоящая, такая же, как и ты, просто по-другому».

«Да, я знаю».

«Сейчас ты знаешь, но будешь ли знать завтра?

«Буду». — Он потянулся к ее лицу.

Дриада отшатнулась, но пальцы успели ощутить нежность щеки, прохладной как сияние двух лун. Силуэт девушки начал таять и расплываться в серебристом свете.

«Не надо было этого делать, — сказала она. — Ты хочешь сделать меня не тем, что я есть... Нам придется расстаться на эту ночь».

Ветка под ним качнулась, но он не пытался удержаться. Ему хотелось упасть. Вниз, вниз, сквозь ветки и листья, лететь до самой земли.

«Ты хочешь, чтобы дерево убило меня?» — спросил он.

Словно в ответ, сук под ним обломился, и он понял, что хотел этого с самого начала. Затем вдруг почувствовал, что его держат за руку и поднимают назад.

«Нет, не хочу», — услышал он беззвучный голос.

Стронг закрыл глаза, а когда открыл, снова оказался один.

Шагая назад к палатке, он ждал, что страх высоты навалится на него всей мощью и заставит ползти, но ничего такого не случилось. Страх исчез, и стало вдруг понятно, что больше не вернется. Тот, другой, что боялся, уже упал — беззвучно и невидимо — сквозь листву и разбился навсегда.

Мэтьюз сидела в переполненном баре. Пик ушел в этот вечер рано. Жнецы начали отмечать снос дерева загодя — смех, крики, громкая музыка — обычное пьяное веселье, ничего особенного. Слева сидел мэр с супругой, справа — Синее Небо. Вестермайеры пили Магеллановы Облака, а индеец — неразбавленное виски. Не обошлось и без телевизионщиков. Мэри Джейн все посматривала на вход — очевидно, поджидала Пика. Жди-жди, сучка, подумала Мэтьюз. «Из конфет и пирожных, из страстей всевозможных».

Она сделала еще глоток Старого Земного коктейля.

Жена мэра рассказывала о новом пятне гнили, которое обнаружила у себя в доме. Не такое страшное, как первое, но тоже ничего хорошего – в гостиной прямо под окном.

– Прикрыли его шторой, чтобы незаметно было, – поморщилась она.

Синее Небо разговаривал с Катериной, которая хозяйничала за стойкой, о «маленьком народце», и их было интереснее слушать, чем жену мэра. Женщин вроде нее Мэтьюз приходилось слушать всю жизнь.

– Боже, как мы рады, что эту гадость наконец-то спилят! – повторила миссис Вестермайер.

– Когда приходили маленькие люди, – рассказывал индеец, – большие сидели в темноте совсем без света и топали ногами.

– Это твои предки – большие? – спросила Катерина.

– Они самые, – кивнул он. – Сидели в темной комнате и громко топали ногами, так что не видели маленьких и не слышали, и никто не мог сказать, приходили они на самом деле или нет. Такие вот хитрецы.

– Вообще-то твои предки создали потрясающую культуру, – укоризненно заметила она.

– Суеверные трусы, вот кто они! – фыркнул Синее Небо. – Считали богами горы, скалы, деревья...

– Это называется «анимизм».

– Ну да, он самый.

Катерина отошла к концу стойки наполнить кому-то бокал. Оранжевое платье почти не прикрывало ее сзади.

– Анимизм – обычное дело для первобытных культур, – заметила она, возвращаясь. – Взять хотя бы этих квантектилей...

– Которые поклонялись дереву? Ага, такие же суеверные трусы.

Катерина опять отошла. Слева, по ту сторону от выдающегося бюста миссис Вестермайер, послышался голос ее супруга:

– Когда ваш парень покончит с Большим деревом, закажем в его честь персональную вечеринку.

– Ему не понравится, – покачала головой Мэтьюз, – Тон человек не компанейский.

– Понравится, вот увидите. Пускай он и не лезет в герои, но в душе такой же, как все. А жнецы наши уж точно поддерживают. Вы не представляете, как оно нам осточертело! Чума, просто чума! Разве что болеют дома, а не люди, но мы так любим наши дома, что это почти то же самое.

– Ну, попробуйте... но, думаю, он откажется.

– Запущу сегодня пробный шар... Прямо здесь в гостинице и устроим. Заодно будет чем заняться. Вы, наверное, заметили, что у нас пока мертвый сезон. Во время жатвы вертимся как черти, и в посевную то же самое, а сейчас разве что присматриваем.

– Если б сеяли озимые, могли бы, наверное, и три урожая снимать?

– Нет, в весну, лето и осень три не втиснуть. На зиму мы засеваем поля люцерной, а ранней весной ее запахиваем, и отлично выходит.

– Да, земля у вас просто золотая.

– Почти, – усмехнулся коротышка.

– Еще виски, Кейт! – подмигнул Синее Небо и, получив заказ, продолжал: – Я своих предков за тупость ругаю. Собиражай они чуть больше, добились бы всего того же, что и белые.

– Однако не добились, – вставила Мэтьюз.

– Вот-вот, не повезло им, ну и бизонам, само собой.

– При чем тут бизоны? – удивилась Катерина. – Ты же вроде из ирокезов, они бизонов не разводили.

– Ну да, ну да... один только маис, да и тот – смотреть не на что, на кукурузу не похож, початки как фасолевые стручки. За такое добро и воевать нет смысла. Бизоны – совсем другое дело... но их вообще никто не разводил, жили сами по себе. А потом пришел белый человек и всех извел. Может, и не у моих предков, но они были у всех индейцев, а я индеец! Пятьдесят миллионов их было, пятьдесят миллионов! А после прихода бледнолицых осталось пятьсот...

– Мне кажется, он пьян, – шепнул мэр, прячась за бюстом жены.

– Еще как, – кивнула Мэтьюз, приканчивая свой Старый Земной. – Ладно, мне пора на боковую.

– А ему не пора? – заволновался Вестермайер. – У вас там человек на дереве, а индейцу завтра управлять лебедкой, и вообще...

– Управлять он будет как всегда, – хмыкнула Мэтьюз. – Всем спокойной ночи! Отбой и конец связи.

V

Yggdrasill astralis

Кора: от черной у основания ствола до темно-серой у вершины. Внизу ствола и на основаниях нижних ветвей – крупно-бугристая с впадинами глубиной до 1,5 м

Синее Небо проснулся еще до рассвета. Он всегда вставал рано, где бы ни находился и сколько бы ни выпил накануне. Сегодня он проснулся в постели Катерины и выпил вчера много, но чувствовал себя точно так же, как если бы почти не пил, а когда не пил совсем, до полной трезвости

дело все равно не доходило.

Катерина еще крепко спала, и он не стал ее будить, а сразу тихонько оделся при свете розоватого сияния, исходящего из окна. Внутреннее освещение дома было огорожено черной ширмой. Очаровательная комнатка вечером вообще выглядела как детская, разве что кровать куда больше. Один только недостаток: потолок над кроватью уже начал подгнивать.

Выйдя из спальни, Синее Небо вышел через гостиную в парадную дверь. Рассвет вступал в свои права. Присутствие дерева ощущалось здесь постоянно: дом Катерины стоял близко к площади, и отсюда не было даже заметно, что верхушка дерева уже удалена. Его раскидистая крона маячила высоко над головой будто нетронутая.

Катерина уже вылетела из головы, да и с самого начала большого места там не занимала. Вот и площадь; на правую щеку упали теплые лучи восходящего солнца. Зеленое море нависало сверху, заменяя небо, где-то в листве среди могучих ветвей пересмеивались птицы-хохотушки. Хорошо, что там сейчас Стронг, пускай деревья убивают бледнолицые, они любят убивать.

Возле гигантского ствола, рядом с каменной купальной, пока не наблюдалось никаких следов порубки. Величественная колонна упиралась в необозримый черно-зеленый небосвод, а заросшая травой площадь блестела в утреннем свете. Завтра все изменится, здесь будут лежать огромные срезанные ветви и части ствола, а им с Пиком придется оставить тягач и заняться распиловкой, чтобы потом уносить их по частям.

До гостиницы было несколько кварталов, и индеец не торопясь зашагал туда. Утро – самое лучшее время дня, можно спокойно и в одиночестве поразмышлять о прошлом своего народа. Синее Небо частенько высмеивал предков,

но только когда был пьян, и не всерьез. Да и не то прошлое он хотел вспоминать, не полудивилизованное, когда люди сидели в домах и топали ногами в ожидании маленького нароща, а настоящее, далекое прошлое каменного века в лесных чащобах Северной Америки. Может, и чуждое ему, но и настоящее ему было чуждо. Кто он такой? Ни то, ни се.

Рассвет под деревом имел зеленоватый оттенок. Синее Небо шагало в этом зеленовато-розовом сиянии и думало о Деганавиде. Такое имя – «Два речных потока сливаются воедино». Рожден, как Христос, от божества девственницей, покинул родное племя гурунов и уплыл на серебристом березовом каноэ, чтобы основать Союз пяти племен. Синее Небо шло, и перед глазами плескалась весенняя река со льдом по берегам, по которой двигалось каноэ Деганавиды, а мимо проплывали дикие места со старинными названиями: Торчащие скалы, Склон холма, Сломанные ветви, Старая вырубка... Он смотрел на заросшую травой рассветную площадь и видел их будто собственными глазами, испытывая жгучую зависть к тем, кто в отличие от него принадлежал к той забытой эпохе. Хотя... индейцы былых времен тоже убивали деревья. Когда их жалкие маисовые грядки переставали давать урожай, они расчищали новое место. Почва под деревьями всегда была плодородной и какое-то время кормила, а потом приходилось двигаться дальше. Однако деревьев было не счесть, и никто не боялся, что они закончатся. Даже когда пришли бледнолицые, никто поначалу не боялся... но потом они как с цепи сорвались. Сначала вырубали лес, чтобы освободить место под плантации и строить дома, а затем напридумывали кучу других причин: для бумаги, чтобы писать и вытирать рот и задницу; чтобы освободить место для своих дорог, парковок и городов. Деревьев не уцелело бы ни одного, не изобрети они, на счастье, межзвездный двигатель. Убийство деревьев про-

должалось, но уже на других планетах... и теперь потомок индейцев помогает в этом, хотя ему самому вот это вот, к примеру, Большое дерево ну нисколько не мешает. Зачем? Чтобы не гнили дома поселенцев? Ну разве что. По крайней мере не для того, чтобы печатать на бумаге всякие грязные книжонки...

Торчащие скалы, Склон холма, Сломанные ветви и Старая вырубка остались позади, и Синее Небо оказался перед гостиницей Пристволья. Поднялся на два пролета лестницы и постучал в дверь комнаты Мэтьюз. Ее голос откликнулся словно издалека.

— Мэтти, это я, Оуэн! — крикнул он. — Ты просила разбудить!

— Спасибо, Оуэн, — ответила она после паузы, и он спустился в столовую к завтраку.

Стронг завтракал, как и вчера, сэндвичами с яйцами, сыром и ветчиной. Допив кофе, он покурил на ветке под утренним солнцем, снял палатку и убрал ее вместе с костром в контейнер, который затем переместил как можно ниже. Подумал и зашагал вперед по ветви, совершенно забыв о страхе высоты. Чем дальше, тем сильнее она гнулась и качалась под ногами, но он упрямо шел, пока не увидел обломанный сук, на котором сидел ночью. Листья здесь уже начали вянуть. Стронг нисколько не удивился. Теперь он знал, что все было взаправду, просто хотел еще раз убедиться в этом при свете дня. Фантазия стала непреложным фактом.

Что ж, если так надо, пускай, но он сделает это своими собственными руками.

Да.

Он вернулся к обрезанному стволу и стал ждать, пока прилетит тягач.

Раз ничего не поделаешь, пускай. Дриада сказала, что умрет вместе с деревом, и она не лгала... но откуда ей знать наверняка? Просто она так думает. Когда умрет дерево, он спасет ее, не даст ей умереть! Они улетят вместе...

— Она не умрет! — сказал он громко.

Солнечный диск Гэндзи поднялся еще невысоко и просвечивал снизу зеленым сквозь остаток кроны. Стронгу нравился такой свет, нравились и голоса птиц в листве, начинало нравиться и само дерево, но мысли эти были неуместными и ненужными. Отогнав их, он стал думать о дриаде... Тоже не годится, даже еще хуже, ведь Большое дерево — ее дом.

Когда Синее Небо спустил большие клещи, Стронг расположил их захваты по сторонам ветви. Трос натянулся, длинные мощные зубья глубоко вошли в кору и древесину. Стронг отступил назад к стволу и сделал первый надрез. Рабочий день начался.

Ветвь пришлось убирать в три приема, а скоро надо будет делить уже на четыре части. В небе появился «мотылек», но Стронг не поднял головы, замечая краем глаза лишь стайки птиц-хохотушек, улетающих за кормом в поля.

— Доброе утро! — прозвучал в ухе голос Мэтти, следом — отклики Пика и индейца. — Осторожнее, Том, — продолжала она, — дальше пошел настоящий лес.

— Ладно, — буркнул он.

— Конец связи.

Мэтьюз положила рацию обратно на стол. В столовой было пусто, в голове все еще крутился сон, в который вмешался Синее Небо. Обычно сны, как назло, наваливались после того, как она отключала будильник, проворочавшись с тяжелыми мыслями, на рассвете. Сегодня все было иначе, и рассвет она проспала, а снилось ей, что она и есть Боль-

шое дерево. Сначала казалось, просто стоит посреди бескрайнего поля темно-золотой пшеницы, но потом поняла, что смотрит одновременно во все стороны, и смотрит без глаз. Когда же в тусклом сумраке рассвета стали различаться крошечные квадратики домов вокруг, стало ясно: это деревня, а огромное дерево посередине – она сама. Причем дерево совершенно нетронутое, каким оно было до того, как Том спустился на него со своим жутким резаком, – гордо возвышающееся над золотистой равниной, но странно печальное.

Стоя в тусклой рассветной дымке в ожидании своего друга-солнца, она ощущала все свои бесчисленные ветви, потоки минеральных растворов под корой и всплеск фотосинтеза в листьях, впитывающих первый свет нового дня. Ощущала дыхание ветерка над равниной и радостную суету мелких существ в зелени кроны, которые добывали себе пропитание в полях, а весной строили гнезда и выводили птенцов. Осязала корнями копошение в почве еще более мелких существ, которые перерабатывали отходы в полезные удобрения.

Поднялось солнце, наступил полдень, и над ее пышной зеленой головой раскинулось яркое вангоговское небо, а ветерок набрал силу, играя россыпью алых цветов на ее платье. Время стало ускоряться – быстрее, еще быстрее – тысячекратно. Пришел вечер, за ним ночь, потом опять день. Свет и тьма мелькали, чередуясь, наступила летняя жара с грозами и ураганами, шагавшими от горизонта к горизонту на своих черных ногах. Пришли осенние дожди, с которыми вместе осыпались на землю ее бесплодные орехи, а затем и листва. Она уснула, не замечая ледяного ветра и снега, а когда проснулась к весне, вдруг ощутила странный голод, которого не замечала прежде и осознала только теперь, когда он стал сильнее. Что-то было не так,

какая-то неправильность. Она окинула взглядом окрестности в поисках этой неправильности, а когда, наконец, поняла, то заплакала. Тогда-то и постучал в дверь индеец, чтобы разбудить ее. «Да?» – ответила она, а потом: «Спасибо, Оуэн», и долго лежала в зеленоватом сиянии рассвета, стараясь припомнить, в чем же та причина... но так и не смогла.

Не могла и теперь, сидя в столовой над второй чашкой кофе. В памяти осталось лишь ощущение собственной величественной красоты, раскинувшейся над темно-золотой равниной. Потом поняла, что гнетущей пустоты больше нет. Душу наполняла печаль и восторженное изумление перед гордым великолепием дерева.

Несмотря на толщину сучьев и ствола в нижней части кроны, к полудню Стронг продвинулся совсем неплохо. Каждую ветвь он делил на четыре куска, а участки ствола приходилось сначала разрезать вдоль по вертикали, иначе зубья клещей не могли их обхватить.

Из обеда, спущенного сверху, Стронг одолел только половину сэндвича, а остальное выбросил. Закурив сигарету, принялся за кофе. Контейнер с палаткой пришлось уже дважды перемещать ниже, сейчас придется еще раз. Опускаясь сквозь листву, он обрушивал водопад алых лепестков, но Стронга это уже не тревожило, «кровь» дерева стала привычной. Он будто стал машиной, запрограммированной уничтожить дом женщины, которую любил. Закрепил контейнер на новом месте, смотал веревку и снова атаковал дерево.

Птицы, не улетевшие на равнину, с хриплым хохотом метались между ветвей. Они уже поняли, что их убежище в опасности, и оставались в листве, пока срезанный участок не начинал подниматься в воздух, а затем в панике летели

вниз, в гущу оставшейся кроны. Когда Стронг заглянул туда, то замер в изумлении. Ствол окружала деревянная конструкция, явно творение человеческих рук. Это был домик для птиц.

Больше всего удивляло, как удалось поднять его на такую высоту. Построен он был основательно, но во многих местах прогнил насквозь. Пол покрывали многолетние отложения птичьего помета, местами толщиной в полметра. Свежих заметно не было – похоже, строение не использовалось уже давно. На уцелевших участках стен виднелись часто расположенные отверстия, как раз чтобы пролезть хохотушке, а внутри сохранились остатки жердочек. Судя по всему, этому артефакту квантектилей было не меньше века. Как же все-таки его подняли сюда? А если построили здесь, то как доставили строительный материал?

На веревках, больше никак, и сами поднялись на них же, это единственный ответ. Антропологи утверждали, что квантектили питались исключительно пшеницей, но ученые – не всеведущие боги. Возможно, иногда аборигены позволяли себе разбавить растительную диету мелкой дичью. Для этого требовалось оружие, и самым вероятным был лук и стрелы. Сильный охотник с хорошим луком вполне мог запустить стрелу с веревкой, чтобы перебросить через нижний сук и забраться на него, а дальше все просто. Могли даже установить блок для подъема тяжестей. Конечно, теория довольно натянутая, слишком много допущений, но ничего другого в голову не пришло.

Обилие украшений подсказывало, что домик был построен еще на земле, а уже потом поднят. По правде говоря, даже в лучшие времена выглядел он довольно аляповато, с куполообразной крышей и башенками. Ни дать ни взять, пряничный домик. В то же время здесь не поместилась бы и малая часть всех птиц, обитающих сейчас на дереве.

Может быть, прежде их было меньше? Да, скорее всего, с тех пор на это дерево переселились хохотушки с множества других, уже погибших.

Но с какой стати аборигенам вдруг приспичило с таким трудом сооружать специальное жилище для птиц? Стронг припомнил каменную купальню внизу на площади и бесчисленные ее копии в деревенских дворах. Безусловно, квантектили обожали птиц-хохотушек, однако никакая любовь не могла объяснить такие крайности. Другое дело, если птицы были частью их религии...

– Том? – раздался в ухо голос индейца. – Том, ты где?

Стронг тронул языком передатчик.

– Здесь, где же еще?

– Мы уж думали, решил за пивком сбегать.

Он снова превратился в машину, срезанные ветви и части ствола двинулись одна за другой на лесопилку. Однако полностью отогнать мысли от странного домика не удалось, а когда два последних надреза отделили кусок ствола с деревянным артефактом, пораженные зрители наверху и в зале столовой раскрыли рты.

– Том, ты что, строиться решил? – фыркнула Мэтьюз.

– Это птичий домик, – объяснил Стронг.

– Так и есть, – согласился Синее Небо.

– Ни хрена себе, – усмехнулся Пик, – чего только не придумают эти чокнутые друиды. Они что, и с птицами того?

Щели между огромными буграми коры были неровными, оставляя достаточно опоры для рук и ног, так что Стронг в конце концов понял, как именно аборигены взбирались на дерево. Привязал на пояс конец веревки, и карабкайся куда хочешь без всякого страха упасть.

«Мотылек» в небе давно исчез. Очевидно, Мэри Джейн уже наснимала много больше, чем требовалось. Тягач вернулся с лесопилки в последний раз с водой для мытья и

ужином. Солонина с тушеной капустой, холодный чай, мороженое и яблочный пирог. Стронг жевал механически, едва ощущая вкус. Покончив с едой, он решил попробовать лазать по стволу, как аборигены. Смотал седельную веревку, повесил на плечо и стал спускаться, цепляясь за края бугров внутри огромной впадины. Получалось на удивление хорошо, и никаких сомнений, что именно так передвигались по дереву квантектили, не осталось. Почему-то они никак не выходили из головы – наверное, чтобы вытеснить мысли о дриаде, реальность которой к концу долгого рабочего дня стала размываться. Добравшись до основания огромной ветви, Стронг обнаружил, что щель уходит все глубже под кору, и до конца ее невозможно дотянуться. Протиснувшись дальше в узкий проход, он ощутил под ногами гладкий пол.

Сидя в номере гостиницы, Мэри Джейн просматривала отснятые метры, которые стали для нее записями Тома, а не дерева. Кое-где лицо получилось во весь кадр, и тогда она замечала тонкий шелк его редющих волос и мечтательный взгляд светло-карих глаз. Бородка день ото дня становилась все гуще, оставаясь такой же шелковой, как и волосы. Нет, совсем не Генри Торо. Скорее, нищий поэт без стихов – робкий и чувствительный, когда-то влюбленный в нее. Утешитель, ниспосланный свыше, чтобы возродить для нее духовные ценности, которые она отвергла. Только как она могла тогда знать?

Место действия: переполненный танцзал в Одуванчиксити. Длинноногая черноволосая девушка и лысеющий мужчина танцуют.

Он: «Меня зовут Том. Томас Стронг».

Она: «Зачем нам представляться друг другу?»

Он: «Я понимаю, просто очень хочется узнать, как вас зовут».

Она: «Мэри Джейн».

Он: «А дальше?»

Она: «Мэри Джейн, и все. Раньше была Мэри Янус, потом надоело».

Он: «Вы не с Одуванчика?»

Она: «Родилась на матушке Земле».

Он: «И я тоже! А... конечно, это не мое дело... но чем вы тут занимаетесь?»

Она: «Голографической съемкой. Я сетевая журналистка».

Он: «А кого снимаете?»

Она: «Не кого, а что. Большую бездну, каскад Тилингуит в долине Водопадов, Пунктирный хребет... Готовлю материалы для туристских каталогов».

Он: «А я лесоруб».

Она: «Рада за вас».

Он: «Очень приятно познакомиться с такой девушкой, как вы, Мэри Джейн. Вы... вы даже не представляете, как я рад».

Она: «Ну почему же... хорошо представляю. Мне часто попадаются одинокие путники, изнемогающие от жажды в пустыне».

Он: «Да я не в том смысле...»

Она: «В каком же?»

Он: «Я хотел сказать, что... в том смысле, что мне нужна была такая, как вы».

Она: «А я о чем?»

Он: «Я в смысле... может, сходим куда-нибудь вместе?»

Она: «Может, и сходим... когда-нибудь».

Он: «Я серьезно, Мэри Джейн».

Она: «Не надо серьезно, все равно толку не будет».

Он: «Не надо так...»

Она: «Черт, ты даже просить как следует не умеешь!»

Нет, не могла она тогда знать.

Хорошо, что день почти закончился, но она все-таки успела просмотреть записи. Утро началось плохо, похмелье от вчерашних Магеллановых Облаков смешивалось с обормотанными шупальцами все того же сна, от которого она очнулась рывком. Рассерженная, что Пик не явился в бар, она решила спать одна, послав подальше воспрянувшего было духом Джерри и не обращая внимания на просящий взгляд Джонни-Боя.

Само собой, с таким началом и день не мог обещать ничего хорошего. Проблемы с голокамерами, проблемы с подключением питания – то одно, то другое. Кадры получились отвратные, хотя некоторые игодились. Например, где Том забивал в дерево нагель, а затем шел по ветви, широкой, как мост... или вот эти, где отделяется огромная масса листвы, и водопад крошечных алых лепестков рушится с неба на деревню. Мэри Джейн слегка приободрилась, но затем в памяти снова всплыл сон. Ноги топтали луг, усыпанный цветами, перед глазами вздымалась страшная гора. На экране крупным планом застыл лик «Спасителя», Том смотрел в упор. Мэри Джейн отключила запись и кинулась к окну. Распахнула створки, вгляделась в кровли домов и дворики с играющими в песочницах детьми. В ближайшей крыше, гладкой, без черепицы, зияла неровная дыра. «Всюду гниль... и во мне тоже», – мелькнула мысль. – Весь мир гниет, и планеты, и звезды, и галактики. Одна гниль, куда ни глянь».

Темное пятно на стене все расплзлось, и начало захватывать изящные ступеньки заднего крыльца. Дверь уже висела на одной деревянной петле. Вестермайер стоял в тени,

падавшей от соседнего дома, и беспомощно смотрел, как косые лучи вечернего солнца пытаются прогреть умирающую древесину. Жена, обратившая его внимание на новые повреждения, едва он вернулся, стояла рядом.

– Вот только сегодня заметила, – вздохнула она.

– Но почему именно у нас? – возмущался он. – Почему не у соседей?

– Не только у нас, ты же знаешь... Таких полно в деревне.

Он ткнул пальцем в гниль, погрузив его почти до половины. К горлу подступил тошнотворный комок.

Ну конечно, он знал, потому, собственно, и поддержал общее решение снести Большое дерево. Когда пришло первое сообщение о гнили на одном из окраинных домов, в голове тут же мелькнуло страшное слово: «Чума!» У ботаников была маленькая лаборатория в Гелиспорте, и образцы гнили немедленно послали туда. Загадочная болезнь, уничтожившая другие поселки и деревья, оставалась гипотетической, так что специалисты не искали что-то определенное, зато обнаружили местную разновидность микроскопических грибков-сапрофитов, питающихся мертвой древесиной. Один эксперт отправился с Вестермайером в Пристволье и, осмотрев дом, вынес вердикт, который и стал дереву смертным приговором: «Избыточная влажность и тень – вот ваши враги, из-за них гниют дома». К тому времени гниль уже распространилась и на некоторые другие. Тогда председатель кооператива промолчал, но от него почти ничего и не требовалось. Жнецы были не прочь избавиться от дерева еще с первой осени, когда весь поселок засыпало облетевшими листьями. Теперь оставалось лишь бросить новую искру, и Вестермайер не преминул это сделать.

Он снова сунул палец в темное пятно, и палец провалился еще глубже. Мэр оглянулся на дерево. Снизу оно совсем

не изменилось — такое же гигантское и раскидистое, как и три дня назад. Видимая безмятежность растительного великана действовала на нервы. Вестермайер никогда не любил деревьев. Родился он на окраине Великой Американской пустыни, где их почти не было, а до назначения в кооператив преподавал в открытой сельскохозяйственной школе Мексиканской зоны мелиорации — там их вообще не было. Здешнее дерево поначалу испугало мэра, как и всех остальных жнецов. От него захотелось избавиться после первого же взгляда. Может быть, оно это чувствовало? Может, потому и атаковало его раньше, чем соседей? Знает его лучше, чем он сам? Кто он такой? Убогий пришелец из иного мира, который верит в свое убогое предназначение и навязанный кем-то смысл жизни, заменяет чудесной «золотой» пшеницей все, что недодала ему жизнь, стремится овладеть этим золотом для себя и своих близких, считает поселок своей собственностью... Вы только поглядите на него! Он же первый напал, первый ступил на тропу войны. Наверное, так дерево и думает...

Вестермайер отогнал странные, болезненные мысли. По пути домой зашел в гостиницу и смотрел на экраны, перед которыми сидела Мэтьюз. Каким бы величественным дерево ни казалось снизу, на самом деле оно теперь — лишь тень самого себя, а завтра исчезнет совсем, превратившись в кучу мертвой древесины на площади и лесопилке.

«Озимандия пал, падет и Иггдрасиль. Домам больше не гнить! — с радостью подумал мэр. — Да, это мой поселок, моя пшеница, и я владею ими по праву... а завтра овладею и той землей, на которой ты стоишь!»

Пол был гладкий и ровный, а щель в коре заворачивала за угол. Направо, потом налево. Света в листве уже почти не оставалось, и здесь царила непроглядная тьма.

Внезапно руки ощутили пустоту, стены, которых они касались, исчезли. Стронг остановился и достал из кармана зажигалку. Тусклый огонек осветил пещеру. По бокам узкого прохода стояли рядами деревянные скамьи, а впереди, у дальней стены, виднелось что-то большое. Пройдя несколько шагов, Стронг снова остановился.

Перед ним было Большое дерево.

То есть, не большое, но точно такое же, уменьшенное до почти человеческого роста. Сверху над ветвями висел сплетенный из листьев гамак. Мерцающий огонек зажигалки не давал рассмотреть помещение подробнее, но в боковой стене виднелась темная ниша, в которой торчала свеча. Фитиль зарос пылью, но его удалось зажечь. Такая же ниша со свечой оказалась напротив. Стронг зажег и ее, затем вернул зажигалку в карман. Снял с плеча седельную веревку, положил на скамью, огляделся.

Пещера с квадратными очертаниями имела шагов десять в поперечнике и такую же примерно высоту. Пол гладкий, словно отполированный. Сквозь пыль на нем виднелись годовые кольца дерева, как и на потолке. Стены тоже гладкие, покрытые росписью. На скамьях всюду пыль и тоже кольца. Похоже, мебель вырезали вместе со всей пещерой, как продолжение пола. Так же точно было и в деревенских домах, но скамьи выглядели грубее.

Кто же мог все это сделать? Квантектили, больше некому. Но зачем?

Стронг взглянул на модель дерева, тоже вырезанную. Снова подошел, присмотрелся внимательней в сиянии свечей. В точности как настоящее дерево, рядом с ним сам себе кажешься великаном. То есть, такое, каким оно было до того, как здесь появилась команда лесорубов. Тысячи резных завитков, на ветвях зубцы, изображающие листву. Видимо, прежде они были выкрашены в зеленый цвет. Да, скорее

всего — пыли под деревом гораздо больше, наверное, от осыпавшейся краски. А ствол должен был быть черным. Теперь все стало золотисто-коричневым, цвета древесины — кроме картин на стенах.

Гамак свисал с потолка на металлических шнурах, тоже покрытый слоем пыли. При ближайшем рассмотрении листья, из которых он был сплетен, тоже оказались ненастоящими. Стронг взялся за шнур и потряс, чтобы стряхнуть пыль. Да, копия настоящих листьев.

— Ну вот, — произнес он, помолчав, — теперь я нашел твой дом.

Впрочем, дом выглядел давно покинутым, даже если дриада когда-нибудь и жила тут.

Картины чем-то напоминали первобытную роспись стен в пещере Трех Братьев. Стронг прошелся вдоль стен, рассматривая потускневшие краски, которые прежде, судя по всему, отличались ваноговской живостью. Три птички-хохотушки в полете... абориген в поле с серпом... дерево с распускающимися почками... а вот и женская фигура, сидящая на тонкой ветке.

Он нагнулся, вглядываясь в лицо дриады — а кого же еще могли здесь изобразить? Несмотря на скудость деталей, ошибиться было трудно. Длинные стройные ноги, изящные руки, копна золотисто-солнечных волос, яркие синие глаза. И сидит точно в той же позе, как прошлой ночью, погрузив ноги в сплетение листьев и держась тонкими пальцами за ветку. Смотрит прямо перед собой — на него.

Стронг уселся на пол под картиной, уходить не хотелось. «Ночью я касался тебя, — сказал он молча дриаде, — а утром видел сломанный сук... но если бы даже не это, сейчас убедился бы все равно». Она тоже знала, он был уверен. Знала, что он здесь. Надо только подождать, и она придет.

Синее Небо явился в бар раньше всех. Когда Катерина принесла виски, он заметил на ее глазах слезы.

– Эй, брось, – нахмурился он. – Плакать положено по эту сторону стойки.

Она смахнула слезы уголком фартука и пожаловалась:

– Мой дом гниет.

– Да, я видел утром... так ведь можно починить.

– Гостиница тоже. – Катерина кивнула на дальнюю стену. – Как и вся деревня.

Индеец пригляделся к темному пятну.

– Ну... потому мы и сносим дерево, не так ли?

– Думаешь, поможет?

– Так говорит Вестермайер.

– А если нет? Что тогда делать, не представляю.

– Черт... – Он пожал плечами. – Вы же не для того сюда понаехали, чтобы жить в хорошеньких домиках. Вам разбогатеть по-быстрому хотелось, а потом вернуться на Землю, купить себе шикарные квартиры и бултыхаться деньденьской в бассейнах.

– Только пока не переехали, а теперь и не хотим уезжать. Эти дома что-то в нас изменили.

Жнец вошел в бар и встал у стойки в нескольких шагах. У него было длинное унылое лицо. Катерина подошла к нему принять заказ. Подняв стакан, он обернулся к индейцу.

– Слава богу, что вы приехали. Мой дом уже гниет.

– Мы всегда готовы спасать людей... Еще огненной воды, Кэти.

Бар постепенно заполнялся. Мэри Джейн пришла со Скотом и Пруиттом, который не переставал маячить у нее за спиной, даже когда она уселась на табурет за стойкой. Подтянулись мэр с супругой, затем и другие жнецы. Вид у Вестермайера был нездоровый. Мэтьюз явилась в клетчатой рабочей рубашке, брюках и ботинках. Последним по-

явился Пик и встал рядом с индейцем. Уловив взгляд Катерины, показал пальцами, сколько хочет виски в свою содовую, раздвинув их на осьмушку дюйма.

– Решил снова похихикать над нашим представлением? – хмыкнул Синее Небо.

– А чем тут еще заниматься?

Индеец опрокинул стаканчик и кивнул Катерине, требуя следующий.

– А бедняга Том так и сидит наверху, – вздохнул он.

– Там его родная стихия. – Пик посмотрел на Мэри Джейн и поймал ответный взгляд.

– То же шоу, что и вчера, – кивнул Синее Небо.

– Угу. – Пик поднял бокал и двинулся вдоль стойки. – До завтра, краснокожий.

Стронг, должно быть, задремал, но когда открыл глаза, в пещере никого не было. Вдруг навалилась усталость. Три дня уже на дереве, ничего удивительного. Казалось, он не в силах был пошевелить ни рукой, ни ногой. Перед глазами плавали круги. Он прислонился спиной к стене и снова задремал.

На этот раз, очнувшись, он оказался не один. Дриада стояла у входа. Блеск свечей мерцал на ее ногах и тунике из листьев, в волосах алел цветок.

Она подошла и присела рядом.

«Я не знала, приходить или нет... а потом подумала, что последнюю ночь нехорошо проводить врозь».

«Это твой дом?» – спросил он.

«Нет, это мой храм... был когда-то. Квантектили построили его для меня в древности, но на закате своей истории забыли меня и к дереву даже не подходили. – Она показала на гамак. – Когда древние приходили сюда молиться, они представляли, будто я сплю там, на дереве».

«Они поклонялись тебе или дереву?»

«Нам обоим».

«И птицам тоже?»

«Да, конечно. Птицы для них были жизненно важны».

«Не понимаю».

Она покачала головой.

«Мне кажется, понимаешь — там, в глубине, где прячешь свои истины».

Он вдохнул аромат ее тела, зеленый и сладковатый, как у дерева.

«Прошлой ночью, когда обломился сук и я упал, ты спасла меня. Почему?»

«Не хотела, чтобы дерево убил кто-то другой».

«А я... я-то думал...»

«Что ты думал? Что я сделала это из любви к тебе?»

«Да, думал... но понимаю, что это невозможно. Как может дриада полюбить монстра, который разрушает ее дом?»

«В каком-то смысле я люблю тебя».

«Я рад. Иначе ты не позволила бы мне продолжать».

«У тебя нет другого выбора, ты часть неизбежного».

«Не совсем понимаю».

«То есть, часть цивилизации, которая уже выросла».

«А неизбежность тут при чем?»

«Постарайся, поймешь. Все они вырастают рано или поздно».

«А что случилось с другими деревьями?»

«То же, что случилось бы и с этим. Их почитатели тоже выросли, и чем совершеннее становились, тем больше презирали обычаи своих предков, считая их суевериями, и находили новые, более сложные пути для решения простых задач. Особенно возмущал их древний способ хоронить мертвых, а также примитивное захоронение отходов. Ослепленные техническим совершенством, они отказались

от кладбища под деревом и построили крематорий, а затем и систему уничтожения мусора. Дереву и птицам, живущим в его ветвях, они больше не поклонялись».

«Я все-таки не понимаю».

«Завтра поймешь».

«Мне бы хотелось...» – начал он.

«Чего?»

«Чтобы это была Земля, а мы с тобой любили друг друга, гуляли под дождем, а у дороги нас ждал уютный дом... и постель».

«Я, конечно, настоящая, – вздохнула она, – но не в том смысле, что и ты».

«Мне все равно, – ответил он, – я все равно хочу тебя».

«Почему?»

«Потому что люблю, а это единственный способ доказать свою любовь».

«Ведь каждый, кто на свете жил, любимых убивал...»

«Ты прочитала это у меня в голове, да?»

«Да... там, среди зеленых мыслей. Я могу читать, могу и посылать сны, и даже изменить человека... совсем чуть-чуть – заставить его заглянуть в собственную душу».

«Оскар Уайльд был прав, люди убивают тех, кого любят... но со мной совсем не так».

«Может, ты просто не знаешь?»

«Нет, неправда!.. – Он вдруг повесил голову. – Я так устал».

«Я вижу. Устал и хочешь спать. Со мной».

«Как ты думаешь, это возможно? Могут две разные формы реальности хотя бы на миг слиться воедино?»

«Кто знает... возможно».

«Давай попробуем... пожалуйста!»

«Здесь, в гамаке?»

«Да, в твоей постели».

Она поднялась на ноги и пошла к модели дерева, Стронг за ней. Цепляясь за деревянную резьбу, они забрались в гамак.

«Дозволь нам, о любовь, друг другу верным быть...» – произнесла она.

«Опять из моих мыслей?»

«Да», – ответила она, и резные листья гамака стали живыми, и вокруг сплелись ветви настоящего дерева.

«Тебе хорошо?» – спросил Стронг, и она снова ответила: «Да».

Дерево ласково трепетало под ними, и тело дриады было нежным и прохладным, как зелень листвы, и ароматным, как лепестки алых цветов, – мягким и нежным, и сладким, и исполненным вечности.

«Ты любишь меня?» – спросил он.

«Да».

Листья шелестели в ночи, звезды смотрели сверху, и луны замирали в небе, когда время останавливало свой бег. Реальности сомкнулись, и то, чего не может быть, все-таки случилось.

– Нам здесь нельзя находиться, – буркнул Пик. – Почему бы не пойти к тебе в комнату?

– Мне нравится под деревом, – ответила Мэри Джейн.

– Дитя природы?

– Если тебе угодно... и потом, Джерри считает мою комнату наполовину своей. Хочешь с ним пообщаться?

– Тогда можно и в мою...

– Нет, лучше здесь.

Пик глухо рассмеялся. Она стояла, прислонившись к стволу, мужской силуэт был едва различим на фоне деревенских огоньков. Его рука поползла по ее бедру, другая легла на поясницу. Он притянул девушку к себе.

- Не нравится мне это дерево.
- Забудь про него, – шепнула она.
- Попробую.

Они опустились на траву. Мэри Джейн ощущала спиной выпирающий из земли корень, огромный, как отдельный ствол. Что сейчас делает Том наверху, в ветвях? Правильно он меня бросил, подумала она. Только не надо было делать это так... Зачем цепляться за Джейка и ненавидеть меня из-за него? Уж тогда из-за всех любовников сразу. Знал же прекрасно, что я шлюха... Глупо с его стороны. Вот тебе и спаситель... Предлагал жениться, детей завести... Любил бы по-настоящему, ни за что бы не ушел. Мало ли кто там еще со мной бы и сколько их. Ты говорил, все равно, сколько – но при чем тут Пик, это ничтожество, недостойное чистить тебе сапоги? Скажи я тогда «да», и ты бы забыл про него... но я не сказала, Том, и теперь мне очень жаль. Жаль, что я такая... но ведь оттого ты и захотел меня, разве нет? Как раз потому, что я такая. Зачем тогда бросать из-за чего бы то ни было? Пик для меня ничто, мелькнувшая у дороги тень, и я с ним теперь снова, только чтобы очиститься от своей грязи. Очиститься, но не излечиться... а будь рядом со мной ты, Том, не было бы больше никакого Пика, ни одного, никогда. Я бы стала тем, для чего предназначена, – любила бы тебя и рожала детей, – а не грязным животным, которое корчится на земле, пока другое животное срывает с него одежду... О Том! Том, Том...

Пик навалился сверху, и угол корня больно вдавился в спину. Мэри Джейн вскрикнула... и оттолкнула мужчину. Перекатилась на живот и встала на корточки, заливаясь слезами.

- Что с тобой?
- Уходи! Пожалуйста, уходи!
- Но...

– Пошел вон!!! – взвизгнула она в истерике.

Оставшись наконец одна, Мэри Джейн вновь повалилась на живот, прижимаясь щекой к влажной траве. Слезы больше не текли. Полежав, она поднялась на ноги и поплелась обратно в гостиницу, едва осознавая, что делает. В голове стояла звенящая, мертвая пустота, и заполнять ее не хотелось. Комната была полна призраков – мужчины, все ее любовники. Нет, кроме одного. Тома среди них не было.

Не раздеваясь, она упала на кровать и закрыла глаза, отгоняя их. Сон навалился темным душливым облаком.

VI

Yggdrasill astralis

Размножение: поскольку сохранившийся экземпляр представляет собой женскую особь, можно сделать вывод о перекрестном опылении данного вида. Вне всякого сомнения, часть мертвых деревьев должна была быть мужскими особями, и, будь они живы, опыление этого или других женских особей рано или поздно произошло бы, предположительно, с помощью птиц-хохотушек. Отсутствие других иггдрасилей в Канзасии и на остальной территории Нью-Америки указывает на то, что прежде опыления не происходило или ростки не приживались, а вегетативным способом данный вид не размножается.

Она возвышалась в гордом одиночестве посреди равнины, облаченная в новое зеленое платье весенней листвы, ощущая солнце, небо, ветер, широкие просторы вокруг и

биение жизни в корнях, погруженных в почву. Птицы-хохотушки суетились в складках ее пышного наряда, вылетали стайками и отправлялись навстречу новому дню, исчезая вдали.

Пшеница росла хорошо, но не за счет усилий жнецов, а благодаря птицам. О да, улыбнулась Мэтьюз во сне, испытывая к хохотушкам теплое чувство. Она ощущала, как листва вырабатывает питательный сахар, а древесные соки разносят его по всему телу вместе с влагой от растаявшего зимнего снега, накопленной под корнями. Однако вместе с тем ощущала и какую-то неправильность, и даже знала, в чем та заключается. Я умираю, подумала она, стоя в своем зеленом весеннем наряде. Умираю уже долгие годы.

Печальные мысли разбудили Мэтьюз. Сквозь окно сочился предрассветный сумрак, и она лежала в нем, пытаясь вспомнить, в чем же неправильность. Пыталась и не могла, как всегда после этого древесного сна. Как можно дважды подряд видеть один и тот же сон? Совпадающий в мельчайших деталях. Более того, в обоих повторялось то, о чем наяву она не имела понятия.

А может, все-таки знала, не отдавая себе отчета, не желая знать? Может, подсознание таким образом проявляло себя, заставляло ее осознать очевидное? Что же это такое — что она знала о дереве и не хотела знать?

В дверь постучали. Синее Небо, кто же еще.

— Мэтти? Бужу, как ты просила.

— Хорошо!

Она вылезла из постели, начала одеваться, но сон все не уходил. «Птицы-хохотушки», — вспомнила вдруг она. Во сне она и о них что-то знала. Ага, вот! Пшеница хорошо растет только благодаря птицам, жнецы тут ни при чем. Они только присматривают за ней, стараясь защитить от ливней и ветра, а хохотушки, они... они... Что?

Мэтьюз сердито тряхнула головой, не в силах вспомнить. Во сне она точно знала, даже сказала: «Ну да!» Тогда это было так ясно, что не нужно было облекать в слова, а сейчас уже не получится.

Она умылась в общем туалете, расчесала волосы и спустилась в столовую. Пик с индейцем завтракали за столиком у окна, телевизионщики пока не появлялись. Взяв стаканчик кофе из автомата, она села за стол с видеоэкранами. Связаться с Томом? Нет, он небось спит еще, пускай хорошенько отдохнет.

Повезло ему работать на дереве, подумала она, вспомнив прошлый вечер, когда Мэри Джейн опять бесстыдно ушла с Пиком под ручку. Был бы наверху Синее Небо, а Том в баре, ушла бы точно так же. Хорошо, что он не знает.

Стронга снова разбудили крики птиц, но сегодня они звучали тише, не так резко. Открыв глаза, он увидел вместо нежных лучей рассвета мерцающее сияние свечей на полированном потолке с древесными кругами.

Воспоминания о прошедшей ночи ошеломили его, и он повернулся, ожидая увидеть прекрасное лицо дриады, но вокруг была лишь искусственная листва подвешенного к потолку гамака.

Цепляясь за деревянную резьбу дерева, он спустился на пол. В пещере было пусто. Натянул одежду, которую не помнил как скинул, повесил через плечо веревку и двинулся наружу по узкому проходу. Гэндзи уже поднялся над горизонтом, протягивая первые лучи к пробуждающейся листве. Стронг прошел по ветви и огляделся, замечая то тут, то там голубые силуэты хохотушек. Никаких признаков дриады.

– Ктиль! – позвал он. – Ктиль! – Свое имя она шепнула ему ночью на ухо.

В ответ молчание. Стесняется?

Нет, не может быть, она же любит его, сама сказала.

– Ктиль!

Ответа нет. Ничего, придет потом, обязательно придет. Они же любят друг друга.

Он вернулся к стволу и стал спускаться, на следующую ветку, где оставил контейнер. Ветвей для подъема оставалось немного, дальше шли самые нижние, толстые как секвойи. Будь они тоньше, можно было бы разглядеть внизу площадь.

Есть совсем не хотелось, он достал только стакан кофе и уселся прямо на ветке, прислонившись спиной к выступу в коре. Закурил, прихлебывая кофе и строя планы на будущее. Когда дерева не станет, они с Ктиль уедут, ей просто деваться некуда. И потом, она же его любит. Как же она удивится, что останется жива, когда дерево умрет! Удивится, но привыкнет. Он будет рядом и поможет. Она из плоти и крови, как и он... ну, может, не всегда, но когда захочет...

Стронг достал новую сигарету. Да, они уедут отсюда, и он будет защищать ее. Может, даже улетят на Землю, купят участок восстановленной земли, которую можно пахать. Поженятся... да, конечно! – и будут любить друг друга всегда, как любили этой ночью. О да! Прежний Том, свалившийся с ветки, никогда больше не оживет со своими страхами, мелкими переживаниями и тщеславием, а новый пойдет со своей невестой дорогой счастья, свободный как ветер, в нежном сиянии звезд, забыв о грязной изнанке жизни, где остался Том вчерашний.

Так он мечтал, сидя на ветке в золотисто-зеленых лучах утренней зари, а стайки хохотушек вились вокруг и одна за другой улетали на равнину.

Ровного гудения тягача Стронг даже не заметил, и лишь оклик индейца, донесшийся сверху привел его в чувство:

– Мы готовы, Том! Ждем тебя.

Он вскочил на ноги. Чем скорее будет разрушен дом любимой, тем раньше она окажется в его объятиях. Передатчик с приемником болтались на поясе, и он поспешно надел их. Тронул передатчик кончиком языка.

– Давай клещи, Оуэн. Сейчас буду на верхней ветви.

Оставив веревку висеть на плече, Стронг стал карабкаться по стволу на солнечный свет, удивляясь, как легко у него получается. Оказавшись наверху, вогнал в ствол нагель, пропустил через него веревку и закрепил схватывающим узлом, затем пошел по ветви встречать клещевой захват.

Ветка была очень длинная, и, прежде чем он дошел до нужного места, веревку пришлось дважды перевязывать. Черт бы побрал эти правила безопасности! Вечно Мэтти дергается из-за них, а на самом деле веревка и ни к чему.

Резать пришлось четыре раза, а в последний – вырезать по бокам специальные углубления, чтобы клещам было за что ухватиться. Затем он разделил торчащий кусок ствола пополам вдоль и избавился от него двумя широкими горизонтальными надрезами. С тремя следующими ветвями он расправился аналогично. Щель наверху ствола должна была позволять захватить половинку клещами, так что приходилось отступать по ветви и переводить лучевик на максимальную мощность. Тем не менее, в последний раз клещи застряли, не успев сомкнуться.

– Черт! – буркнул Стронг, подскочил к стволу и недолго думая полез вверх по расщелине коры.

– Том! Стой! – Мэтьюз даже забыла про обычное «доброе утро».

Он остановился и включил передатчик.

– Что, Мэтти?

– Том, так нельзя! Забыл?

– Да тут все просто, кора как лестница. Надо освободить захват, иначе никак. Снизу могу промахнуться и задеть его

лучом.

– Да какая еще лестница, ты что, с ума сошел? Совсем там освоился, я смотрю. Нельзя забывать об осторожности!.. Оуэн, попробуй натянуть трос, может, эта проклятая штука выскочит.

– Сейчас, Мэтти. – Трос дернулся, ствол дрогнул, но не поддался. – Не получается... боюсь порвать.

– Черт!

– Ну так как? – спросил Стронг.

– Там дальше еще сук обрезанный торчит, можешь перекинуть через него веревку?

– Да, но до верха будет еще далеко, все равно придется лезть.

– Все равно сделай и садись в седло, хоть какая-то защита.

Он спустился на ветку, закрепил веревку узлом и снова полез вверх по расщелине. Седло мешало, однако Мэтти была права. Веревка остановит падение, хотя в случае травмы из петли можно и выскользнуть, и тогда верная смерть.

Подниматься было невысоко, и вскоре он оказался рядом с застрявшими зубьями громадных клещей. Высунувшись над обрезанным концом ствола, Стронг уперся ногами на уступ коры и осмотрелся. Нижние ветви дерева все еще скрывали деревню, но вдали расстиралось темно-золотое пшеничное море, виднелись ангары для техники, крематорий, завод для сжигания мусора и лесопилка, а дальше – длинная череда элеваторов, готовых к приему урожая.

Тягач висел прямо над головой, нацелясь на него камерой из брюха. Больше никого, «мотылек» не прилетел. Синее Небо выглядело из лебедочного люка. Трос он уже ослабил и только поддерживал захваты на весу. Клещи перекосило, и малейшее натяжение только закрепляло их в

щели. Чтобы их освободить, требовалось вырезать часть древесины изнутри.

Стронг вытащил из-за пояса лучевик, поставил на малый режим и принялся за работу, аккуратно обходя застрявшие зубья. Вскоре Синее Небо уже смог выдернуть их и поднять захваты выше, чтобы не задеть Стронга, однако при этом вылетевшая щепка ударила его в шею не хуже поставленного удара джиу-джитсу. В глазах на миг потемнело, он потерял равновесие и стал падать. Сначала спиной, глядя в небо на тягач с висящим на длинном тросе гигантским клещевым захватом. Затем картинка повернулась, и вместо неба перед глазами со страшной скоростью замелькала бугристая кора, по которой он только что понимался.

– Том! О боже! – пропищало в левом ухе.

Снова поворот – навстречу мчалась огромная ветвь, та самая, где он недавно сидел и мечтал. Или он мчался навстречу ей?

Совсем чуть-чуть, как казалось, не долетев до ветки, Стронг ощутил, как врзается в тело натянувшаяся веревка – с такой силой, что не успей он ухватиться за свисавший свободно другой конец, остался бы с переломанной спиной. Теперь он расслабленно болтался в седле, изумляясь яркой синеве неба и золотому сиянию спелой пшеницы, что мерно колыхалась под теплым летним ветерком.

– Том! Что с тобой? Ты жив? Боже мой, боже мой...

– Все нормально, Мэтти, – ответил он.

Голос Пика в ухе:

– А мы уже почти похоронили тебя, старина.

– Чем тебя сбило? – спросил Синее Небо. – Клещи свободно висели...

– Тем куском дерева, что я вырезал. – Стронг пощупал шею – болит, но ссадины нет. – Цел и невредим, не волнуйтесь. Мэтти, с меня причитается, я тебе жизнью обязан.

— Ты обязан только закончить работу и не сломать себе шею, — буркнула она, — а потому план меняется! Такой ствол, даже если делить вдоль, трудно захватить клещами, так что забираем эти два куска, а все остальное валя вниз. На площади места хватит, только у самых нижних придется сначала концы обрезать... Оуэн, Джейк, когда доставите последние куски, загоняйте тягач в ангар. Я вас там подберу и привезу на площадь, а когда Том управится с ветвями, займетесь остатком ствола и порежете там все, чтобы перетаскивать, сегодня или завтра, если не успеем... Ты точно в порядке, Том?

- В полном... Запасной резак только нужен, я свой уронил.
- В тягаче должен быть. Оуэн, глянь.
- Есть, сейчас спущу.
- Отлично, конец связи.

Теперь он двигался по стволу вверх, а не вниз, как раньше. Первая, самая нижняя ветвь была та самая, что нависала зеленым шатром высоко над гостиницей. Не этим ли путем пришла дриада в его номер той ночью? Дошла до конца ветки, а потом слетела вниз на подоконник, подобно фее. Нет, вряд ли. Тогда как? Надо будет спросить ее, потом, на Земле, когда они поженятся. Сейчас это неважно. Главное — дерево. Где она прячется, интересно? Спускаясь к нижней ветви, он старательно оглядывался, но никого не заметил. Ладно, тоже неважно. Сегодня вечером в номере, когда она придет, все выяснится. Тогда он и сделает ей предложение. Да, именно сегодня. А пока — дерево.

Площадь была огорожена натянутыми канатами. Вестермайер распорядился, ясное дело. По ту сторону перед гостиницей толпились, задрав головы, крошечные фигурки людей. Стронг обрезал конец ветви длиной метров десять — медленно, так чтобы она сначала надломилась и обвисла.

Птицы-хохотушки с криками брызнули из листвы и понеслись в сторону равнины. Возвращаться им теперь будет некуда. Гора листвы плавно обрушилась на площадь.

Так, теперь остальное. Седло осталось возле ствола. Узнай об этом Мэтти, с ней случился бы припадок, но возиться с нагелями не хотелось, и потом, как она узнает? Сейчас она, должно быть, еще ждет Пика с индейцем у ангара. Тем не менее, один нагель вогнать все-таки пришлось, чтобы спуститься под основание ветки и сделать надрез снизу. Небольшой, меньше чем до середины. Теперь обратно наверх, и заключительный надрез...

Сверху донесся шум. Стронг поднял голову и увидел, что птицы покидают дерево. Куда им податься? В голову пришла та же мысль, что и пять дней назад на площади: «Это дерево последнее на планете, с ним исчезнут и хохотушки». В груди кольнуло и заныло, не помог даже тщательно выстроенный в душе барьер.

Он продолжал резать. Сук под ногами дрогнул и затрещал.

«Простите, птички, я не виноват», – вздохнул Стронг.

– Мы приехали, Том, – раздался в ухе голос Мэтти. – Ты на той ветке, что над гостиницей? Не вижу тебя.

– Да, – ответил он, прислушиваясь к нарастающему треску. – Вот она, пошла!

Он прижался спиной к стволу, глядя вниз. Ствол гулко завибрировал, потом вздрогнул, но сук отвалился не весь одновременно. Сначала вниз двинулся толстый внутренний конец и рухнул на землю с оглушительным грохотом, затем – громкий шелест листвы и новый удар, уже слабее, дальнего конца.

Зрители дружно зааплодировали. Стронг разглядел Пика с индейцем, которые подошли к упавшей ветви.

– Том, поглядывай вниз, – предупредила Мэтьюз. – Оуэн

и Джейк постараются не отставать, так что режь подальше от них и, если что, крикни, чтобы отошли. Вообще, каждый раз предупреждай, когда что-то падает. Не отключай передатчик.

– Принято.

– И ради бога, поосторожнее там!

– Конечно, Мэтти.

Теперь он видел и ее – на лужайке гостиницы впереди толпы. Неподалеку виднелись еще три отдельные фигуры. Вот оператор согнулся над штативом с телекамерой, а вот и Мэри Джейн. В душе ничего не шевельнулось. Стронг отвернулся и занялся следующей веткой.

– Джерри, давай передвинемся, – сказала Мэри Джейн. – Он пошел вокруг ствола.

Не говоря ни слова, Пруитт взвалил на плечо треножник с камерой и стал обходить площадь. Джонни-Бой с девушкой двинулись следом.

– Что такое с Джерри, – ухмыльнувшись, спросил он шепотом, – язык проглотил?

– Заткнись, – бросила она.

Вчера вечером, когда она опять ушла с Пиком, Джерри смотрел точно так же, как Том тогда на Одуванчике, когда узнал, кто ее прошлый любовник. Что еще хуже, презирать его, как обычно в таких случаях, она почему-то не могла. Вместо этого в душе вдруг вспыхнула жалость... а ночью приснился все тот же сон. Утром опять проспала, а за завтраком увидела в окно столовой толпу на лужайке перед гостиницей. Все смотрели на Большое дерево, и она поняла, что сегодня вести съемку лучше снизу.

«Сколько угодно красивых девушек видят фаллические сны, – подумала она, шагая рядом с Джонни-Боем позади Джерри. – Да, но я не девушка, я старая шлюха».

Наверху среди листвы показалась крошечная фигурка Тома, обходящего ствол.

– Снимай его! – скомандовала Мэри Джейн, останавливаясь.

Джонни-Бой помог Пруитту установить штатив и настроить камеру. Когда Стронг исчез по ту сторону дерева, они двинулись дальше.

Что с ним такое, что в нем изменилось? Почему после стольких лет она вдруг жалеет, что не пошла за него замуж? Она знала ответ. Все дело в сне, от которого ее на время освободил психоаналитик, а теперь мог спасти только Том. Ее утешитель и спаситель.

Она понимала, конечно, что причина больше в ее отчаянии, чем в отступничестве, и «спаситель» сам вовсе не святой. Тем не менее, при всех своих слабостях, он один по-настоящему любил ее, и если он не сможет простить, то не простит больше никто.

Мэри Джейн прикурила сигарету, но руки так дрожали, что она тут же отбросила. Бог поймал ее в ловушку, послал Тома, но позволил сделать то, чего тот принять не мог, да еще заставил признаться. Теперь самому спасителю почти невозможно выполнить свое предназначение. Наверное, не случайно она так старалась получить командировку сюда, в Пристволье... А теперь Богу надоело ждать. Она последовала за своим спасителем на Прерию, но своим появлением только растравила его душевную рану. И прошлой ночью под деревом наконец увидела себя в истинном свете.

Сегодня я уйду с Томом, сказала она себе. Если придется, буду умолять, встану на колени. Пусть простит меня за Джейка, за неродившихся детей, которых я растоптала... пусть хотя бы прикоснется ко мне, и я буду знать, что простил.

Последнюю ветвь Стронг повалил уже во второй половине дня. Площадь внизу превратилась в древесную бойню.

Он работал без перерыва, отказавшись даже принять корзинку с едой в полдень, а теперь спустил контейнер на обрубок самой нижней ветви, а сам стоял выше, на коротком суку, который скрывал его от зрителей. Незаметно для них он протиснулся в расщелину коры и вскарабкался ко входу в пещеру. Не особо ожидая встретить там дриаду, просто на всякий случай. Так и есть, внутри пусто. Скорее всего, она уже покинула дерево. Свечи догорели почти до основания, и в их тусклом мерцании Стронг в последний раз постоял перед копией дерева и гамаком, где провел ночь с Ктиль.

— Если ты еще здесь, — произнес он, — приди ко мне, и я расскажу, что придумал для нас обоих, а потом вместе спустимся вниз.

Прислушался, но в голове тоже было пусто, никаких чужих мыслей. Даже пламя затухающих свечей не оживилось, отвечая на присутствие чудесного неземного существа.

Так и есть, она ушла. Стронг задул свечи и вернулся наружу по узкому коридору. Спускаясь по расщелине, услышал голос Мэтьюз:

— Том, где ты? С тобой все в порядке?

— Я здесь, Мэтти, — ответил он и добавил: — Оуэн, Джейк, принимайте вещи, я спущусь следом.

Он скользнул по перекинутой веревке на нижний сук, потом стянул ее вниз, забил нагель и закрепил на нем один конец. Вторым привязал контейнер и спустил на землю. Пятидесяти метров едва хватило. Когда пик и Синее Небо забрали посылку, воспользовался веревкой сам.

Зрители разразились торжествующими криками. Он стоял, ощущая под ногами непривычно мягкую землю. Мэтьюз подбежала и расцеловала его в обе щеки.

– Пошли со мной смотреть, – сказала она. – Теперь ты внизу, и тройная страховка не действует. Стволом займется Джейк и Оуэн.

Стронг покачал головой.

– Нет, я сам, – твердо сказал он.

Мэтьюз взглянула ему в глаза, но он смотрел прямо перед собой, не видя ее.

– Как хочешь, Том, это твое дерево.

– Джейка с Оуэном тоже забирай.

– Ладно... Ребята, возьмите контейнер.

Синее Небо озабоченно взглянул на Стронга.

– Том, с тобой все нормально?

– Угу.

– Смотри, поосторожней тут.

Индеец подхватил один конец контейнера, Пик – другой, и оба двинулись следом за Мэтьюз к ожидавшей толпе.

Стронг остался на площади наедине с торчащим голым стволом в окружении хаоса обрезанных ветвей. Остаток дерева возвышался как черная сердцевина вулкана посреди искромсанной земли. Место падения уже было рассчитано – справа от каменной купальни для птиц, в стороне от гостиницы.

Выставив гамма-лучевик на максимальную мощность, Стронг сделал глубокий надрез до самой сердцевины на той стороне, куда должен был упасть ствол. Затем обошел дерево вокруг. Трава под ногами была покрыта ковром из алых лепестков, и косые лучи заходящего Гэндзи делали их еще более похожими на капли крови. Стронг зябко передернулся и стал резать чуть выше с другой стороны. Луч входил в древесину все глубже, и дерево отвечало гулким скрипучим стоном. Люди на лужайке умолкли, слышался лишь зловещий жалобный стон. Наконец ствол вздрогнул

и стал крениться, сначала едва заметно, потом все сильнее.

Дерево падало с торжественной и печальной неторопливостью. Казалось, с места сдвинулась гора. К носку ботинка прилип кровавый лепесток, и Стронг нервно топнул, стряхивая его, затем отошел от ствола подальше. Ему вдруг послышалось собственное имя. Кто-то кричал совсем рядом... или нет? Он резко обернулся, но не заметил никого, кроме зрителей в отдалении.

С грохотом, подобным раскатам грома, гигантский ствол обрушился на землю – как раз там, где и было рассчитано. От толпы донесся дружный вздох. По дереву прошла дрожь, и все стихло. Стронг шагнул к необъятному пню шириной с дом, но вдруг снова услышал: «Том!»

Голос был слабый и словно надтреснутый, но чей он, было уже ясно. Стронг в отчаянии бросился бежать вдоль упавшего гиганта, заглядывая под бугристую кору, и увидел впереди как будто бы клочок солнечного света. Толпа уже ворвалась на площадь и обступила дерево, приходилось проталкиваться. Добежав, Стронг упал на колени.

– Ктиль! Ктиль!

Из-под коры виднелась только верхняя часть ее тела, остальное было вмято глубоко в землю. В волосах блестел кровавый цветок.

«Ктиль... Ты не должна была умереть! Я не хотел...»

«Ты не убил меня, Том, – шепнула она, – это была неизбежность».

«Прости меня...»

Она кивнула с улыбкой, и он понял: прощать нечего. Потом умерла. Стронг в последний раз взгляделся в ее лицо, но увидел лишь траву, а на траве – цветок.

VII

Длинные столы вдоль стен ломились от всевозможных яств, но Стронг прошел прямо к стойке, не обратив внимания на угощение. Перед вечеринкой он принял душ, но бриться не стал, только надел белую рубашку без галстука, летние брюки и парадные туфли.

Бар был набит до отказа. Пик с Синим Небом тоже явились, хотя на следующий день с утра им предстояло таскать на лесопилку последние останки дерева. Все принарядились, даже Мэтьюз сменила рабочую одежду на белое платье. Жнецы толпились не только в баре, но заполнили и обеденный зал. Стронгу показалось, что здесь добрая половина деревни. Его встретили приветственным ревом, хлопали по спине и наперебой поздравляли.

– Вот герой, который спас Пристволье!

Мэтьюз подвинулась, освобождая для него место между собой и Синим Небом. Перед ней стоял бокал Старого Земного, индеец по обыкновению прихлебывал виски. Пик, против обыкновения, свой скотч не разбавлял. Вестермайер сам стоял за стойкой, Катерина помогала. Стронг с тоской подумал о Мари Мускатель.

– Виски, – сказал он подоспевшему мэру.

Тот потянулся к верхней полке.

– самого лучшего! – объявил он, наполняя большой бокал.

– Эй, – спохватился Синее Небо, – у меня тоже пусто.

Вестермайер обслужил их и оставил бутылку на стойке.

– Все это в твою честь, Том, – улыбнулась Мэтьюз.

– Нет у меня никакой чести, – буркнул он. – Я убийца.

– Они появлялись на горизонте в клубах пыли из-под копыт, – забормотал Синее Небо, – и были прекрасны в своем косматом величии и темном великолепии, как сама смерть.

– Я знаю, что ты чувствуешь, Том, – сказала Мэтьюз. Он допил виски и снова наполнил бокал.

– Нет, не знаешь.

– Я видела, как ты плакал там, возле пня.

Стронг угрюмо молчал, уронив руки на стойку.

«Что станет с тобой, когда умрет твое дерево?» – спросил он тогда, и она ответила: «Я тоже умру». А потом он лгал себе, потому что должен был выполнить работу, и убеждал себя, что она просто не знает и только думает, что умрет. Любил ее – и убивал.

– Нет у меня никакой чести, – повторил он. – Я убил ее.

– Том...

Он снова замолчал. Поднял глаза, увидел свое отражение в зеркале за стойкой и содрогнулся. Взглянул выше, на бутылки, потом на самую верхнюю полку, где красовались изделия квантектилей.

– Вестермайер! Что это?! – Показал пальцем подбежавшему мэру. – Что там за кукла? Я хочу посмотреть.

Чтобы дотянуться, тому пришлось встать на цыпочки. Он протянул куклу Стронгу.

– Мы нашли ее здесь, в гостинице, когда готовились к приезду туристов. Думаю, она как-то связана с религиозным культом аборигенов.

Стронг не сводил глаз с куклы. Она была вырезана из дерева и стояла на небольшом пьедестале. Старинные краски до сих пор не успели потускнеть. Мелкие, изящные черты лица, высокая грудь под зеленой туникой из листьев, длинные стройные ноги, солнечный блеск волос.

– Не удивлюсь, если это их богиня, – продолжал коротышка, – богиня Большого дерева, к примеру.

– Нет. – Мэтьюз покачала головой. Неправильность в ее сне наконец обнажила свое чудовищное уродство. – Это богиня домашнего очага.

– Как это? – вытаращил глаза мэр.

– А вот так. Том, ты понимаешь? Дома и есть дерево, очевидно же!

Стронг осторожно погладил деревянную фигурку по плечу.

– Тогда почему она была на дереве?

– Она и богиня дерева тоже... но почему вдруг на дереве?

– Потому! – нахмурился он. – Я сам ее видел и говорил с ней!

– Том, держи себя в руках.

Вестермайер беспомощно переводил взгляд с одного на другого.

– Простите, – наконец вмешался он, – но что вы имеете в виду? В каком смысле наши дома и есть дерево?

– Я хочу сказать, – стала объяснять Мэтьюз, – что Большое дерево вырастило их из своих корней. Вот такие прекрасные, очаровательные – специально чтобы привлечь людей. Этому виду дерева требовались для жизни люди во-круг, их отходы и мертвые тела. Разлагаясь в земле, они кормили ствол, ветви и все остальное. Мне следовало догадаться сразу, когда специалист на лесопилке показал поперечный срез ствола и упомянул про необычайно толстый лубяной и пробковый слой. Наверное, и догадалась, но не осознала, потому и увидела потом во сне. Мне снилось, что я дерево, и я все знала о нем! Дело не в размерах, ему просто требовалось больше питания, чтобы поддерживать дома – кормить их, понимаете?

Стронг продолжал молча разглядывать фигурку.

Лицо мэра вдруг побледнело.

– Почему же тогда дома гниют?

– Потому что вы усовершенствовали систему уничтожения отходов и кремации покойников, начало которой положили еще квантектили перед гибелью. Фактически вы уско-

рили умирание дерева. — Мэтьюз повернулась к дальней стене и показала на темное пятно. — А дома гниют, потому что умирают вместе с ним.

— Да, — кивнул Стронг, — она так и сказала, что сама их построила. Богиня дерева и домашнего очага, так и есть... Только это еще не все — она сама была деревом... а я убил ее.

— Том, прекрати!

— Со мной все в порядке, не переживай. Теперь я понимаю.

Мэтьюз снова взглянула на Вестермайера.

— Квантектили, которые жили в этой деревне, — продолжала она, — знали, что произошло с другими, и просто не захотели ждать. Возможно, их дерево продержалось дольше, потому что они позже пришли к цивилизации. Так или иначе, их божество, дающее жизнь, тоже умирало... Никакой растительной чумы не было, доктор Вестермайер, одна лишь людская глупость.

— Том... — произнес кто-то за спиной у Стронга.

Он обернулся. Перед ним стояла Мэри Джейн. При виде ее лица вспомнилось из Писания: «Учитель! Эта женщина взята в прелюбодеянии...» Так сказали фарисеи, когда привели ее к Спасителю.

— Пожалуйста, прости меня, Том, — сказала она, и Стронг понял, что убил не только дриаду.

Он взял ее за руку.

— Мне нечего тебе прощать, Мэри Джейн.

Она всхлипнула.

Глядя на них, Мэтьюз покачала головой.

— Ты стал совсем другим, Том.

— Нет. — Он обнял девушку за плечи. — Просто часть меня умерла там, на дереве. — И обернулся к Вестермайеру. — Это еще не все. Вспомните про птиц.

— Птиц?

– Расскажи про птиц, Том, – кивнула Мэтьюз.

– Квантектили поклонялись птицам так же, как и дереву, – начал он. – Я нашел их святилище на дереве.

– Птичий дом, – кивнула она.

– И не только. Внутри ствола была пещера с рисунками на стенах, они все объясняют. Можете сами взглянуть, прежде чем все распилят и увезут... Похоже, весь северо-запад Нью-Америки представляет... представлял собой биом, единую экосистему, включавшую деревья, дома, квантектилей, пшеницу и птиц-хохотушек. Деревья давали кров людям и птицам, квантектили растили пшеницу – не так много, как вы, но достаточно для своих нужд – и питали деревья своими отходами и телами умерших, а птицы оберегали урожай от вредителей. Когда-то аборигены все понимали и создали на этой основе свою религию, но потом, видимо, она выродилась в пустой ритуал, потеряв суть. Так или иначе, впоследствии уже достаточно цивилизованные квантектили стали считать обычаи предков суевериями и в своей слепоте лишили экосистему жизненно важных компонентов. В результате деревья стали гибнуть от голода. Осталось последнее, но и оно уже умирало. Я его только добил.

– А все-таки, чем питались птицы? – спросила Мэтьюз. – Я знаю, охотились на кого-то в посевах, мне снилось... но на кого?

– Ну, не знаю... Может, на саранчу местную или на кузнечиков, на их личинок. Не позволяли насекомым чрезмерно размножаться. Думаю, этот урожай будет последним – пока жнецы не разберутся и не найдут свои способы борьбы.

– Боже мой, – вздохнул Вестермайер. Посетители бара слушали разговор с окаменевшими серыми лицами.

Мэтьюз сочувственно взглянула на мэра.

– Дерево все равно умирало, – заметила она, – еще до вас.

– Их было пятьдесят миллионов, – заговорил Синее Небо, обнимая бокал, – а теперь там Великая Американская пустыня. Они паслись на зеленой траве, а потом возвращали пищу земле в своем помете, и трава вырастала снова. Пятьдесят миллионов! Пришли бледнолицые, и осталось пять сотен.

– Мэтти, почему все деревья росли во впадинах? – спросил Стронг.

– Наверное, чтобы собрать больше влаги.

– В таком случае, их должен был кто-то посадить.

– Квантектили?

– Нет, не думаю. – Он посмотрел на деревянную фигурку. – Едва ли мы когда-нибудь поймем это, но, думаю, они посадили сами себя.

Вестермайер растерянно оглянулся по сторонам:

– Что же делать? Что нам теперь делать?

Мэтьюз пожала плечами.

– Похоже, все уже сделано.

– О чем вы вообще говорите? – хмыкнул Пик.

Синее Небо продолжал бормотать:

– Их было пятьдесят миллионов... Пятьдесят миллионов!

Yggdrasill astralis
Бывший ареал: Прерия (Гэндзи-5), северо-запад Нью-Америки
Численность популяции: 0

ВИДЕНИЯ

Меня считают сумасшедшим.
И все потому, что я снова и
снова рассказываю свою ис-
торию. После каждого рас-
сказа меня ждет одно и то
же: взгляды, полные недо-
верия или сожаления, а
иногда и откровенные

насмешки. Но я чувствую, что должен говорить. Должен объяснить всем, что реальность, в который мы существуем, на самом деле — вселенская ложь.

Люди меня слушают. Возможно, не верят, но слушают. Потому что часть моего рассказа — историческая действительность. Я тот самый астронавт, который улетел к звезде Ван Маанена и привел корабль на Землю после того, как Скотт и Марчен погибли.

Люди верят в эту часть рассказа. Но они не верят в то, что наш корабль превысил скорость света. И в то, что, прежде чем бортовой компьютер пришел в норму, я на считанные мгновения увидел картину мироздания такой, какая она есть.

Никто не верит моим рассказам.

«Старик Моряк, он одного из трех сдержал рукой... Поймай, корабль там был...»¹

Старик Моряк — это я.

На самом деле я вовсе не старик. Действительно, Космическая Службы отправила меня в отставку, но не потому, что я достиг пенсионного возраста. Просто, пока я летал, на Земле прошло много лет. Гораздо больше, чем для меня самого на борту «Зевса». Так что по реальному земному времени мне уже давно пора на покой. Но даже если бы лет прошло меньше, меня бы все равно списали — из-за травмы, полученной во время столкновения с метеоритом. Он вывел из строя корабельный компьютер и убил моих коллег Скотта и Марчена. А я повредил бедро и, несмотря на операцию, до сих пор немного прихрамываю: моя правая нога короче левой.

¹ Отрывок из поэмы С. Т. Кольриджа «О старом моряке» (пер. Николая Гумилева).

Я написал «по реальному земному времени». Но годы, прошедшие на Земле, реальны не более чем время, проведенное на борту «Зевса». И то, и другое – всего лишь игры скорости света. А поскольку время и пространство – понятия неразделимые, то и настоящего пространства тоже не существует.

Безусловно, большинство людей, слышавших мою историю, верят, что меня отправили в отставку не из-за больной ноги, а из-за больной головы. В некотором смысле они правы. И все же, хотя человек может потерять рассудок, сам того не понимая, я не считаю себя сумасшедшим.

Вы думаете, расизм остался в прошлом? Только не в маленьких провинциальных городках. Мои родители в ужасе. Мало того, что их единственный сын плетет небылицы по кофейням и барам, так еще и спутался с чернокожей. Я могу их понять, ведь они гораздо старше меня. Люди другого поколения. Теперь они скорее мои бабушка и дедушка, чем мать и отец. А вот поведение молодых людей мне не понятно – как будто ненависть к не таким, как они, передалась им по наследству от далеких предков.

Барбара как будто не замечает косых взглядов, которые на нас бросают окружающие. Похоже, ей нет дела до простых смертных. Иногда мне кажется, что она здесь такая же чужая, как и я. Еще до нашего знакомства я иногда видел ее на улицах, и она всегда находила глазами мой взгляд. Однажды я заметил, что она смотрит на меня из окна гостиницы. Я часто встречал ее в барах и кофейнях, она обычно сидела за самым дальним столиком и всегда одна. Познакомились мы случайно. Дело было в кафе. Я только что закончил рассказывать свою историю и направился к выходу, а она как раз входила. Нет, мы не столкнулись, но оказались достаточно близко друг к другу, чтобы завязать разговор. И

вскоре уже шли вместе по улице под светом звезд. Барбара и я. Я никогда не рассказывал ей свою историю, но уверен, она слышала ее от других...

Также я не рассказывал о видениях, которые посещают меня с тех пор, как я вернулся на Землю.

Я купил мерседес. А почему бы и нет? Могу себе позволить. Родители сочли этот поступок непристойным: как можно тратить столько денег, если не работаешь? Они насквозь пропитаны протестантской этикой. Считают, что это грех – болтаться по городу и ничего не делать. Для них неважно, что я богат. Согласно их философии, человек должен работать, работать и еще раз работать.

Сейчас лето, и мы с Барбарой часто ездим за город. Я разрешаю ей сесть за руль. Мерседес ярко-красный, из-за этого кажется, что Барбара еще чернее, чем на самом деле. Чернее, но не красивее – красивее быть невозможно. Автомобиль хороший, но я сомневаюсь, что он обладает мощностью мерседесов былых времен, да и ход у него не идеальный. Но я всего лишь разбогатевший бедняк и не могу отказать себе в таком подарке.

Когда я с Барбарой, у меня нет видений. Иногда мы вместе заходим в бары, но я не рассказываю при ней свою историю. Хотя она замечает, как смотрят на меня окружающие. Как на психа.

Возвратив корабль на Землю, я рассказал свою историю в Центре управления полетами. Меня слушали вежливо и задавали много вопросов. Записывали все, что я говорил. Потом отправили к психиатру, одному из тех, что работают на Космическую Службу. Судя по вопросам доктора, он заподозрил у меня параноидальную шизофрению. Все психиатры ее подозревают. Наверное, им нравится, как звучит

это словосочетание — загадочно и мудрено. Думаю, они и сами не знают, что оно значит.

Доктор снова и снова просил меня рассказать о комнате с двумя окнами, в которой я оказался после того, как «Зевс» преодолел световой барьер. Я не мог описать ее ясно, потому что стены, пол и потолок представляли собой лишь слоистую темноту — за одним слоем другой, за другим третий, и так до бесконечности.

И еще мы бесконечно обсуждали стол, за которым я сидел в той комнате.

— Что это за стол, капитан Ройс?

— Просто стол.

— Деревянный или металлический?

— Не знаю.

— Вы, видимо, сидели на стуле и смотрели... э-э-э... на пресс-папье и космический корабль на столе?

— Да.

— Этот космический корабль был миниатюрной копией «Зевса»?

— Да. Точной копией, до мельчайших нюансов.

— А пресс-папье? Что оно представляло из себя?

— Я уже говорил: тогда я об этом вообще не думал. Но потом осознал, что это была Вселенная.

— Пресс-папье было круглое и стеклянное, вроде тех, которые встряхнешь, и внутри идет снег?

— Вроде того.

— Внутри него вы видели звезды? Галактики? Квазары?

— Только черноту.

— Почему вы его не встряхнули? Может быть, тогда бы вы увидели звезды.

— Как-то не подумал об этом.

— Хорошо, капитан Ройс, давайте перейдем к окнам. Первое, в которое вы поглядели... кажется, оно было слева?

Расскажите еще раз, что вы там увидели.

– Гору. Но на самом деле это была не гора, а Марчен.

– Вы хотите сказать, Марчен стал таким большим, что походил на гору?

– Да. Он сидел посреди равнины, прижав колени к груди и обхватив их руками. В позе эмбриона.

– А что вы увидели за другим окном?

– Серую равнину – наверное, ту же самую. На ней лежал Скотт, огромный, как горный хребет. Именно в таких позах я их и обнаружил в салоне корабля позже, после того, как скорость упала ниже скорости света.

– Когда метеор пробил корпус корабля и воздух из салона вышел в космос, вы находились в рубке управления, так?

– Да. Скотт и Марчен отдыхали. Метеор не только пробил корпус, он смял шлюзовую отсек и повредил реле бортового компьютера, из-за чего «Зевс» и превысил скорость света. До того мы летели со скоростью чуть ниже световой.

– Капитан Ройс, вы астронавт. У вас достаточно знаний, чтобы понимать: если бы корабль превысил скорость света или даже сравнялся с ней, он сам и все на его борту превратились бы в сгусток энергии. «Зевс» не мог преодолеть скорость света, иначе бы вас здесь не было.

– Тем не менее, он ее преодолел, а я нахожусь здесь.

– Спасибо, капитан. Пока все. Почему бы вам немного не полежать? Глядя на вас, можно сказать, что небольшой отдых вам не повредит.

В нашу первую встречу я не рассказал психиатру про свои видения. Не сказал и через месяц – по приказанию Космической службы я должен посещать доктора ежемесячно. Он бы с огромной радостью поставил мне диагноз и отправил в сумасшедший дом. Зачем ему помогать?

У нас с Барбарой платонические отношения. Мне это не по душе; я влюблен в нее, а она, похоже, в меня. Но наша любовь как будто против страсти. Барбара никогда не приглашала меня к себе. Каждый вечер я привожу ее к отелю, мы целуемся, говорим друг другу «спокойной ночи». И на этом все.

А ведь на нее невозможно смотреть, не испытывая желания. Высокая, как богиня. По плечам струятся черные волосы. Когда мы едем в машине, они развеваются на ветру. Она носит летние платья, которые открывают изящные ноги и подчеркивают изгибы бедер. У Барбары походка принцессы. Иногда меня так и подмывает спросить ее, изучила ли она свою генеалогию. Если да, то наверняка среди предков обнаружила какого-нибудь африканского короля. Но иногда я в этом не уверен. В ней есть некая странность, как будто она не принадлежит ни к одной из существующих рас, да и вообще к человечеству.

Я не знаю, откуда она родом. Она никогда не говорила, а я воздерживался от расспросов. В этом городе она такая же чужая, каким был я, когда вернулся на Землю. Впрочем, я и сейчас чужой; мои друзья детства состарились, и мои странности отталкивают их. Я гораздо моложе, чем они, но в их глазах я – старик-астронавт, потерявший рассудок в долгом путешествии. Чужак. И рядом со мной Барбара – тоже чужая.

Видения посещают меня все чаще. И они совсем не похожи на то, что я видел за барьером скорости света. Одно из них настигло меня вчера, когда я отвез Барбару в отель. Как и прежние видения, оно напоминало водоворот. Мир, человечество, звезды, прошлое и будущее – это все как будто оказалось в чаше космического блендера. Я видел события, сцены, созвездия, квазары, пульсары, кружащиеся в ночи. Видел лица матери и отца, тысячи незнакомых лиц. Все

они кружились в бешеном темпе среди звезд и сражений, городов и диких степей.

Видения меня нисколько не удивляют. Вряд ли Вселенная, увиденная изнутри, несет в себе больше смысла, чем увиденная снаружи. За барьером скорости света я сидел за столом, если, конечно, это был стол, и видел космос в форме пресс-папье — так неужели содержимое пресс-папье будет подчиняться доводам науки?

Когда я рассказываю о пресс-папье, психиатр задает любимый вопрос: «И вы тогда подумали, что вы — Бог?». Если я отвечу «да», он упрячет меня в психушку. Шизофреники часто считают себя Богом или его правой рукой. И я говорю доктору правду: тот момент был настолько краток и эфемерен, что я вообще ничего не подумал. И до сих пор в мыслях я не продвинулся так далеко, чтобы мнить себя кем-то более значимым, чем простой смертный.

Будь видения всего лишь воспоминаниями о полете, это еще полбеды. Но сегодня вечером во дворе, глядя на звездное небо, я внезапно вырос до луны. Потянулся рукой в изумлении и коснулся ее холодного, неподвижного лица. Потом иллюзия исчезла — если это была иллюзия, — и я вновь оказался прикованным к Земле. Маленький землянин, который только и может, что смотреть снизу на звезды.

Метания привели меня к Канту. Я надеялся, он поможет. Старикан из Кенигсберга очень близко подошел к истине, вот только не с той стороны. Время и пространство определяются вовсе не нашими априорными представлениями, а скоростью света. Именно она выстроила очаровательную тюрьму, в которой мы живем, и наполнила смыслом эту вещь в себе. Сделала действительность реальной в приемлемой для нас форме, спасла человечество от удела бродяги, скитающегося где-то вне времени и пространства.

Она создала пространство и наполнила его кровотоком времени.

Возможно, в барах и кофейнях я должен рассказывать не только мою историю, но и об этих открытиях. Возможно, я должен сделать решительный шаг и объявить, что на самом деле никакого космоса не существует. Возможно, я обязан рассказать об этом моему психиатру. Но я и так слишком много болтаю, и если выступлю с таким откровением, меня ждет, во-первых, осмеяние, и во-вторых – психушка.

Должен ли я открыть Барбаре правду о пространстве и времени? Наверное, должен. Но сначала надо рассказать о том, что произошло за туманной завесой скорости света и о моих видениях.

Сегодня я снова поднялся к самой луне и прикоснулся к ее неподвижному, холодному лицу. Однажды я точно дотянусь до звезд и обожгу пальцы о какой-нибудь протуберанец.

Иногда я гляжу в глаза Барбары, и мне кажется, что она не настоящая. Ее глаза бесконечно глубоки, и в них я вижу звезды – крошечные, далекие. А иногда она растворяется у меня на глазах, и чернота ее кожи становится чернотой ночи. Тогда я протягиваю руку, касаюсь ее лица, и мягкость щеки убеждает в том, что она живая и настоящая. Она принимает меня таким, какой я есть; ей все равно, считают ли меня психом. Он поможет мне разобраться с видениями и открывшейся истиной.

– Барбара, Барбара, я должен тебе рассказать. Послушай и, пожалуйста, не смейся.

Ночь. Она сидит рядом и слушает мой рассказ. Я остановил машину далеко за городом, у кромки леса. Барбара слушает, бледный свет луны и звезд падает ей на лицо, и она не сводит с меня глубоких темных глаз. Я рассказываю

ей о том, что увидел за барьером скорости света, о горе Марчене и хребте Скотте, о мертвецах, лежащих посреди серой равнины вне времени и пространства. Рассказываю о маленькой Вселенной у меня под пальцами, о миниатюрном «Зевсе» на столе. Рассказываю о том, как вырос до Луны и коснулся ее лика. Рассказываю о Канте и говорю, что он был почти прав. Наконец признаюсь, что больше не верю в существование космоса.

Я умолкаю, и она касается моей руки.

– Я хотела дождаться, пока ты сам мне все расскажешь. Иначе было бы нечестно.

Я чувствую, как ее холодные пальцы касаются моего мозга и начинают аккуратно его препарировать.

– Откажись от своих убеждений. Ты создаешь мне проблемы.

– Кто ты? – шепчу я.

– Сам знаешь.

– Не знаю.

– «Черна я, но красива». Ведь так?

– «О, ты прекрасна, возлюбленная моя, ты прекрасна!»¹

– А ты предпочтешь свои воронки? Или все-таки выберешь другое? Разве не лучше, проснувшись утром, увидеть за окном нежный свет нового дня? Шагая по утренней улице, смотреть на высокие стройные деревья, а далеко над ними – на голубое небо? А позже, в сумерки, поднять голову и дотянуться взглядом до луны, которую ты не можешь тронуть? Разве не лучше, чтобы звезды оставались там, где должны быть? То, что видят люди, на самом деле существует, но смотреть на это надо через темное стекло.

Ее слова доносятся как будто издалека. Словно она уже покинула меня. Хотя чернокожая девушка по-прежнему

¹ Цитата из «Песни Песней» Соломона.

сидит рядом. Девушка, которая ловила мой взгляд, проходя мимо по улице, и смотрела на меня из окна своей гостиницы. Которая однажды почти столкнулась со мной в кафе после того, как я рассказал свою историю, и потом шла рядом под звездами. Да, она все еще здесь. Барбара Блэк.

Да. Барбара Блэк. Я был в космосе, вернулся на Землю и встретил ее. Там, наверху, я получил контузию во время столкновения с метеором, убившим Марчена и Скотта. В беспамятстве я видел странный сон, который принял за явь, и, вернувшись, пересказывал его снова и снова в кофейнях и барах. И продолжал верить в теорию про вещь в себе.

Вокруг разливается теплый ночной воздух, звезды сияют в небе. Какие же они красивые! И там, в вышине, «в венце из огня нежит дева меня, что у смертных зовется луной»¹.

Я смотрю в глаза Барбары и снова вижу звезды. Целую ее губы, неподвижные и холодные, как луна. Воспоминание о прикосновении к луне на секунду вспыхивает у меня в голове, но гаснет раньше, чем завершается поцелуй.

— Завтра я уезжаю, — говорит Барбара.

— Пожалуйста, не уезжай. Или возьми меня с собой.

— Не могу.

Я снова целую ее — сейчас ее губы еще холоднее. Она уже не со мной.

Немного позже я везу ее домой.

— Спокойной ночи, — говорит она, и это значит «прощай».

Я устроился на работу в нашем городке — отчасти, чтобы не огорчать родителей, но в основном, чтобы заполнить чем-то долгие дни уходящего лета.

¹ Отрывок из стихотворения П. Б. Шелли «Облако» (пер. Константина Бальмонта).

Барбара исчезла.

Я пытался разузнать, где она, но никто не мог ответить, и она не оставила адреса в отеле. Ни один водитель автобуса не мог вспомнить высокую, как богиня, чернокожую девушку. Я даже съездил в ближайший аэропорт – ни на один рейс она не регистрировалась, и никто ее не видел.

Я остался один.

– Та комната с двумя окнами, капитан Ройс. Пожалуйста, опишите ее еще раз.

– Никакой комнаты не было.

– Но вы рассказывали о ней. И об окнах, в которых вы увидели человекоподобную гору и человекоподобный хребет.

– Это мне привиделось.

– А Вселенная в виде пресс-папье и корабль в миниатюре? Они тоже были только в вашем воображении?

– Да. Это все части одного сна.

– Прекрасно, капитан Ройс. Думаю, больше нам незачем встречаться.

Лето плавно перетекло в осень. Поздними вечерами я выхожу на улицу и смотрю на звезды. Теперь они красивы для меня какой-то новой красотой. И звезды, и весь космос. Однажды ночью, глядя в бесконечность неба, я вижу лицо Барбары. Звезды, как бриллианты, сияют в ее длинных черных волосах, в ушах мерцают звездные серьги. Ее лицо черно и прекрасно.

Я чувствую ласковое прикосновение легкого ветерка. Он пришел не с востока, не с запада, не с севера и не с юга. Пальцы ветра касаются моей щеки – нежно, как поцелуй. Ее лицо растворяется в ночи, но я знаю, что отныне я не один.

ТЕМНАЯ ЗОНА

Я живу в пещере – безымянный, и почти все время сплю.

На мне одна и та же одежда: красная «ковбойка», песочного цвета брюки, черные сапоги.

Меня в тысячный раз будит грохот камней, катящихся по отвесному склону, ведущему в пещеру. Я лежу навзничь на каменном полу. Заслышав шум, переворачиваюсь на живот, на четвереньках ползу к выходу и, как ни странно, в тысячный раз не догадываюсь, кто там, на склоне, пока не вижу ее. Девушка! Точнее, женщина, но для меня она девушка. В тусклом свете мы недоуменно смотрим друг на друга. Потом она вскрикивает и бросается наутек.

Я бегу следом.

Склон переходит в долину, поросшую густым лесом. Девушка с криком скрывается в чаще, я устремляюсь за ней.

Лес кленовый, но местами попадает белая акация и орешник. На первых порах я не различал названий, но постепенно они всплывают в памяти.

Я преследую беглянку, но не могу поймать. Уже в тысячный раз. Мы добегает до ручья, она перебирается на другой берег и исчезает. Пытаюсь продолжить погоню, но меня словно удерживает невидимая преграда. Силы почти на исходе, их хватает только на то, чтобы добраться до пещеры. Валюсь на каменный пол и засыпаю.

И так каждый раз.

—

Сегодня, едва оказавшись с ней нос к носу, я пробую схватить беглянку, но та успевает отпрянуть. У нее привлекательная внешность, голубые глаза, высокие скулы, изящный овал лица, красиво очерченный рот. Светлые волосы уложены в классическое каре. Из одежды – короткое бледно-голубое платье, фасон которого никогда не меняется, только цвет: бывает бледно-зеленый, бывает бледно-желтый. Тонкая материя просвечивает насквозь. Но меня не волнует ее тело. Я преследую ее, чтобы убить.

Отпрянув, она с криком устремляется вниз. Я снова бросаюсь вдогонку. Почти настигаю, чувствую ее запах – смесь пота и духов. Но это не пробуждает во мне желания. Какого? Не знаю. Знаю только, что должен убить.

Она вбегает в лес. Волосы развеваются за спиной. Я протягиваю руку, кончиками пальцев касаюсь прядей, но ухватить не могу – слишком далеко. Мы углубляемся в чашу. Безжизненную, мертвую. Вокруг, кроме нас, ни души. «А кому еще здесь быть?» – спрашиваю себя. В голове вспыхивают слова: птицы, насекомые, звери. Но вокруг никого. Лес мертв.

Ну и пусть. Я прибавляю скорости. Ручей совсем рядом. Надо подналечь. Но тщетно. Девушка исчезает на том берегу. Хочу последовать за ней, но мешает невидимая преграда.

Я устал, деревья вихрем кружатся перед глазами. Пошатываясь, бреду назад. На четвереньках вползаю в пещеру, стараюсь не уснуть. Но сопротивляюсь недолго. Потом стены смыкаются, начинают кружиться, как в лесном хороводе, и последние проблески сознания гаснут.

Днем, после бесплодной погони, держусь рекордное время без сна. День – новое слово в моем лексиконе, хотя и малоприменимое к периодам бодрствования. День ассоции-

руется с ясным солнечным небом, полями, лесами и домиками у подножия холма. Однако над долиной никогда нет солнца, небо всегда серое. Кругом – ни полей, ни домиков. Мой крохотный, неведомый мирок остается неизменным от пробуждения к пробуждению. Но ничего другого, кроме как «день», на ум не приходит.

Я все еще борюсь со сном, как вдруг понимаю, что хорошо знаю жертву. Но не помню ни имени, ни причины, по которой хочу ее убить.

У ручья она вновь исчезает. Я топчусь у кромки воды и внезапно замечаю на другом берегу человека. Худощавого, в красной «ковбойке», песочных брюках и черных сапогах, с непокрытой головой. У него русые волосы, как и у меня. Лицо странно знакомое, тысячу раз видел.

Мы молча глядим друг на друга. Наконец меня осеняет: я словно смотрю в зеркало. Тот человек – я.

Снова погоня. Снова девушка исчезает, едва перебравшись через ручей. Прямо как Алиса в Зазеркалье. Начинаю припоминать.

Снова вижу другого себя.

И понимаю: моя долина – лишь часть целого.

Далеко ли она простирается? Что сокрыто по другую сторону холма?

На обратном пути я миную пещеру и карабкаюсь выше. Но вдруг осознаю, что лезу не вверх, а вниз. Взгляд натывается на другую пещеру. Присматриваюсь. Никакая она не другая, она моя. С трудом успеваю забраться внутрь и тут же проваливаюсь в сон.

Периоды бодрствования происходят каждый день. Но как знать? Этого не проверишь. Мои пробуждения случаются

по воле беглянки. Она одна способна вернуть меня к жизни. Интересно, зачем. Ей давно известно, кто обитает в пещере. Зачем тогда лезть на склон? Всякий раз мое появление повергает ее в ужас. Или она напрочь забывает об опасности? Выходит, что так, иначе не совалась бы.

Периоды бодрствования с каждым днем становятся продолжительней. Пытаюсь выбраться из долины. Сегодня, после погони, я не иду обратно, а сворачиваю вправо и упорно шагаю вперед. Все дальше и дальше, пока не оказываюсь в знакомой местности. Впереди виднеется склон. Сквозь ветви проглядывает провал пещеры.

Поспешно карабкаюсь вверх. Пещера подозрительно знакомая. Забираюсь внутрь. Да, пещера та же. Из темных глубин на меня накатывает сон.

Я больше не пытаюсь менять маршрут, поскольку все равно возвращаюсь в исходную точку. На ум приходят странные слова: «лента Мебиуса». Иначе говоря, замкнутое пространство. Долина равносильна замкнутому пространству, своего рода трехмерная лента Мебиуса. Замкнутый круг, из которого не вырваться. И только у беглянки есть ключ.

В памяти всплывает воспоминание о еде. Люди едят, чтобы выжить. Я человек. Почему меня не грызет голод? Не мучает жажда? Без воды человек не может жить. Почему я не чувствую ни холода, ни зноя?

Наконец я вспомнил свое имя. Вспомнил, пока гнался за девушкой в лесу. Меня зовут Чарльз Уишман.

Следом всплывает цепочка других имен. Джон Ренч. Карл Юнг. Иммануил Кант. Пол Кюран. Дженис Роулин. Шерил Уишман... Шерил – так, кажется, зовут девушку?

У нее моя фамилия. Значит... она моя жена?

Концентрируюсь на слове «жена». Постепенно осознаю его смысл. Осознав, теряюсь в догадках. Если Шерил Уишман моя жена, то зачем мне ее убивать?

Сегодня, преисполненный решимости поймать жертву, я сбиваю ее с ног и держу мертвой хваткой. Однако ей удастся высвободиться. Голая ступня ударяет мне в горло. Но я не чувствую боли.

Она вскакивает, оборачивается. Лицо искажено гримасой страха, но я различаю знакомые черты и понимаю, что девушка и впрямь когда-то была моей женой. Была? Почему была, а не является? И главное, ради чего мне убивать свою жену? Ответ приходит внезапно: потому что она убила меня.

Нет, не поэтому. Да, она убила меня, хотя не могу вспомнить, как и почему. Я хочу убить ее по другой причине: потому что она думает, что я этого хочу.

Я тоже вскакиваю и бросаюсь в погоню. Но Шерил уже добирается до ручья и исчезает на той стороне.

Я размышляю, сидя на каменном полу. Периоды бодрствования длятся все дольше.

Почему меня убила собственная жена?

Почему я не умер?

В голове возникает новое слово – эндоаналитик.

Это слово – ключ к моим разрозненным воспоминаниям.

Я был эндоаналитиком. Изучал кюранизм в университете психологии Джона Ренча. Потом открыл частную практику на Бич-стрит, в пригороде Форествью. Купил дом высоко на отшибе и поселился там с Шерил.

У нас была масса друзей. Мы часто приглашали гостей и сами ходили в гости. Практика приносила солидный

доход. Когда наступал сезон, мы с Шерил отправлялись на охоту.

Но, хоть убей, не помню, что такое кюранизм.

Сегодня девушка... нет, буду звать ее по имени... сегодня Шерил упала на спуске. Но увернулась, когда я попытался наброситься сверху. Кубарем качусь со склона. Она обгоняет меня, я мчусь следом с криком: «Убийца!». Как будто она вложила мне в голову этот крик.

Вспомнил! Кюранизм – это теория Пола Кюрана о природе сна.

Сна и яви.

Нет, не теория.

Кюран доказал ее много лет назад, но сторонники Фрейда категорически отвергали его концепцию. Старались поднять Кюрана на смех. Но не преуспели.

На рубеже веков Кюран объединил свойства трансцендентальной эстетики Канта с коллективным бессознательным Юнга и выработал понятия темной и светлой зоны. Светлая зона символизирует наше восприятие реальности. Темная – область снов. В сумме они дают кантовскую вещь в себе и не подвластны ни времени, ни, вопреки названию, пространству. Пространством и временем их наделяет наблюдатель.

Свои изыскания Кюран сосредоточил на темной зоне. Созданный им препарат под названием кюраниум позволял проникать в грезы пациентов. Ученый занимался навязчивыми сновидениями, избавлял от них, меняя и корректируя природу снов. Он провозгласил себя эндоаналитиком, а Джон Ренч, его главный последователь, учредил в Катскилле университет эндопсихологии.

Я проникал в тысячи сновидений.

Навязчивого характера.

Опытный эндоаналитик брезгует обычными снами. Даже кошмары не несут в себе ощутимой угрозы. Другое дело навязчивые сны.

Мои пациенты страдали навязчивыми сновидениями. Я проникал в них и излечивал людей. Не понаслышке знаю о темной зоне. С точки зрения архетипов Юнга это весьма многогранное явление, но для практикующего эндоаналитика темная зона – не более чем проекция субъекта сна, берущая начало в его сознании. Два «уровня» реальности, вещи в себе, разделены условным барьером. Просыпаясь, субъект сна преодолевает барьер. А объект неизменно остается по ту сторону.

Я снова в темной зоне. Но уже не в качестве эндоаналитика. Я – объект сна.

В сознании Шерил темная зона воплотилась в замкнутый лес и бескрайний спуск. Ручей стал барьером.

Она убила меня, а теперь грезит, будто я поджидаю ее в пещере, чтобы убить из мести. Во сне она каждый раз забывает об угрозе и карабкается на склон.

Почему она убила меня?

Как?

Не могу вспомнить. Стены пещеры смыкаются. Провал темнеет. Проблески сознания гаснут, но в последний момент меня молнией пронзает страх.

Если Шерил избавится от навязчивого сна, я погибну!

В тот день мы охотились. Начинаю припоминать.

Шерил недавно скрылась за барьером-ручьем. Я сижу на каменном полу пещеры.

Да, в тот день мы отправились на охоту.

Вдвоем.

Дальше все как в тумане.

Упорно возвращаюсь к событиям до убийства. Я – практикующий эндоаналитик, работаю с навязчивыми сновидениями пациентов у себя в кабинете на Бич-стрит. Мое благосостояние растет с каждой секундой. В профессиональных кругах считают, что у меня заоблачные цены. Не спорю. Но если перестать грабить пациентов, обесценишься в их глазах. В конце концов, мои услуги того стоят.

Пять лет я убил на изучение природы снов. Одного юраниума недостаточно, чтобы вторгаться в чужие сновидения. Сны всегда разные, нужно заранее выяснить, с чем столкнешься, придумать способ преодолеть или изменить навязчивый сон, купировать чувство тревоги.

Чего только не насмотришься!

Женщина идет по улице, замечает отряд детей и хочет их пропустить. Все дети вооружены копьями. На полпути вожатый командует «Стой!». Отряд останавливается. «Налево», командует вожатый, и дети поворачиваются к женщине. Все девочки – в розовой униформе, все мальчики – в голубой. У каждого на шее – массивный золотой крест на золотой цепочке. Солнце скрыто за тучами, но кресты сияют и переливаются. «В фалангу стройсь!». Вторая, четвертая и шестая колонны смещаются вправо. «Сомкнуть ряды, оружие к бою. Вперед!» – приказывает вожатый. Фаланга приближается, острия копий сверкают на невидимом свете. Женщина в ужасе пятится, но натывается на стену. Хочет убежать, но дети преграждают путь.

Я стою неподалеку и знаю, что это за дети – это те, кого она могла бы родить, если бы не пренебрегала церковью и не злоупотребляла противозачаточными пиллюлями. Знаю, что она проснется до того, как ее атакуют, но моя цель – изгнать этот сон, полностью и навсегда. Я вытаскиваю ремень, подхожу к женщине, опускаюсь на одно колено, перекидываю женщину через другое. Задираю платье, спус-

каю трусики и начинаю хлестать ремнем по голым ягодцам. Она кричит от боли. Фаланга замирает, дети опускают копья и начинают хохотать. Сон обрывается. Навсегда.

Юноша карабкается на скалу. Он не скалолаз и напуган до чертиков. Внезапно он зависает между небом и землей, не в силах отыскать опору. Ситуация накаляется, еще немного – и юноша сорвется. Сон сменится явью. В ходе терапии я выяснил, что скала воплощает медицинский университет, где юноша учится, но ему явно не хватает навыков, чтобы стать врачом. Он не может подняться выше, потому что не хочет. И должен признаться себе в этом.

В навязчивом сне я помещаю себя на вершину утеса, сбрасываю юноше канат и кричу: «Давай вправо, там есть уступ». Юноша хватается веревку, отталкивается и, качнувшись, замечает уступ. Большой, надежный, от него идет вверх широкая расселина. Юноша не просыпается и карабкается по ней. Подъем дается настолько легко, что неудачливый альпинист понимает – нельзя цепляться за старый маршрут, нужно выбирать новый, даже если он ведет на другую вершину. Добравшись туда, он зачарованно глядит вниз и забывает свои невзгоды.

Чего только не насмотришься!

Я часто посещал сны Шерил. Сначала меня влекло любопытство. Я принимал кюраниум, ложился в постель и проникал в сознание спящей жены. Ее сны не отличались оригинальностью и быстро мне наскучили. Но еще раньше наскучила она сама. Ее наивность не была напускной, и это раздражало. Своей недалекостью Шерил оскорбляла мой интеллект. Заставляла краснеть перед друзьями: говорила невпопад, смеялась, не дослушав шутку, и молчала, когда смеялись все.

Потом я встретил Дженис Роулин. В пациентах у меня ходили только богатые — другим мои услуги не по карману. Но Дженис была не просто богата, а богата до неприличия. Ее родители владели замком на реке Гудзон. Пациентки всегда влюблялись в меня, и Дженис не стала исключением. Единственный ребенок и будущая наследница несметного состояния, она была Женщиной с большой буквы. Утонченная, образованная, умная. Словом, прямая противоположность Шерил. Я мечтал жениться на Дженис, но Шерил с ее старомодными взглядами никогда не дала бы развода. А скандал мог пустить мою карьеру под откос.

Для убийства у эндоаналитика есть два совершенно популярных метода. Действовать снаружи или изнутри.

Шерил часто снилась вода. Как будто она стоит на берегу моря, а на нее надвигается огромная волна. Она поворачивается и бежит. Я повадился ставить ей подножку, усугубляя агонию. Шерил падает, переворачивается на спину, видит волну и кричит. Меня она тоже видит, но я внушил, что это всего лишь плод ее воображения. Она встает, с криком бросается наутек и просыпается за мгновение до развязки. Потом долго лежит в темноте и плачет.

Другой сон, преследовавший ее с детства, под категорию навязчивых не попадал, поскольку не приносил вреда. Наоборот, помогал. Пока в нем не появился я.

Ей снится плюшевый мишка. Шерил девять лет, она заходит в детскую, обклеенную обоями с изображением игрушек, песочниц и качелей, и принимается искать медвежонка. Но не находит, пугается. В панике ищет его повсюду. Под кроватью, под комодом, в шкафу, за занавесками, и в конечном итоге находит любимца под подушкой. Долго обнимает, укладывается вместе с ним в кровать, засыпает, и просыпается уже в нашей постели. Наутро у нее прекрасное настроение, одеваясь, она мурлычет веселый мотивчик.

На первых порах я держался в тени. Но однажды вторгся в детскую, выхватил у Шерил медвежонка и оторвал ему глаза. Потом вернул рыдающей хозяйке. Громко всхлипывая, она забралась с ним в постель, и проснулась рядом со мной вся в слезах.

Трюк с глазами я проделывал несколько снов подряд, потом сменил тактику. Отбирал медвежонка, брал его за задние лапы и с размаху бил головой об стену. От такого зрелища Шерил каждый раз просыпалась в холодном поту. Сон повторялся изо дня в день. Я перевоплощался в старика со скрюченным носом и маленькими злыми глазками, дабы сойти за очередной плод фантазии. Не хотел проколоться, как с «побережем».

После кошмаров с медвежонком она просыпалась измученная, с опухшим от слез лицом. На завтрак пила только кофе. Со временем у нее пропал аппетит. Шерил худела и все больше замыкалась в себе. Казалось, еще немного – и она наложит на себя руки. Но вышло иначе. Она убила меня.

Похоже, я проспал целую вечность, прежде чем Шерил вновь приснилась пещера. Но наверняка не скажешь. Она карабкается на склон, замечает меня и с криком устремляется в лес. Я мчусь следом, хотя понимаю, что никогда не настигну беглянку. Она внушила мне инстинкт погони, противостоять которому невозможно.

Если промежуток между снами и впрямь растет, значит, Шерил излечивается. Однако меня гложут сомнения: во-первых, не ощущается присутствие эндоаналитика, а главное, она никогда не обратилась бы за квалифицированной помощью, ведь любой врач – эндо или экто – будет искать причину, и Шерил придется сознаться в убийстве. Правда, навязчивые сны могут исчезать сами по себе, если тревога притупляется. В таком случае меня ждет верная смерть.

Разумеется, я давно мертв, но — в реальном времени, а здесь, в безвременности вещи в себе, застрял на границе между жизнью и смертью. Кюран предполагал, что при повышенной частотности навязчивых снов их объект способен существовать и мыслить независимо от субъекта. Я — наглядное тому подтверждение.

Как меня убили?

Рассудок затуманивается. Период бодрствования затянулся, но совсем не спать в промежутках между видениями Шерил не получается. Меня отчаянно клонит в сон. Сопро­тивляюсь изо всех сил, но без толку. Сознание гаснет.

В тот день мы охотились. Да, верно: мы с Шерил охотились на оленя, вооруженные мелкокалиберными дробовиками. Закон по-прежнему запрещает ходить на оленя с винтовкой.

Было начало зимы. Точнее, конец ноября. Отчетливо вспоминаю это, вернувшись после очередной бессмысленной погони. И так, конец ноября. Погода солнечная, повсюду лежит снег — идеальный день для охоты.

Мы идем по следам на снегу. Доходим до опушки. Чувствуем, олень где-то рядом. Замираем у кромки. Внезапно из леса появляется крупный самец. Мы вскидываем дробовики. Мой заряд попадает зверю в горло, но не убивает. Шерил стоит не шелохнувшись. Второй залп попадает оленю в голову и приканчивает на месте. У Шерил изо рта вырывается пар. Вижу собственное дыхание. Шерил не опускает дробовик.

— Проверь, вдруг он жив, — говорит она.

— И проверять нечего, — ворчу я, но все же иду к добыче.

Первый заряд бьет мне в плечо. Разворачиваюсь, кулем оседаю на снег и натываюсь на ее мертвый, невидящий взгляд.

— Нет, — затравленно шепчу я.

Шерил чуть вздрагивает. Дальше – ослепительная белизна. Провал.

Слава богу, я ей снова приснился!

С последнего раза прошло много времени. Нутром ощущаю длинные дни, недели. Я должен любой ценой выбраться из сна. Должен!

Может ли объект сна видеть сны? Есть ли шанс предстать во сне самим собой и вернуться в реальность?

До сих пор мне не снилось ничего. А вдруг?

Надо попытаться, иначе отсюда не выбраться.

Если удастся воплотить себя настоящего, наверняка сумею избежать смерти в светлой зоне. Просто не повернусь к Шерил спиной и не выйду на опушку.

В идеале, нужно воспроизвести момент встречи с оленем. Потом я дважды выстрелю, но останусь стоять. Шерил рядом, с дробовиком на плече. Скажу: «Проверь, вдруг он жив». Она отвернется и получит заряд картечи в затылок.

Несчастный случай на охоте. Сработало с ней, сработает и со мной.

Сосредотачиваюсь и пытаюсь заснуть. Мысленно представляю опушку. Представляю, как из-за деревьев появляется самец. Представляю Шерил, стоящую рядом. Нас двое. Опушка. Олень.

Свершилось! Замечаю деревья!

Пока не видно ни Шерил, ни опушки, но это только начало.

Она не грезила обо мне слишком долго. Сознанием ощущаю неприятную скованность. Главное, мне снились деревья. Толстый ковер из листьев на земле. Я почти у цели! Собираюсь с силами и погружаюсь в сон. Мы с Шерил на опушке. Вот-вот появится олень. Решающий миг настал!

Землю покрывает толстый ковер из листьев. Глубоко увязаю в жухлой листве. Кругом высятся деревья. Бросаю взгляд влево. Шерил нет. Только лес.

Впереди поляна. Нет, что-то не так. Я должен стоять с краю, с женой. Озираюсь по сторонам, причем не поворачивая головы. Странно. Втягиваю носом воздух и пробираюсь на опушку. Наконец замечаю Шерил... и себя. Мой же дробовик держит меня на прицеле. Пытаюсь крикнуть «нет!», но не могу выдать ни звука. Тишину нарушает выстрел. В горле вспыхивает мучительная боль. Я падаю. Дуло дробовика по-прежнему смотрит на меня. Снова пытаюсь закричать, но голоса нет. Перед смертью вдруг понимаю, что отсек от себя темную зону, но не одну, а вместе со светлой.

КУКЛЫ НА НИТКАХ

Едва Хокинс заметил флотилию кусов, как угодил в межпространственный разлом (по крайней мере, так подсказало чутье), и в следующий миг его разведывательный челнок самопроизвольно приземлился на песчаную поверхность странного мира, озаряемого подобием земного солнца.

Мелькнула шальная мысль, будто разлом – это вражеские происки. А хотя нет. Кусам, при всей их технологической мощи, управлять пространством пока еще не под силу...

Хокинс прятался недалеко от противника, который дрейфовал на марсианской орбите, готовясь к налету на Землю. Благодаря отражающим экранам вражеская флотилия была невидима для радаров, попадая разве что в окуляры телескопов, да и то на относительно небольшой дистанции. Полгода назад судно, снабжавшее припасами колонию Н на звезде Бернарда, засебло кусов на входе в Солнечную систему и даже сумело сделать кое-какие мутные снимки. С тех пор за маршрутом чужаков неустанно следил специальный беспилотник. Разведчелнок стал первым, посланным земными ВМС. Хокинсу поручили наблюдать за флотилией противника и немедленно доложить на земной флагман, как только та выдвинется к Земле...

Хокинс попробовал запустить стартовый двигатель, чтобы поискать межпространственный разлом и вернуться на просторы космоса. Но рычаг запуска разломался у него в

руках. Хокинс не поверил своим глазам. Сталь стала хрупкой, как пластмасса.

Позабыв, что, возможно, он – в тысяче световых лет от Солнечной системы, Хокинс схватился за рацию, но обнаружил, что держит ее пластмассовый аналог.

Приборная панель претерпела те же метаморфозы.

Он стукнул по ней кулаком – звук получился глухой и гулкий, как от пустой бочки.

Постучал по переборке, по палубе – то же самое.

Надо ли понимать, что теперь весь челнок сделан из пластмассы?

На месте обзорного экрана зияло окно. А за ним – песок, песок, песок.

Как человек здравомыслящий, Хокинс попытался найти этому логическое объяснение.

Не так давно доктор с Земли выписал ему новое лекарство от болезни Аддисона. У лекарств часто бывают побочные эффекты, и новый препарат, видимо, не стал исключением. Прием таблеток вызвал галлюцинации.

У Хокинса отлегло от сердца. Уж лучше пусть разлом и пластмассовый челнок ему мерещатся, нежели существуют в реальности. В любой момент иллюзия развеется, и он окажется на борту своего надежного судна.

Надо только дождаться. Однако этот момент никак не наступал.

Ничего, еще наступит. А пока можно присмотреться к диковинному миру.

Хокинс шагнул в переходной шлюз и плотно прикрыл за собой дверь. Потянулся к скафандру – тот на вид остался нетронутым, – как вдруг заметил, что внешняя дверь стоит нараспашку, и понял, что легкие наполнены чужеродным воздухом, который, к слову, ничем не отличался от обычного.

Толкнув дверцу, Хокинс спустился по трапу на грунт. Гравитация была в точности как на родной планете, о чем он смутно догадывался с самого начала. Песок слепяще отблескивал на солнце, но глаза быстро привыкли к яркому свету. Корабль стоял в огромной песчаной впадине. Вокруг – ни намека на растительность. Похоже, здесь никогда ничего не росло.

Признаков разумной жизни тоже не было. Хотя кто знает. Хокинс машинально нащупал в набедренной кобуре ионный пистолет, но не успел перевести дух, как в голове мелькнуло: а вдруг оружие тоже превратилось в пластмассу? При ближайшем рассмотрении выяснилось, что нет.

Увязая в песке, он вскарабкался на ближайший склон. Судя по отсутствию тени, солнце стояло прямо над головой. Лучи приятно грели, не обжигая.

С вершины открылась новая впадина, неотличимая предыдущей. Вдали вырисовывалась крохотная гора причудливой формы. Отвесные скалы зубцами вырастали из основания приземистых, остроконечных холмов. Внезапно поднялся ветер. Порывистый, словно выдуваемый кузнечными мехами из горных недр.

Слева поблескивало озерцо, справа высилась крутая насыпь.

Нет смысла гадать, куда его занесло. Даже если планета и существует, то наверняка где-нибудь по ту сторону галактики.

В момент посадки Хокинс не заметил ничего, кроме бескрайней пустыни (озеро, и то проглядел), но, судя по всему, где-то здесь должна была быть растительность, иначе откуда взяться кислороду.

Он спустился, пересек впадину и стал взбираться на другой склон. Подъем давался с трудом, ноги по щиколотку вязли в песке. Вопреки опасениям, за холмом оказалась не

впадина, а небольшая песчаная равнина. В ее центре широким кругом, словно паря в пространстве, застыла флотилия кусов.

Хокинс упал плашмя и отполз назад, дабы не попасться врагу на глаза, и только потом присмотрелся к кораблям. Все двенадцать стояли неподвижно, почти вплотную, как будто и не сходили с орбиты.

Либо угодили в тот же самый разлом.

«Предположим, только предположим, что все это не галлюцинации, — подумал Хокинс. — Интересно, засекли они его или нет? Снаружи кораблей — никакой подозрительной активности, но кто знает, что происходит внутри. Флотилия всего в полукилометре от его укрытия».

Купол смотрового мостика поблескивал на солнце. Кусы вполне могли заметить лазутчика. Того и гляди, направят на него бортовые орудия. Хокинс подобрался, готовый в любой момент кубарем скатиться по склону. Глупо, конечно, — раса, способная строить межпланетные суда, наверняка создала мощные ракеты, которые разнесут человека в клочья вместе с холмом.

Однако страха почему-то не было. Мгновение спустя он понял почему. Солнце, озарявшее смотровой купол, тускло отражалось от обшивки. Смутная догадка оказалась верна — флотилия кусов претерпела те же метаморфозы, что и его челнок.

Из пластмассовых орудий никого не убьешь!

А вдруг... вдруг и земной флот постигла та же участь? По логике вряд ли. Челнок и вражеская флотилия уже сами по себе чересчур. Но разве в происходящем есть хоть капля логики?

Приземляясь, Хокинс никаких землян не заметил... как, впрочем, и кусов.

Исходя из координат обоих флотов в космосе относительно челнока и допуская, что земляне тоже угодили в разлом, их следовало искать в противоположной стороне. Добраться наверняка получится на своих двоих, учитывая схлопнувшиеся масштабы.

Хокинс решил все выяснить.

Томимый голодом и жаждой, он поднялся по трапу челнока в крохотную кухоньку и почти не удивился, обнаружив, что еда превратилась в пластмассу, а вода испарилась. Впервые после приземления Хокинс испугался по-настоящему. Не помогла даже мысль, что все это – результат побочного действия лекарства.

По натуре Хокинс был не из пугливых. В космические ВМС записался на спор и дослужился до капитана третьего ранга. Успел, пока не настигла болезнь Аддисона, дважды удостоиться награды за отвагу.

Раньше он трудился пилотом, перевозил пассажиров с Луны на Землю. В каждом пункте имел по любовнице. Будь Хокинс гражданским на момент, когда судно-снабженец прислало пресловутые снимки, пошел бы во флот добровольцем. Мир захлестнула волна патриотизма, затронувшая не отдельные расы, а все человечество.

Наивные мечтания о благородных пришельцах улетучились, когда кусы через переводчик радировали на Землю: сдавайтесь или готовьтесь к тотальному уничтожению.

Лучшие силы были брошены на создание нового оружия, однако в легкую победу никто не верил: хотя новейшая ядерная пушка, установленная на земных кораблях, явно превосходила военную мощь противника, кусы, как знаменитый ковбой из фильма, в придачу к двум револьверам на поясе наверняка прятали дерринджер в рукаве...

Земной флот обнаружился на песчаной равнине в трех километрах от впадины, куда приземлился челнок. Ранее флот базировался на орбите Земли, и здесь он расположился на тот же манер. Четырнадцать кораблей застыли кругом, словно продолжали парить в космосе.

Солнце уже миновало зенит, золотя пластмассовую обшивку с пластмассовыми орудиями. Купол над смотровым мостиком почти не отличался от вражеского и ярко блестел на свету.

Вокруг ни души — похоже, земляне и не думали покидать свои суда. Но со смотрового мостика его наверняка видели. Размахивая руками, Хокинс поспешил вниз по склону, ничуть не боясь, что его примут за куса — рентгеновские камеры на беспилотнике выявили сходство врага с аллигаторами.

Внешний люк флагмана был распахнут. Его заметили! Предупредительно открыли проход. Хокинс взошел по трапу в шлюз и тут нахмурился — внутренняя дверь оказалась заперта. За дверью открылся пустынный коридор. Озадаченный, что никто не вышел навстречу, Хокинс добрался до мостика, взбежал по ступенькам...

Под смотровым куполом несколько офицеров на первый взгляд вели оживленную беседу. Но в мертвой тишине не раздавалось ни звука. Отыскав взглядом адмирала, Хокинс ринулся к нему, отдал честь. Но адмирал не шелохнулся. Его спутники тоже.

— Сэр, — выпалил Хокинс, — мой корабль, как и ваш, угодил в разлом и претерпел изменения. У кусов та же ситуация. Что происходит, сэр?

Адмирал и бровью не повел. Хокинс никогда прежде с ним не общался, видел только издалека. Это был высокий, сдержанный человек, ветеран двух войн. С каскадом на-

градных лент на груди, в остро отутюженных брюках и безукоризненном небесно-голубом кителе. Лицо — смесь славянина с протестантом: безучастное, но суровое. Глаза цвета голубого китайского фарфора.

Хокинс легонько ткнул адмирала в грудь, и тот как стоял так и рухнул.

Следом повалились его товарищи.

Можно обойти корабль сверху донизу, но найдешь только кукол в натуральную величину. Та же история и на других тринадцати суднах.

Флотилия кусов — не исключение.

Тогда почему эта участь миновала его?

Нет, вопрос неверный. Правильней спросить, почему это случилось вообще? Почему два флота и челнок уподобились гигантским игрушкам?

Выбравшись из корабля, Хокинс направился к отдаленной насыпи, чтобы оттуда оглядеть окрестности. С каждым шагом повторял про себя как молитву: если это все — иллюзия, вызванное лекарством помутнение, то пусть оно поскорее закончится.

Он проходил впадину за впадиной, взбирался на склоны, огибал песчаные холмы. Последний склон буквально утонул в песке. Сопровождаемый собственной тенью, Хокинс карабкался вверх.

Насыпь оказалась на удивление гладкой. Протянув руку, он коснулся ровной поверхности и ощутил под пальцами структуру дерева. На этом сюрпризы не закончились: таинственная возвышенность поднималась из песка вертикально, как стена.

Приподнявшись, Хокинс ухватился за край стены, подтянулся и забрался на нее. Выпрямившись, обнаружил, что

стоит на деревянной полосе метра три шириной. Полоса уходила вправо и влево насколько хватало глаз. Позади простиралась пустыня. Далеко, у самого горизонта, угадывалась другая такая же полоса. В мареве дрожали очертания флотилий, крохотной точкой темнел челнок, рядом поблескивало уже знакомое озеро.

Хокинс развернулся и остолбенел. Деревянная стена головокругжительно ниспадала к бескрайней зеленой равнине. Вдалеке виднелись деревья – высокие, выше даже самой стены, а за ними – гигантская постройка, занимающая не один квадратный километр.

Подул легкий приятный ветерок – не чета вихрю из горнила горы. В воздухе разливались ароматы травы и полевых цветов.

Чуть поодаль слева виднелся уклон, ведущий к равнине. Зачем останавливаться на достигнутом? Какой смысл возвращаться на корабль? Спуститься вниз и дойти до таинственной постройки выглядело заманчиво. Наверняка там обитают разумные существа. Если не приставят нож к горлу, может растолкуют, что к чему.

Хокинс зашагал к склону. В глаза бросилось, что тот сложен из груды разнообразных предметов – правда, из каких, разглядеть не удалось. Прямо как в детстве – прыгай с одного выступа на другой, и вскоре очутишься внизу.

Однако все веселье мигом закончилось, едва он подошел к склону. При виде верхнего предмета кровь в жилах обратилась в лед.

Пластмассовый Чингисхан лежал на боку вместе с лошастью, на которой сидел. Рядом вверх тормашками на боевом скакуне торчал пластмассовый Теодор Рузвельт. Между двумя бравыми воинами раскинул крылья пластмассовый

МиГ-15. Пластмассовые Клеопатра и Антоний сплелись в жарком объятии меж Уильямом Брайаном и пластмассовым кадиллаком. Из груды манекенов гротескно выпирала корма нефтяного танкера. На боку распростерся пластмассовый индеец, вооруженный пластмассовым томагавком. Рядом — очередной Папа Римский. Чуть ниже виднелся шумер с отломанной ногой.

Люди и вещи, вещи и люди. Все — из того же зыбкого материала, что и челнок. Брошенные за ненадобностью, как старые куклы.

Детали единого набора.

Внезапно огромная гора шевельнулась. Устрашающий вихрь завыл громче.

Да, гора двигалась. Становилась все выше. Уже различались деревца на ее вершине. Исполинские ноги несли гору вперед. Нижние уступы выпрямились и превратились в руки.

В памяти всплыли строки из Хайяма:

Кто мы? Куклы на нитках, а кукольник наш — небосвод.
Он в большом балагане своем представленье ведет.
Нас теперь на ковре бытия поиграть он заставит,
А потом в свой сундук одного за другим уберет.¹

Изначально игра называлась «Шумер». Потом она разрослась до размеров Земли.

А теперь охватила космос.

Хокинс рванул прочь. Обратно к краю стены, вниз, и по песчаным дюнам.

В голове молоточками стучал единственный вопрос: как ему удалось оборвать нити и выпасть из Великой иллюзии?

¹ Перевод В. Державина.

Предмет, не предмет – неважно. Главное, он – марионетка, как и все человечество.

Конкретно ему положено находиться в челноке, бороздить просторы космоса.

За спиной громыхали исполинские шаги. Необъятная рука черной тучей закрыла небо.

Хокинс бежал изо всех сил. Бежал к челноку. Зачем, спрашивал он себя, зачем бежать на корабль? В пластмассовой игрушке далеко не улетишь.

Впрочем, ответ очевиден. Его место там, на борту.

Небосвод заслонила туча поменьше. Ладонь. Представьте: божественное дитя придумало новую игру. Сначала пускает кораблики в луже – воплощении Семи Морей. Потом направляет суда в космос. Утомившись, дитя засыпает, тем временем оживает одна из игрушек. Как поступит малыш?

Например, Хокинс на его месте разломал бы фигурку в поисках заводного механизма или в порыве ярости прихлопнул бы как муху.

Даже не глядя, он чувал – гигантская рука совсем близко. До корабля оставались считанные шаги. Взлетев по трапу в шлюз, Хокинс хлопнул дверью – звонко лязгнул автоматический замок. Переборки, как и прежде, отливали металлом.

Хокинс метнулся в кабину управления. На обзорном экране вместо песка теперь темнел космос.

Баночка с лекарством полетела в мусорку...

Итак, радиограмма о наступлении кусов отправлена. Пора возвращаться.

Последние полчаса – это был сущий кошмар, зато теперь наступила полная ясность.

История человечества – отнюдь не череда жестоких детских игр.

Никакой планеты богов не существует.

Разлом ему просто померещился.

Почувствовав усталость, Хокинс включил автопилот и побрел к койке. Прежде, чем лечь, снял ботинки. На пол высыпалась горстка песка.

ОСЕННИЙ ЛИСТ

Тот день он помнил, словно это было вчера, хотя с тех пор минуло уже несколько лет. Стояла середина осени, когда, кружась, опадают последние багряные листья. Вооружившись винтовкой, он забрался в ореховую чащу. Привалившись к сухому стволу пекана, пристроил винтовку на коленях — и стал ждать.

Недалеко в кроне застыла первая белка. Именно застыла — присела на лапки и замерла, будто творение художника, на фоне голых ветвей и молочно-голубого неба.

Он лениво вскинул винтовку, прицелился. Спешить некуда, времени навалом. Направив дуло точно промеж глаз, мягко спустил курок. Грянул выстрел. Маленькая тушка, кувыркаясь в воздухе, полетела вниз и приземлилась на кучу палой листвы.

Стрелок не удосужился встать и проверить добычу. Он всегда бил без промаха. Ведь стоит чуть сместить прицел, и жертва будет биться в конвульсиях, верещать — трать потом лишний патрон, чтобы оборвать мерзкую какофонию. Конечно, если звук не раздражает, патрон можно приберечь для следующей цели, но лучше стрелять сразу между глаз — тогда назойливый писк не распугает собратьев зверушки и лишний раз вставать не придется.

Первая готова.

Вторая по спирали метнулась вниз, периодически останавливаясь, чтобы оглядеться. Глазки-пуговки смотрят в упор, но не замечают, пока не шевельнешься. Пуля настигла ее, когда она была вниз головой, вошла прямо под ухом и отбросила рыжее тельце в заросли дикой ежевики.

Стрелок небрежно закурил и поудобней устроился под деревом. Ноябрь радовал погодой – тепло, самое время бродить по лесу, охотиться, стрелять вредителей и всякую мелочь, какими пренебрегаешь с наступлением сезона кроликов и фазанов; самое время оттачивать мастерство, чтобы потом в первый же день добыть красавца-оленья. Рыжие белки – чересчур легкая мишень, не по статусу истинному охотнику, но набить руку – самое то.

Стрелок зевнул и краем глаза заметил рыжий всполох на дереве справа. Не оборачиваясь, вскинул ствол на плечо; металл приятно охлаждал щеку. Выстрел грянул без малейшей отдачи, и маленькая тушка, кружась в хороводе смерти, с характерным звуком плюхнулась в сухую листву.

Третья готова.

Четвертая и пятая не заставили себя долго ждать.

После этого белки слегка наскучили. Захотелось разнообразия. Стрелок просунул дуло между сдвинутыми коленями и застыл в долгом ожидании.

Шестая спустилась на землю, в несколько прыжков очутилась на опушке и замерла – эдакая статуэтка с блестящими глазками. Идеальная мишень, но охотник не торопился, смакуя каждый миг.

Мгновение спустя белка преодолела еще пару метров, оказавшись почти на одной линии с дулом. Потом присела, выгнув пушистый хвост знаком вопроса. Сложила передние лапки и замерла, словно молилась. (Этот момент запомнился особенно ярко).

Шевелиться даже не пришлось. Чуть сместив ствол, пока прицел не уперся в воображаемую точку на лбу, охотник играючи спустил курок. Пуля снесла зверьку череп. Исполнив крутое сальто, бездыханное тельце распростерлось в листе.

Больше он не стрелял по деревьям. Куда интересней, когда добыча выберется на опушку и сядет прямо перед тобой. Навыка оно не прибавит, зато весело – отличный способ скоротать скучный осенний денек: дрова на зиму уже заготовлены, урожай собран, крыша сарая починена, отец уехал в город и не донимает мелкими, назойливыми поручениями.

Он настрелял одиннадцать белок, так ни разу и не промахнувшись. Теперь можно отнести их домой, похвалиться матери, прежде чем скормить бесполезные тушки псам.

Он размял затекшие ноги и с опаской глянул сквозь густую листву на охотника. Первоначальный страх слегка поухитился после осознания, что в кронах его не засекут – подобно ему, новоявленные охотники стреляли только по открытым мишеням.

На деревьях безопасно – по крайней мере, пока. Возможно, лучшего убежища и не сыскать. От сердца немного отлегло. Однако в душе еще теплилась толика животного страха, который поселился там после метеоритного дождя. Страх нагрянул в то утро, когда отец влетел в сарай с криком: «Города! Все города уничтожены! В мире больше нет городов. Сейчас передавали, пока радио не вырубилось. Нас захватили!»

Захватили? Кто? Первая мысль – русские. Нет, Россия тоже стерта с лица земли. Отец же сказал, все города во всем мире.

Внезапно на дороге появились люди. Насмерть перепуганные, они брели спотыкаясь в сторону холмов — холмов и лесов, куда не доберутся ни корабли, ни бомбы. Не доберется никто, кроме охотников. С невероятными серебряными винтовками, в невероятных агрегатах, они неслись по дорогам, ведущим к холмам и лесам, спешили на обочине и через поля ковыляли к лесополосе; выслеживали людей среди вязов, дубов, кленов, акаций и зарослей сумаха, выкуривали, точно кроликов, и градом пуль убивали на месте.

При виде первого агрегата он бросился наутек, в лес, забыв про папу и маму. Забыв про винтовку. Он испугался до умопомрачения.

Зачем они убивают людей? Чем им не угодили люди?

Он зябко поежился на холодном ветру — предвестнику грядущей зимы. Захватчики наверняка марсиане. Явились на Землю, чтобы все прибрать к рукам, а людей истребляют, чтобы не делиться. Алчные марсиане! Подавай им целый мир.

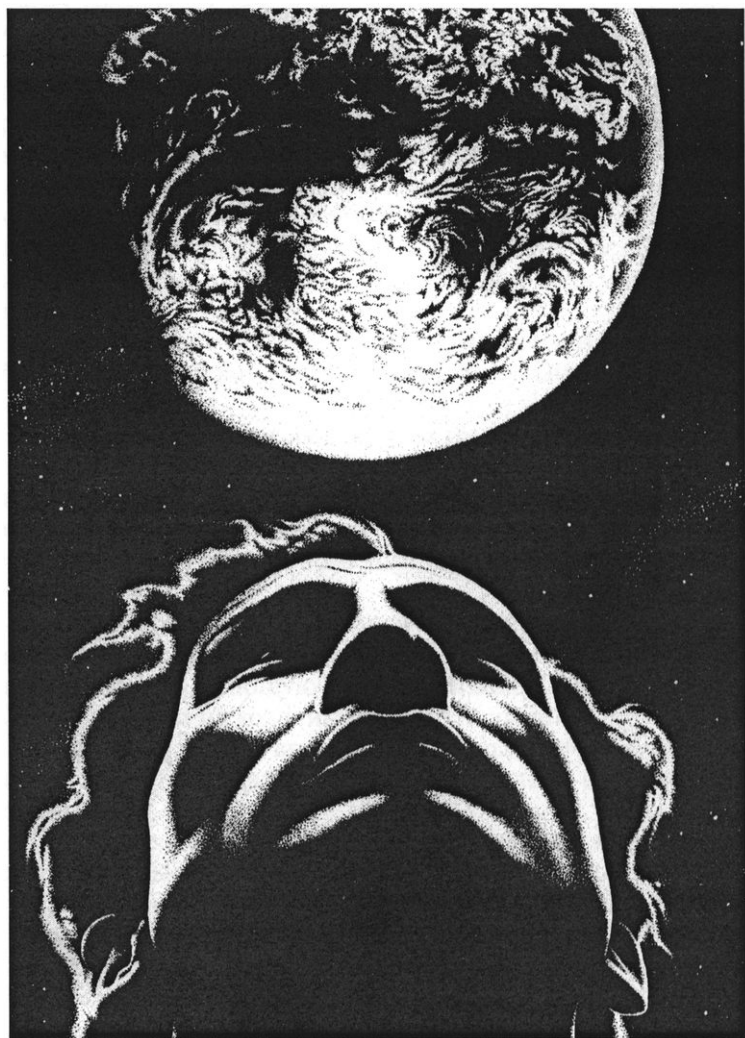
Силуэт внизу шевельнулся, и страх накатил новой волной. Охотник привалился к дереву, устроив на массивных щупальцах ног сияющую винтовку, и ждал. А что если спуститься и, упав на колени, молить о пощаде?

Нет, пустая трата времени. Холодные, нечеловеческие глаза не ведали жалости. В них читалась одна только смерть.

Единственная надежда — деревья. Деревья, с их густой листвой и высокими ветвями. На деревьях при известной сноровке можно прятаться вечно. Главное, быть начеку и не высовываться.

Он с опаской глянул вниз. Сквозь кроны проступали серые очертания громадного тела.

Внезапно с ветки сорвался первый тронутый морозом лист и на секунду застыл перед глазами, давая полюбоваться новым осенним окрасом.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ДОМОЙ

Я прилетел с Марса.

Да, с Марса, где целых десять лет помогал возводить герметичный комплекс для первой американской колонии.

Десять лет не по марсианским, а по земным меркам. Но даже земные годы могут тянуться очень долго.

Да, десять долгих лет.

Услышав такое, люди смотрят на меня как на чокнутого. Кто в здравом уме будет торчать на Марсе десять долгих лет? Ради чего?

Ответ прост – ради денег. И стажа. С таким послужным списком меня возьмут на госслужбу с распростертыми объятиями: стоит лишь заикнуться – и любая должность моя.

Итак, комплекс построен, и я вернулся на родную планету. Прочь от суровых марсианских ветров и унылых пейзажей, прочь от неумолимо растущего Олимпа, что высился напротив моей воздушной палатки.

Я вернулся на родину. В маленький городок, некогда воплощавший собой целый мир. Вернулся домой.

– Шикарно выглядишь, – жмет мне руку отец.

Мать обнимает и целует:

– Слава богу, ты дома.

– Ну, Нил, какие планы? – спрашивает дядя, не поленился приехать ради такого случая.

Я мотаю головой.

- Сначала отдохну.
- Еще бы! – подхватывает отец. – Десять лет горбатился на этом комплексе!
- Кстати, зачем его строят? – вклинивается мать.
- Там будут жить колонисты.
- Сумасшедшие, – фыркает дядя.
- Киваю:
- Наверное.

Лето. Любуюсь двором из окна своей спальни на втором этаже. После дождя трава изумрудно-зеленая с островками цветочных клумб. Похоже, отец недавно подстриг лужайку – та лежит ровным ковром, без единого сорняка. Двор окружен белым забором. Краска еще свежая.

Мое место здесь. В мелкобуржуазных окрестностях мелкобуржуазного городка. На Марсе мне часто снился родной город, дом и двор, моя комната под самой крышей. На предложение остаться и примкнуть к колонистам долго хохотал в ответ.

К черту Марс!

Снизу доносятся голоса родителей и дяди. К ним приешивается четвертый, смутно знакомый. Насыщенный и яркий, как полуденное солнце.

– Нил, к тебе гости, – зовет мама.

Спускаюсь в гостиную. Да, это Джуди. Джуди Дэлмс. Она подбегает ко мне, целует. Ее аромат обволакивает меня. Станным образом он запомнился больше всего. Больше золотисто-каштановых волос и бездонных синих глаз. Больше ямочки на правой щеке. Больше сдержанной улыбки. Когда-то мы с Джуди были парой. Напрасно она меня поцеловала. Слишком много воды утекло.

Да и наверняка Джуди замужем.

Прогуливаемся по улице. На часах полдень, с зеленых холмов, опоясывающих равнину, дует теплый ветерок. Ветер в ее волосах, походке, фразах.

— Да, я была замужем, но развелась.

У нее трое детей. Сьюзан, Кевин и Карл. Мальчишки жаждут встречи со мной и мечтают улететь на Марс.

— Они столько о тебе слышали.

— Зачем им на Марс?

— Ну, Нил, они же дети.

— Дети вырастают.

— Чем планируешь заняться?

— Пока не решил.

— Тебя с радостью примут на любую должность.

— На то и был расчет.

— Я тоже работаю. Днем в супермаркете, а вечерами выступаю в шоу. Сегодня взяла выходной.

— У тебя две работы?

— Трое детей, сам понимаешь.

Не понимаю.

— А муж разве не помогает?

— По большим праздникам присылает чек.

Возвращаемся к моему дому. У обочины припаркован электрокар Джуди, крохотный «универсал». Она садится за руль.

— Выступаешь сегодня?

— Нет, только по выходным.

— Как-нибудь загляну. Познакомишь с детьми.

— Обязательно, иначе они меня загрызут.

— Где живешь?

— Все там же. У родителей.

У отца отпуск. Едем в центр пропустить по кружечке пива. Деловая часть практически не изменилась: все те же

ряды зданий с фасадами из папье-маше. На месте знакомой пивнушки теперь универсальный магазин. Заходим к Большому Чарли. Помню его очень смутно, но жму руку. В заведении – затишье, посетителей мало, все незнакомые.

Чарли больше не стоит за стойкой, нанял помощницу. Она встречает отца как давнего приятеля.

– Выходной, Джордж?

– Отпуск.

– Чем занимаешься? Красишь дом?

Отец представляет нас друг другу. Барменшу зовут Пэт. Она примерно моего возраста, но выглядит моложаво. На первый взгляд худенькая, но, присмотревшись, замечаешь полную грудь и округлые бедра. У нее карие глаза и светлые волосы – диковинное сочетание. Мелкие косички в беспорядке рассыпаны по плечам. Пэт говорит, что раньше работала стриптизершей. Интересно, как она догадалась, что отец красит дом. Он пока не начал, но собирается. Знаю точно, потому что видел лестницу и банки с краской на заднем крыльце.

Пэт угощает – в честь моего полета на Марс.

– Ты не похож на марсианина. Почему вернулся?

– Нужно помочь отцу красить дом.

– Значит, я угадала. Насчет покраски.

– Все правильно, отпуск.

Ужинаем. Мать подает ростбиф из настоящего мяса – солидный удар по ее бюджету, мне даже неловко. На десерт – яблоки «долгоспелки», некогда любимые, а теперь странные на вкус. Сухпак меняет вкусовые рецепторы, хотя кормили на Марсе неплохо.

Дядя с тетей остались на ужин.

– Ну, Нил, какие планы? – снова спрашивает дядя.

Качаю головой и говорю, что пока никаких.

Отец молчит, но и он скоро задаст тот же вопрос.

Смотрю тривизор, потом иду в душ, бреюсь, надеваю брюки, рубашку, ботинки, какие носил до полета, и отправляюсь к Дэлмам. Путь близкий, добираюсь за несколько минут. Чувствую, что окончательно свыкся с земной гравитацией. Во дворе играют двое мальчишек. Похоже, приняли меня за марсианина и несутся к дому с криком:

— Мама, мама, он здесь!

Джуди встречает меня на пороге и ведет в гостиную. Наливает кофе. Карлу семь, Кевину пять, а малышке Сьюзан всего три. Дети очень красивые, у них глаза Джуди. Карл спрашивает о Марсе. Рассказываю про Жемчужную землю, Синус, провинцию Фарсида, где стоит комплекс, про устрашающий Олимп. Рассказываю, что небо там не голубое, а желтовато-розовое. И, дабы умерить детский восторг, рассказываю о пронзительных ледяных ветрах, о том, как «марсиане» вынуждены носить респираторы на открытой местности.

— Выходит, они не настоящие марсиане? — хмурится Карл.

— Боюсь, что нет.

— А марсиане вообще были?

— Наверное, но следов мы не нашли.

— Меня туда точно не тянет, — признается Джуди.

— А меня тянет! — восклицает Карл.

— И меня! — подхватывает Кевин.

— Не переживай, — успокаиваю Джуди после того, как дети улеглись. — Повзрослеют и передумают.

— Ты же не передумал.

— Я и не повзрослел.

Неправда. Я полетел на Марс ради безопасности на Земле.

Мы сидим на диване, смотрим тривизор. Дома больше никого, кроме детей. Отец Джуди в отпуске, они с матерью

две недели пробудут на Тысяче островов. Стены блестят свежей краской. Порываюсь спросить, делал ли ее отец ремонт в прошлый отпуск, но в последний момент прикусываю язык. Не мое дело изучать привычки среднего класса. Какая разница, кто и когда красит стены.

Знаю, стоит мне только сказать или намекнуть – и Джуди поведет меня в спальню. Но я молчу. Не потому что не хочу ее – как можно не хотеть женщину после стольких лет воздержания. Меня останавливает странный холод, который невозможно преодолеть.

В дверях мы целуемся. Джуди пылко обнимает меня, но чувствует холодность и отстраняется. Летние звезды освещают мне дорогу домой.

Помогаю отцу с покраской. Он наконец решается заговорить о моих планах, но не напрямую. Пока вожусь с оконной рамой, слышу ненавязчивое:

– Через две недели конкурс на должность почтальона.

Пропускаю его слова мимо ушей.

– Конкурс – просто формальность. С твоим-то послужным списком и сдавать ничего не придется.

– Можно подумать, я не сдам! – огрызаюсь в ответ.

– Конечно, сдашь. Главное, конвертировать заслуги в работу. Получишь место, и можно спать спокойно.

– Ты о чем?

– О стабильности. Понятно, ты прилетел не с пустыми руками, но нужен стабильный заработок. При нынешних ценах никаких денег не хватит. А так будет верный кусок хлеба к старости.

Я молчу.

Вечером иду пропустить кружечку к Большому Чарли. Натякаюсь на старых знакомых, бывших одноклассников. Все твердят одно и то же – до чего охота слетать на Марс.

Объясняю, нет ничего проще — бюро колонизации по-прежнему ищет добровольцев. В ответ слышу: мы бы рады, но жены, дети... Предлагаю взять их с собой. На меня смотрят как на чокнутого.

Пэт сегодня огненно-рыжая. На вид — вылитая старшеклассница, только глаза выдают истинный возраст. Удивляюсь столь радикальной перемене с волосами. Пэт улыбается и говорит, что никто не знает, какая из причесок настоящая. Мне нравится ее улыбка. Искренняя, доверительная, как будто мы знакомы много лет.

Угощаю Пэт выпивкой. Потом она меня.

— Помогаю отцу красить стены.

— Вернулся, и сразу в колею.

— Неужели выбралась и поняла, что проклятая колея засасывает?

— Для этого не надо далеко ходить.

— А мне пришлось.

Пэт смеется.

— Смотришь с Марса, а видишь все тот же двор.

Она отпускает очередного клиента и возвращается ко мне. При взгляде на нее не возникает холода.

— Расскажи, какая Земля оттуда?

— Милая голубая звездочка. А зачем ты подалась в стриптизерши?

— За адреналином.

— Ты нимфоманка-эксгибиционистка?

— Вроде нет.

— А почему бросила?

— Выскочила замуж за человека, который верил во второе пришествие Христа. Не хотел, чтобы тот увидел меня голой. Но брак все равно распался.

— Что мешает начать заново?

— Я слишком старая и толстая.

- Ну да, а луна сделана из зеленого сыра.
- Если честно, не хочу. Мотаюсь из города в город, как в старые времена. Только с шеста перебралась за стойку.
- По утрам на Марсе я первым делом видел Олимп.
- Какой он?
- Представь, если бы штат Юта превратился в гору двадцать шесть километров высотой. Тогда я мечтал избавиться от этой громадины. Теперь не знаю.
- Так или иначе, но ты от нее избавился.
- Наверное. Ладно, мне пора. Завтра с утра красим заднее крыльцо.

В свой выходной звонит Джуди. Они с ребятней устраивают пикник. Карл и Кевин просят пригласить меня. Красить мы на сегодня закончили, поэтому соглашаюсь.

Джуди заезжает за мной на «универсале». С трудом втискиваюсь в салон, где уже сидят трое детей плюс корзина для пикника. Едем в парк в семи километрах от города. Жаровни, раскладные столы, раздевалки. Дети в восторге. Носятся вокруг меня, уговаривают искупаться. Особенно малышка Сьюзан. Переодеваемся с мальчишками в плавки, а Сьюзан, с помощью Джуди, в купальник. Веду малышню на пляж. Джуди тем временем разогревает на жаровне синтезированные хот-доги и соевые гамбургеры. Роль отца придает мне солидный вид, для разнообразия даже приятно. Пристально слежу за девчушкой. Она весело плещется на отмели. Карл и Кевин заплывают далеко, стараются произвести впечатление. Кричу, чтобы плыли к берегу.

Потом все вместе устраиваемся за раскладным столом. День будний, народу в парке мало. Удивляюсь, почему у Джуди нет собаки.

- Была, но попала под машину. Скоро заведем новую.
- Вспомнив о собаке, дети заметно расстраиваются. Пса

звали Спайк.

— На сей раз купим ирландского сеттера, — обещает Джуди, — хотя он стоит как чугунный мост.

Она достает пиво. Прихлебываем из биоразлагаемых банок, пока мальчишки играют в салки, а Сьюзан рисует узоры на песке.

— Ты захватила купальник? — спрашиваю у Джуди.

— Да, но купаться теперь можно только через час.

Ждем, а через час всей гурьбой направляемся к озеру. Мужчины, женщины, дети. Радостный смех, брызги. Собаки, правда, нет, но скоро будет.

Похоже, солнце растопило мой лед. После пикника провожу вечер с Джуди. Ужинаем картофельным салатом и синтезированной нарезкой. Сьюзан укладывается рано, мальчишки как замороженные слушают про Марс, забираются мне чуть ли не на колени, но между нами пропасть. Не понимаю почему, ведь дети такие замечательные. Джуди отправляет их спать, сама садится рядом. Обнимаю ее за плечи. Чувствую знакомый холод. Отчуждение. Мы целуемся, но ничего хорошего это не сулит. Ухожу под нелепым предлогом. Дойдя до дома, стою во дворе и смотрю на звезды. Пытаюсь разглядеть Марс. Оранжевую точку на сонном небе. Меняю колею в надежде разглядеть себя. Существой марсиане взаправду и проводи они год на Земле, стали бы землянами? Обратный ход мысли ни к чему не приводит. Теряюсь на нетронутых просторах инопланетной науки. Оставляю Марс звездам, захожу в дом, желаю родителям спокойной ночи и поднимаюсь к себе.

Отпуск кончился, отец возвращается на почту. Вечером приносит бланк заявления на конкурс. Заполняю и отдаю ему. Отцу одиннадцать лет до пенсии. Он ждет ее как манны небесной. Вопрос, что потом. Не каждый же день красить

стены. Наверное, разобьет огород. В отце есть фермерская жилка. Во дворе появится огород, а стены будут сверкать бесчисленными слоями краски.

Перебираю волосы Пэт и спрашиваю:

— Настоящие?

— Тебе какое дело?

— Такое. Настоящие или нет?

На отцовской машине мы едем смотреть кино под открытым небом, потом останавливаемся на отвесном берегу у озера.

— Да, настоящие.

— У тебя прекрасные волосы. Зачем прятать их под париками?

— Для разнообразия и шарма. Чарли гребет деньги лопатой, и все благодаря мне.

— Спорим, все клиенты зовут тебя на свидание?

— Прямо как ты.

— Точно.

— Многие зовут. — Пэт обращает ко мне лицо, залитое звездным светом, его отблеск отражается в глазах. — Но ты единственный, кому я не отказала.

— Потому что я с Марса?

— Возможно.

— Ты тоже, отчасти.

— Поэтому ты меня пригласил?

— В некотором роде.

Мы целуемся, ощущаю звездный свет на ее губах. Достая из багажника одеяло и стелю на землю. Мы ложимся.

Внизу тихо плещутся волны, все вокруг в сиянии звезд.

— Это действительно мои волосы, — шепчет Пэт.

Гадаю, куда подевался мой холод. И отчужденность. Нет, отчужденность на месте. В моих объятиях чужая.

Мужчина, женщина, озеро, звездный свет. И Марс — там, высоко-высоко. Мужчина и женщина. Занимаются любовью.

— Джуди вчера звонила. — Мать переворачивает на сковороде бекон. — Такая приятная девушка.

— Мам, мне глазунью с одним желтком.

— У них будет барбекю. Дети очень на тебя рассчитывают.

Карл, Кевин и Сьюзан. Соевые гамбургеры и синтезированные хот-доги. Может, вареная кукуруза. Все это часть незыблемой замысловатой схемы. Работа, жена, дети, пенсия. Торжество среднего класса. Схема меняется лишь с наступлением войны, да и то ненадолго. Бог сотворил Землю для среднего класса.

А для кого Он сотворил Марс?

Вместо барбекю иду к Большому Чарли. После смены Пэт приглашает к себе. По дороге рассказываю про заявление и заключаю: «Меня обязаны принять».

— Ради этого ты летал на Марс?

— И ради этого тоже. Колледж мне не светил — высшее образование среднему классу не по карману. Остается госслужба. Единственная проблема — слишком много кандидатов. Вот и приходится лезть через окно.

— А в отпуск будешь красить стены?

— Разумеется.

Мы сидим на кровати.

— Наверное, я чересчур цинична. Просто когда раздеваешься, мир обнажается в ответ.

— Это твои настоящие волосы?

— Ты же знаешь, что нет.

Пэт снимает парик, трясет головой — мягкие каштановые кудри рассыпаются по плечам. Мы целуемся, холодность ушла безвозвратно.

– Экзамен завтра в девять утра, – объявляет отец. – На цокольном этаже.

– Джуди опять звонила, – добавляет мать. – Приглашает на ужин. Ее родители вернулись, хотят познакомиться. Ах да, еще звонили из бюро по колонизации. Просили перезвонить.

Набираю номер. Оказывается, им не хватает людей. Интересуются: может, я передумал. Отвечаю:

– Черта с два!

Ужинаю с родителями Джуди. Они – точная копия моих. В честь такого случая мать подает отбивные из настоящей свинины. Джуди испекла яблочный пирог. Детям достается по два кусочка. Мне один. Пирог очень вкусный. В какой-то момент картинка словно замирает. Джуди, родители, дети превращаются в мрамор. Меня окружают статуи. Я единственный живой за столом. Видение исчезает, передо мной вновь среднестатистические американцы, с аппетитом уплетающие пирог.

Джуди моет посуду, потом устраиваемся с ней на крыльце.

– Слышала, завтра экзамен.

– Да.

– Твоя мама говорит, ты участвуешь. Удачи.

– Нет, я лечу обратно.

Пауза. Джуди сосредоточенно катает камешек носком туфли. Наконец:

– Этого следовало ожидать.

Я молчу. А что сказать?

– Там настолько хорошо?

– Поначалу думал, что плохо, но, похоже, ошибался.

Прощаюсь с ее родителями, детьми. Мальчики явно напуганы. Целую Сьюзан и не ощущаю холодности. Малышка еще знает, что она с Земли.

Прощаюсь с домашними. Отец говорит, что понимает. На самом деле нет. Мать плачет. Они уже все за меня решили. Приезжают дядя и тетя. Жму руку дяде, целую тетю. Дядя украдкой косится на меня. Прикидывает, не сумасшедший ли я.

Захожу попрощаться к Пэт. Она выходит из-за стойки.

— Я тоже еду. Если возьмут.

— Возьмут.

Дома она укладывает вещи и вдруг заявляет:

— Если что, мы свободные люди, ничего друг другу не должны.

— А если я хочу наоборот?

— Как скажешь.

— Зачем ты летишь?

— Обрести дом.

— Марс тоже обнажится, рано или поздно.

— Нет, если не разденусь первой.

Шаттл взмывает ввысь. Любуюсь ее лицом в звездном свете. Сквозь правильные черты проступает сила и решительность. Из Пэт получится отличная марсианка. Среди добровольцев замечаю знакомых. Мы вместе возводили комплекс под марсианскими лунами. Марсиане летят домой.

ГЛОТОК МАРСА

I

Алонсо Шепард, начальник бюро геологоразведки, внес последние данные по Девкалиону, сунул документ в папку с пометкой «Д» и через стол передал секретарше.

— Подшейте, и пора по домам, мисс Фромм. Уже почти полночь.

Мисс Фромм была марсианкой — точнее, представительницей первого поколения рожденных на Марсе, и потому считала себя местной. Шепард, проведенный на планете меньше года, считал себя чужаком.

Впрочем, чужачкой казалась и мисс Фромм вопреки ее марсианскому происхождению. Наблюдая, как она убирает папку в специальный ящик, он сравнивал ее с утонченными женщинами, обитавшими на Марсе тысячи лет назад, в период расцвета цивилизации, с женщинами, чей образ увековечен на картинах, висящих в марсианском зале музея искусств «Метрополитен». Высокая, аппетитная, по собственному заявлению «настоящая секс-машина», мисс Фромм страшно тяготилась сравнением с древними марсианками, чем доставляла Шепарду невероятное наслаждение. Сколько бы он ни пытался взрастить марсианские виноградники, те никогда не будут плодоносить из-за лисичек, вроде мисс Фромм, подрывающих корни.

Пристроив папку, секретарша вернулась за стол, уставленный электронными самописцами. На лице, несмотря на

поздний час, ни тени усталости. Темные блестящие волосы, как всегда, аккуратно причесаны, серые глаза лучатся энергией и задором, на щеках — легкий румянец, свидетельствующий об отменном здоровье.

— Подать вам пальто, мистер Шепард? Видок у вас какой-то неважный.

Он только фыркнул. Еще не хватало, чтобы с ним нянчились, тем более мисс Фромм. Погасив в кабинете свет, он нагнал секретаршу у лифта. Они молча спустились на первый этаж геологического бюро Эдома I и вышли в безлюдную ночь.

На улице Шепард растерялся. Впервые они с мисс Фромм заработались допоздна. Впервые очутились тет-а-тет за порогом. Предложить проводить ее или не стоит? В Эдоме I не было разгула преступности, но час поздний, есть риск нарваться на пьяных.

Шепард попробовал увильнуть от повинности.

— Вы уверены, что благополучно доберетесь домой, мисс Фромм?

Та засмеялась, обнажив щербинку между передними зубами.

— Моя квартира всего в двух кварталах — я не вы, мистер Шепард, мне претит жить за городом, отрицая удобства и здравый смысл.

Слава богу, он тоже не такой, как она, однако колкое замечание его задело.

— Удобство и здравый смысл еще не все, мисс Фромм.

Она пропустила слова мимо ушей:

— Может, проводите даму? А то мало ли! Потом выпьем по пиву, посмотрим кино.

Этого он и боялся!

— Простите, не хочу опоздать на последний турбопоезд.

— Турбо-херурбо, — передразнила она. — Зачем ехать та-

кую даль, когда есть шанс переспать с настоящей секс-машиной?

За три месяца службы в бюро Шепард свыкся с беспардонностью секретарши, но сейчас онахватила через край.

– Порядочные девушки так не говорят.

– А марсианки с будущими мужьями говорят.

– Повторяю в тысячный раз – я не собираюсь жениться!

– А вы подумайте хорошенько. Такие красотки на дороге не валяются. Грудь девяносто шесть с половиной, талия шестьдесят восемь, бедра – сто. Рост метр семьдесят три. Вес пятьдесят восемь. Без одежды.

Мисс Фромм и раньше озвучивала свои параметры. Для марсианок дело привычное. Шепард поначалу негодовал, потом махнул рукой, хотя такая тактика не нравилась ему категорически.

– Поймите, – вздохнул он, – тело, разложенное на цифры, теряет всякую привлекательность. Вдобавок, математический подход к сексу лишает его последних крупниц романтичности.

Мисс Фромм снова расхохоталась, обнажив знакомую щербинку, словно гордилась своим несовершенством.

– Да что вы знаете о романтике, мистер Шепард?

– Знаю, что на Марсе она умерла тысячи лет назад! Еще знаю, что у начальников, которых заботит благополучие секретарш, в голове вместо мозгов опилки. Доброй ночи, мисс Фромм!

Он отвернулся и зашагал прочь. Несколько секунд за спиной было тихо, потом по мостовой зацокали каблучки – мисс Фромм направилась домой. Звук стремительно удался и вскоре стих.

Вот нахалка! Упрекнуть его в отсутствии романтики! Раздосадованный, Шепард шел в сторону турбо-вокзала. С мисс Фромм нужно что-то решать – и срочно.

У огороженных марсианских руин, вокруг которых возвели Эдом I, он замедлил шаг. Может, толика красоты усмирит растрепанные чувства. За пластиковым частоколом в звездном свете белели изящно вытесанные колонны. Обломок остроконечной башни тянулся к яркому диску далекой луны, что висела высоко над прозрачным герметичным куполом, защищавшим город от холода и кислородного голодания. Брусчатка серебряными листьями покрывала бесплодную землю.

Всякий раз при взгляде на руины древних зданий, Шепард представлял некогда обитавших там марсиан. Высокие, утонченные, с благородным выражением на благородных лицах, они мирно бродили под звездами и луной, не подозревая об уродливых земных постройках, сорняками заполонивших дивный сад величественного города. Одни марсиане несли железные книги и читали прямо на ходу. Другие, сбившись в кучку, беседовали тихими мелодичными голосами. Третьи задумчиво созерцали небо. Охваченные возвышенными идеями, они не догадывались об уродливых, заключенных в купола мегаполисах, что выросли как грибы после дождя на месте археологических памятников; не догадывались о толпах землян, прибывших собирать артефакты, компоновать данные и высасывать последние соки из цивилизации, чьи ноги даже не достойны целовать; о невеждах, напивающихся в дешевых забегаловках в тени древних храмов науки, а после лезущих через забор — предаться страсти в некогда чтимых святынях; словом, о тех, кто всячески осквернял, извращал и втоптывал в грязь печальные, но светлые воспоминания о Марсе.

II

Шепард постарался побыстрее миновать кафе на углу, чтобы не слышать непристойный смех, звон бокалов, оголтелое чириканье дешевых автоматов, завывания и стоны одноруких бандитов вдоль стены.

Какие радужные мечты о Марсе обуревали Шепарда в свое время! Какие мечты!

Ему грезилось, как человечество возведет новую цивилизацию на руинах старой и, взяв за эталон вымершую расу, поднимется на новую ступень эволюции. Потрясающая наивность! Ему ли не знать: низменные существа не стремятся дорасти до величественных, а пытаются низвергнуть их до собственного уровня. Ему ли не знать: там, где есть виноградники, обязательно найдутся и лисы. Увы, он не знал, поэтому прилетел на Марс с горящими глазами, но огонь давно превратился в пепел, а горечь не имела границ.

Впереди уже маячил вокзал. Шепард прибавил темп. Вокзал мало отличался от других построек Эдома I – чудовищный стеклянный монолит высотой в полдюжины этажей, – с той лишь разницей, что еще полдюжины этажей располагались под землей. С нижних уровней пневмотоннели уходили к четырем соседним городам и промежуточным поселкам. Население в каждом из городов составляло пятнадцать тысяч человек; ближайший, Эдом II, стоял в ста двадцати километрах к западу. Оставшиеся три, названные, подобно Эдомам, в честь своих регионов, располагались дальше на юге, севере и западе. Шепард жил на стыке двух городов, между Эдомом I и II, в герметичном поселке Пески.

Конечно, можно было поселиться в уютной квартире неподалеку от бюро. Можно, но он не захотел. На безвоздушной поверхности Марса любоваться особо нечем, а крохи

красоты лучше наблюдать из маленького городка, нежели из большого.

На вокзале было малоллюдно. Труженики корпораций с хитрыми названиями, где днями напролет просеивают красный песок в поисках артефактов, драгоценных камней и прочего, что можно продать за хорошие деньги, давно разъехались по домам, смотреть допотопный мусор по три-ви. Остальные разбрелись по кафе и прочим увеселительным заведениям.

Купив вечернюю газету, Шепард спустился на шестой уровень. К его величайшей досаде, последний экспресс уже ушел. Единственная надежда – электрички. Судя по электронному табло, последняя отбывала в два состава – первый, 29-А, отправлялся с восьмого пути в ноль двадцать, а второй, 29-В, – часом позже. Вокзальный циферблат высвечивал время: ноль девятнадцать. У Шепарда оставалась минута, чтобы успеть.

Он рванул вдоль путей, сунул в турникет купюру и, протиснувшись на восьмую платформу, помчался к пневмо-вагону 29-А. «Поезд следует до станций Красная скала, Закат, Пески, Угодья, Морена, Сухое русло и Эдом II», – вещал электронный диспетчер. На полуслове Шепард вскочил в вагон. Под свист воздушных клапанов двери захлопнулись, и состав покатил вперед.

Шепард думал, что сел последним, но оказалось – первым и единственным. В душном глухом вагоне пустовали оба длинных ряда кресел. Он примостился скраю и развернул газету. Поезд стремительно набирал скорость, ни на миг не приближаясь к максимально допустимой. Гробовую тишину изредка нарушало шипение воздуха в клапанах.

Шепард лениво пробежался по заголовкам. Обычная беллиберда. Департамент автоматизации вот-вот закончит разработку углеводородного фильтра и марсиане смогут нако-

нец сесть за руль без риска удушья для себя и окружающих. Бюро гидропоники готовит к выпуску новую линейку синтетического мяса. Уровень инфляции вырос на одну целую и две десятых процента. Передовая организация объединенных наций постановила устроить на Луне кладбище для выдающихся землян. Шепард зевнул и отложил газету.

— Красная скала, — ожил диспетчер. — Пассажирам приготовиться к выходу.

Вагон замедлил ход и плавно остановился. Двери с шипением распахнулись. Через мгновение поезд тронулся. Шепард так и остался в одиночестве.

Он снова зевнул и, похоже, задремал, ибо вагон, не успев толком разогнаться, начал тормозить. Потом слегка накренился.

— Кандзказа! — заверещал диспетчер. — Кандзказа!

Шепард подпрыгнул на месте. В расписании не значилось никакой Кандзказы. По плану следующая остановка — Закат. Потом Пески, Угодья, Морена и Сухое русло.

Двери открылись, и в вагон вошла девушка.

Внезапно все пространство наполнил странный, до боли знакомый аромат. Не будь Шепард реалистом, решил бы, что пахнет свежим воздухом.

Девушка была высокой — конечно, не по меркам статной мисс Фромм, — и стройной. Гиацинтовые волосы, разделенные посередине пробором, ниспадали на плечи; они отливали синевой. Овальное личико с аккуратным носом, ртом и подбородком поражало утонченностью. Кожа слегка отсвечивала красным.

Наряд незнакомки интриговал не меньше. Прозрачная голубая юбка, расшитая стразами, спускалась — точнее, струилась, до колен. От каждого шага блестящие камни вспыхивали точно снежинки в метель. Верх из такого же материала с узором подчеркивал, но не выпячивал пышную

грудь. Чуть ниже левой ключицы сияла брошь. Золотистые босоножки крепко держались на тонких ремешках, крест-накрест оплетавших красивые ноги до самых икр. С левого плеча свисала кожаная сумка – то ли дамская, то ли деловая, а может, и то, и другое вместе.

III

Судя по испуганному взгляду, брошенному, когда девушка устраивалась напротив, Шепард застал ее врасплох. Двери захлопнулись, состав набрал скорость, и таинственный аромат растворился в потоке стерильного воздуха из вентиляции. Искусственного, как называл его Шепард. Все, чем дышал Марс и его обитатели, разительно отличалось от кислорода.

Из вежливости Шепард отвел взгляд, гадая, не помешалось ли ему: вдруг девушка – всего лишь плод его воображения, фантазия, рожденная в дебрях подсознания. Однако незнакомка по-прежнему сидела напротив. А наряд – ну что ж, наверное, едет с какого-нибудь костюмированного бала.

Вопрос, с какого. И кого изображает. Принцессу древнего Марса? На худой конец, накинула бы пальто, в такой холод и околеть недолго.

Вагон замедлил ход.

– Вистария! – взвизгнул диспетчер. – Вистария!

Шепард не поверил ушам. По маршруту Эдом I – Эдом II нет и быть не может никакой Вистарии, как, впрочем, и Кандзказы. Кстати, что творится с диспетчером? Электронная система оповещения должна объявлять остановки, а не вопить как жена рыбака, отчаявшаяся дозваться мужа на обед.

Под мерное шипение двери открылись; девушка подня-

лась и направилась к выходу. Вновь все пространство заполнил чарующий аромат. Теперь к нему примешивалась ностальгическая нотка пряности. Внезапно Шепарда осенило: так пахнут виноградники осенью, когда все вокруг дышит сладостью спелых ягод.

Неужели обитатели Вистарии растят виноград под куполом?

Красавиц там растят точно.

Едва девушка скрылась из виду, Шепарда охватила тоска. Ему словно протянули волшебный кубок – наберись он духу поднести его к губам, испил бы простых наслаждений, каких искал так долго, но тщетно. Однако радужное мерцание на опустевшем кресле напомнило, что уже слишком поздно – теперь не испить из кубка, не отведать волшебного зелья.

Шепард подобрал радужную вещицу. Ею оказалась брошь, которую незнакомка носила на груди. На мгновение его ослепили алые, желтые, зеленые и светло-голубые всполохи, сквозь радужную дымку вдруг проступили гиацинтовые волосы, одухотворенные черты... Шепард рванул на станцию с криком «Подожди!».

Но девушки и след простыл.

За спиной послышалось шипение. Двери захлопнулись, состав тронулся в путь.

Допрыгался. Следующая электричка наверняка не скоро, а то и вовсе придется торчать здесь до утра.

Знакомый аромат ударил в ноздри, обступал со всех сторон. По словам моряков, так пахнет земля, когда после долгих скитаний ступаешь на тропический остров. Этот запах не замечаешь, пока не ощутишь под ногами твердую землю, а почуяв, клянешься наслаждаться им каждую секунду... и вновь забываешь, когда привычка вытесняет чувство новизны.

Но Шепард никогда не плавал на судне, да и станция мало походила на остров. Обычные недра поселка, где люди странствуют пневмо-вагонами и в жизни не видели островов.

Воздух был на удивление холодным. Холодным, чистым и свежим. Шепард поднял взгляд и наткнулся на табличку с названием станции.

Похожая на трапецию вывеска гласила:)-/(-(-/-)-).
)-/(-(-/-)-)?

Шепард сглотнул. Какой странный способ обозначения Вистарии.

Да и станция очень странная. Вроде бы ничего особенного, но... Турникет заменяла резная узорчатая калитка в резной стене. Пол не бетонный, а из прозрачного камня. Никаких лестниц, только спиральная рампа с перилами, восходящая к круглому, словно колодец, просвету в потолке.

Шепард мрачно распахнул калитку и стал взбираться по рампе в расчете встретить хоть кого-нибудь.

Пусто, ни души.

Очередной виток вывел на поверхность, залитую звездным светом. Ледяной ветер ударил в лицо. Шепард поежился, но не от холода – над Вистарией не было купола.

По-хорошему, он должен был умереть пять минут назад: отказали бы легкие, кровь бы застыла на губах, одеревенели бы конечности. Однако Шепард не умер. Напротив, чувствовал себя по-настоящему живым.

Вдали, по левую сторону, вместо непреложного купола Эдома I, раскинулся город. Сотни, тысячи башен белели в свете звезд. Серебрились в лучах далекой луны. Величественные постройки возвышались над прочими зданиями – тоже шедеврами архитектуры, чьи красоты мешали разглядеть расстояние и тьма. Диковинный, недопустимый город окружали строения поменьше, в своем скоплении напоми-

навшие широкий внутренний двор.

Справа, далеко-далеко, на месте непреложного Эдома II, виднелся другой город. Брат-близнец или кровный родственник первого.

Шепард стоял на окраине деревушки. Вне всяких сомнений, Вистарии. Скромная дюжина домов, по шесть с каждой стороны, тонула во мраке.

Улицы как таковой не было — только дорога, что тянулась через деревню от виноградника к винограднику. Виноградники простирались до самого горизонта. Мириады небесных светил озаряли их бесконечные ряды. Воздух переполнял аромат спелых и созревающих ягод. Чуть поодаль извивалась широкая лента реки. Нет, не реки, канала.

Шепард покачнулся. Все это мираж или сон, третьего не дано. На Марсе ничего не растет уже многие тысячи лет. Вся вода находится на полюсах и по трубам поступает в герметичные города и поселки. Впрочем, самих городов раз-два и обчелся: Эдомы, Кидония, Эолида и Пандора. Деревень же нет и в помине.

На западе Фобос пустился по небу вскачь. Теперь домики якобы несуществующей деревушки отбрасывали сразу две тени.

Как и Шепард.

По дороге, светя фонариком под ноги, брела девушка. Та самая. Наверняка ищет брошь, которую обронила в вагоне. Шепард поднес радужную вещицу к глазам, наблюдая, как та искрится в лунном сиянии. Пальцы коснулись диковинных, неземных камней. Настоящие. Как ночь, звезды, отдаленные города, бескрайние виноградники и бредущая по дороге девушка. В сопровождении двух теней Шепард двинулся ей навстречу. Заслышав шаги, незнакомка вздрогнула и направила луч света ему в лицо.

IV

Шепард протянул брошь.

– Вот, нашел на сиденье.

Девушка взяла украшение и опустила фонарик. Потом произнесла пару фраз на незнакомом наречии. Шепард помотал головой.

– Я говорю только на английском, французском или испанском.

Он попробовал завязать беседу на каждом, но безуспешно.

На залитом звездным светом личике отразилось недоумение. Девушка снова сказала что-то на своем языке, но наткнувшись на растерянный взгляд, перешла на жесты. Кивнув на круглый просвет станции, она покачала головой и широко развела ладони, показывая, что электричка будет нескоро. Потом тронула Шепарда за плечо и знаком велела следовать за ней.

Почему бы и нет? Шепард покорно зашагал по дороге, гадая, как его таинственная провожатая не мерзнет на таком холоде без пальто. Погода была точь-в-точь как осенью в Японии. После заката там становилось холодно и сыро, очень сыро. Впрочем, эти перепады объяснялись близким соседством с горами и морем. Здесь же, куда ни посмотри – ни моря, ни гор. Только канал и холмы, что виднелись за городом, – приземистые, с редкой порослью деревьев. Ветер шевелил кроны, те раскачивались в холодном потоке света под чередой сменяющихся лун... А вокруг – величественные города, бескрайние виноградники, аромат спелых и созревающих ягод, девушка, бредущая в колдовской марсианской ночи.

Дома тоже ассоциировались с Японией. Одноэтажные, раскидистые, с угадывающимся двориком в центре, с мощеными дорожками, обрамленными цветами и крохотными

мерцающими фонтанчиками. Девушка замерла на пороге и приложила палец к губам, призывая гостя помалкивать. Бойся потревожить родителей, сообразил Шепард.

Она отперла раздвижную дверь, ведущую в просторную комнату – то ли кухню, то ли гостиную, а может, по совместительству и то, и другое. Свет сочился из голубых сфер под потолком. Пол и стены на треть выложены из оранжевого кирпича. Три распахнутых настежь окна выходили на улицу, четвертое, в верхней части двери, оставалось закрытым. Стены на две трети были из темного дерева без намека на краску. В дальней стене зияла дверь. Посередине высился прямоугольный каменный стол с четырьмя каменными скамейками. Девушка усадила гостя за стол и налила вина.

Шепард прежде не пил ничего подобного. Напиток приятно обжег горло и мягко угас в желудке. Следом обострилось восприятие, в голове наступила удивительная ясность. Хозяйка устроилась напротив и знаком пригласила снять пальто. Шепард вежливо, насколько позволяли жесты, отказался: из окон нещадно дуло, отопления в комнате не было, и он изрядно продрог. Но шляпу все-таки снял. Девушка повертела ее в руках, потом улыбнулась и сказала что-то вроде: «Мы, марсиане, в жизни бы не надели такое безобразие». Шепард ткнул в себя пальцем со словами:

– Алонсо Шепард.

В ответ услышал:

– Тандора.

Тандора... Имя прозвучало волшебной музыкой, рождая ассоциации с крохотными лунами, горделивыми башнями в сиреновой дымке, серебристым каналом, петляющим среди виноградников, ароматом спелых и созревающих ягод. С прошлым...

Ибо он попал в прошлое. На тот самый исчезнувший Марс, что нещадно эксплуатировали и разграбляли жадные

современники. На тот самый Марс, что должен был вдохновить землян на новые, благородные свершения.

Каких-то полчаса назад Шепард разглядывал древние руины и вдруг, преодолев временной барьер, очутился на благословенных берегах минувших тысячелетий.

Вспомнился легкий крен перед Кандзказой, странная перемена в «голосе» диспетчера. Наверное, в далекую эпоху междугороднее сообщение тоже ограничивалось подземкой, а маршрут «Кандзказа–Вистария» по протяженности и расписанию совпадал с современным «Закат–Пески». Совпадения и спровоцировали хроносдвиг: после отправления из Эдома I пневмо-вагон 29-А случайно попал в прошлое и стал курсировать между эпохами. Как вариант, в те времена ходил аналог нынешнего состава, и на отрезке между прошлым и будущим они слились воедино. Отсюда и непотребный визг диспетчера.

Конечно, это лишь теория, причем весьма сомнительная, но Шепард нутром чуял, что не ошибается. Если уходить тем же путем, что и пришел, связь между эпохами только окрепнет. А если вернуться, то и вовсе станет неразрывной. В теории.

Тандора снова наполнила бокал. Тот больше походил на цветок, чьи хрустальные лепестки открывались навстречу прохладному эликсиру и щедро дарили гостю божественную влагу. Не буду допытываться, как меня сюда занесло, решил Шепард. Занесло, и слава богу. Где еще можно испытать глоток былого величия Марса...

Комнату наполнил сладкий аромат. В кронах плакал ветер. Шелестел виноградными лозами... Нет, не буду допытываться. А не сумею вернуться в свое время, плакать не стану.

Но попробовать стоило. Вдруг способ найдется. Может, совпадения не ограничиваются составом 29-А и распро-

страняются на 29-В. Так или иначе, скоро все – ну, почти все, выяснится. 29-В отбывает с вокзала в двадцать минут второго. Судя по вычурным часам, инкрустированным бриллиантами – подарок мисс Фромм на день рождения, – ждать осталось недолго.

Исхитрившись, Шепард «спросил» у Тандоры, когда следующий поезд на запад. Та поначалу замешкалась, всем видом показывая, что не хочет отпускать гостя. Потом с недовольной гримаской кивнула в сторону станции и чуть развела ладони, словно говоря: скоро.

Шепард допил вино и поднялся. Тандора встала, обошла стол, положила левую ладонь себе на грудь, правой взяла Шепарда за руку и выжидательно посмотрела в глаза. Он не сразу сообразил, что его спрашивают о новой встрече, а сообразив, с энтузиазмом кивнул в надежде на универсальность жеста. Расчет оправдался, ибо Тандора улыбнулась и убрала руки. После тронула пальчиком часы, верно угадав их предназначение, и вновь вопросительно заглянула в глаза. Когда?

«Завтра в это же время», – «ответил» Шепард.

Завтра, если повезет.

Они простились у порога, и Шепард направился к станции. Высоко в небе горел Фобос, звезды вокруг мерцали свежей росой. Где-то среди них – Земля. Родная планета блестящей голубой точкой сияла на горизонте, затмевая красотой прочие светила. От изумления у Шепарда захватило дух – Земля была точь-в-точь как в период позднего палеолита, эпоху кроманьонцев, убоя диких лошадей, каменных наконечников и ножей. Эпоху, когда уже изобрели и буквально молились на штихель – первобытный аналог электронной открывалки. Лучший из миров, по обыкновению, ждал за поворотом.

Его шаги по рампе эхом отдавались под сводами. На полпути Шепард спохватился, что не знает, как пройти через турникет. Однако калитка легко поддалась. Наверное, настоящие турникеты еще не придумали. Тем временем, состав замер у платформы. Шепард присмотрелся, но как ни старался, ничего особенного не увидел. Подождав, не выйдет ли кто, он поднялся в вагон. Двери с шипением захлопнулись, поезд набрал скорость.

Теперь понятно, почему никто не вышел – вагон был пуст. Пользуясь случаем, Шепард огляделся, но странностей так и не обнаружил. Состав ничем не отличался от других, такой же безликий. Немудрено, что когда вагоны слились воедино, пассажиры не почувствовали разницы.

Да, но будь оба вагона до хронодвигателя заняты пассажирами, процесс бы вряд ли прошел незамеченным.

Наверное, заложенный в совпадениях парадокс исключал такую возможность. Появление Шепарда в одном вагоне с Тандорой – всего лишь случайность, досадная ошибка Времени. Отсутствие других пассажиров – наглядное тому доказательство.

Впрочем, все это теория. По факту, состав 29-А могло навсегда забросить в прошлое, тогда поедет он не в будущее, а к очередному винограднику или в таинственный город, что раскинулся на месте будущего Эдома II.

Вагон слегка накренился.

– Закат, – ожил диспетчер. – Станция Закат.

Вместо облегчения Шепард испытал острое разочарование. Пятнадцать минут спустя, поднимаясь по лестнице в Песках, он жалел, что не остался в прошлом, куда рвался всей душой. На фоне пьянящего запаха виноградников стерильный воздух отдавал сыростью. На фоне теплого мер-

цания звезд в чистом небе здешние светили холодно и враждебно. На фоне уютных домиков Вистарии постройки в Песках казались чересчур строгими и банальными. Вконец расстроенный, Шепард добрал до своего безликого жилища, и поднялся по ступеням.

Перед сном плохое настроение как рукой сняло. Кто попал в прошлое раз, попадет и второй. Ведь он нашел волшебное окно и подобрал к нему ключ. А может, все это просто сон? Хотя часы уверяли в обратном – куда-то же делись целых шестьдесят минут жизни. А Шепард отчетливо помнил каждое мгновение, каждую незабываемую секунду.

Перед сном захотелось промочить горло. После глотка Марса обычное спиртное показалось безвкусным, но Шепард мужественно выпил все до дна, погасил свет и растянулся на прохладных простынях. Наконец его сморил сон, и все грезы были о Тандоре.

Разбудила его мисс Фромм. Два месяца назад, проспав на работу три дня кряду, он попросил секретаршу звонить ему по видеофону ровно в десять утра. До бюро мисс Фромм служила сержантом в марсианской военной школе, и Шепард успел десять раз пожалеть о своей просьбе, но из двух зол принято выбирать меньшее, поэтому стремление к пунктуальности пересилило неудобства. Сегодня под аккомпанемент назойливого пиканья раскаянье вернулось.

– На работу становись! – скомандовала мисс Фромм. – Поднимайте свой...

Шепард пулей вскочил с кровати.

– Довольно, мисс Фромм. Встаю.

Видеофоны – устройства точные, изображения передают с особым рвением, не упуская ни единой морщинки и пигментного пятнышка, невидимых обычному глазу. Однако лицо мисс Фромм поражало совершенством. Глядя на цветущую девушку, Шепард невольно сравнивал ее с утренним

цветком, таким же красивым и свежим. Станным образом, сравнение раздражало донельзя.

– Сказал же, встаю. Хватит висеть на линии.

– Я в общем... хотела извиниться за гадости, которые наговорила вчера. Ну, про романтику. Я на самом деле так не считаю, просто брякнула. По-моему, вы самый романтический человек на свете... Особенно в пижаме.

– Мисс Фромм!

– Кстати! Я сбросила полкило и теперь вешу пятьдесят семь с половиной. Без одежды.

Экран погас.

Шепард со вздохом направился в ванную и включил душ. С мисс Фромм нужно что-то решать.

С секретаршей они столкнулись у входа в бюро, вместе сели в лифт.

– Опять будем трудиться допоздна, мистер Шепард?

Его мысли витали между Марсом нынешним и прошлым. В ясном утреннем свете вчерашние события казались сном, но Шепард был уверен – ему не померещилось.

– Нет, к шести управимся.

– Отлично. Успеете пригласить меня на ужин.

На ужин она напрашивалась регулярно, и Шепард, по обыкновению, собрался ответить вежливым отказом, но вдруг вспомнил, что до электрички в двенадцать двадцать нужно скоротать уйму времени. Конечно, можно съездить домой и вернуться, но перспектива торчать одному в квартире совершенно не улыбалась.

– Хорошо, мисс Фромм. Куда пойдем?

Секретарша недоверчиво ахнула, в серых глазах засияли звездочки.

– Вы серьезно?

– Мисс Фромм, я что-то не пойму. Сперва вы...

– Ресторан «Закат в степи». Надену свое новое шик-платье!

Она сдержала слово. По крайней мере, когда Шепард, промаявшись час в публичной библиотеке, явился в условленное место, на мисс Фромм красовалось облегающее нечто из синтезированного шелка. Пресловутое шик-платье подчеркивало все, что только можно, а особенно то, что нельзя.

Ресторан размещался на крыше бюро гидропоники. Шепард бывал там и раньше, но никогда не ужинал на закате. Прозрачный купол стирал преграду между небом и землей, с окраины города, где располагалось бюро, открывался потрясающий вид на великую равнину Тимиамата. Солнце садилось за горизонт, окрасив долину золотом, небо, неподвластное угасающему дню, из бледно-лилового сделалось багряным. Тонкий ледяной воздух придавал краскам особую яркость.

Отпустив официанта, мисс Фромм счастливо улыбнулась.

– Представляете, сегодня отжалась сорок семь раз. Мой предыдущий рекорд – сорок три.

Шепард не осилил бы и десять.

– Зачем так много?

– Очень полезно для грудных мышц. Видите? – Она с готовностью напрягла обозначенные мышцы. Результат впечатлял – до жути, но ясности не добавил.

– Все равно не понимаю зачем.

– Нарращиваю объем, разумеется.

Сразу вспомнилась Тандора. Тандора, с ее гиацинтовыми волосами и одухотворенным лицом, никогда не уподобилась бы дойной корове.

– Хоть убей, не понимаю, – гнул свое Шепард.

– Чтобы понравиться вам, за этим.

Шепард тяжело вздохнул. Ловите нам лисиц¹, пронеслось в голове. Лисенят. Мисс Фромм — крупная лисица и виноградников может испортить куда больше, чем обычная лиса. Небо отливало пурпурным, прихотью атмосферы уга-сающий свет творил замысловатые узоры в сумерках. Если мисс Фромм и заметила метаморфозы, то виду не подала. Официант принес им синтезированный суп. В ожидании горячего Шепард из вежливости спросил, откуда она родом.

— Из маленького городка в районе Эолиды. После военной школы решила осесть подальше от семьи.

— Вы не ладили?

— Напротив. Я их очень любила и люблю, но по традиции в двадцать два марсианки начинают жить самостоятельно. Если уж делать что-то, то на совесть.

Шепард промолчал. Кому какое дело до традиций замороженных марсианок. Пусть и дальше играют по своим убогим правилам.

Он глянул время. Восемь девятнадцать. Еще целых четыре часа. Надо было ехать раньше. Вдруг волшебное окно не ограничивается полночным экспрессом и всю дорогу стоит настезь?

С другой стороны, вдруг тот раз был первым и единственным? Тогда не видать больше ни Кандзказы, ни Вистарии.

Ни Тандоры...

VI

Но вот диспетчер объявил Кандзказу, потом Вистарию... С замиранием сердца Шепард выскочил из вагона, нетерпеливо вдохнул насыщенный аромат прошлого. На очередном

¹ «Песнь песней» Соломона.

витке ramпы стряхнул с себя последние воспоминания о мисс Фромм. После ужина и просмотра нового 3D-водевиля в земной постановке она пригласила его на чашечку кофе и явно вознамерилась не отпускать без поцелуя. Насилу удрали. Да, с мисс Фромм нужно что-то решать, и поскорей.

Высоко в небе сияли обе луны, величаво плыл Деймос. Фобос стрелой пронзал скопление звезд. Далекие города походили на оазисы света и симметрии – где-то в их недрах благородные мыслители бьются над загадками бытия, экстраполируют настоящее и на будущее знают: близок день, когда атмосфера разрядится окончательно, поставив целую расу на грань вымирания.

Деревушка мирно дремала под звездами, на единственной улочке не было ни души. Вот и заветный дом. Спит ли Тандора? О чудо – сквозь окошко в раздвижной двери виднелся знакомый силуэт. Девушка сидела за каменным столом и ручкой, больше похожей на миниатюрный сварочный аппарат, выводила строки в железной книге. Наверное, пишет стихи. Нет, не наверное, точно. Окутанный благоуханием спелых и созревающих ягод, Шепард тихонько постукал. Тандора встретила его улыбкой и, приложив палец к губам, повела в дом.

Наполнив бокал, она без лишних промедлений стала обучать гостя родному языку. Шепард не возражал. Напротив, горел желанием освоить благородное наречие. Вино учетверило силы, поэтому он с легкостью впитывал слова, которыми его бомбардировала Тандора, автоматически классифицировал их и влет угадывал значение. Понятно, откуда на Марсе столько великих умов и храмов науки. Питая волшебным эликсиром свои и без того сверхразвитые способности, древние марсиане видели истинную природу вещей, как современные земляне – постулаты Лукреция.

Тандора снова наполнила бокал чудотворным зельем.

Шепард отпил из хрустального цветка, чувствуя, что тонет в синеве ее глаз. До чего она хороша и невинна на фоне мисс Фромм! Какой чарующий мелодичный голос! Какие тонкие, прекрасные черты! Такая не опустится до отжиманий, чтобы увеличить грудь. Не станет хвастаться объемами. Не превратится в настоящую секс-машину. Нет, Тандора – марсианка до мозга костей. На ум пришли строки:

В морях Скорбей я был томим,
Но гиацинтовые пряди
Над бледным обликом твоим,
Твой голос, свойственный Няюде,
Меня вернули к снам родным:
К прекрасной навсегда Элладу
И к твоему величью, Рим!¹

Настало время прощаться. Благодаря магическим свойствам напитка, Шепард освоил достаточно, чтобы проститься с хозяйкой дома на словах, и жестами присовокупил, что вернется завтра – по возможности раньше. Тандора воодушевленно закивала, прижала левую ладонь к груди, правой взяла его за руку – в точности как в прошлый раз. Растроганный Шепард смиренно направился к станции. Тандора грезилась ангелом во плоти. Удостоится ли он права быть с ней? Сумеет ли возвыситься настолько, чтобы завоевать ее любовь?

Попытка не пытка.

Весь следующий день Шепард парил как на крыльях, предвкушая целый вечер наедине с Тандорой. На крыльях влетел в пневмо-вагон, отбывающий с вокзала в шесть восемнадцать, но счастье оказалось скоротечным. Поезд проследовал от Красной скалы напрямик к Закату, а оттуда к

¹ Эдгар По. «К Елене» (перевод В. Брюсова).

Пескам. Подавленный, Шепард в толпе пассажиров поплелся к выходу. Дома побрился, принял душ и, движимый голодом, заглянул в настенный холодильник. Тот порадовал обилием морозного воздуха и полным отсутствием еды. Шепард на мгновение задумался. В местных ресторанчиках, не озабочиваясь, подавали синтезированную пищу, поэтому все походы туда не отличались разнообразием, а в свете событий последних дней хотелось чего-то особенного. Наконец, сегодня все равно ехать в Эдом I, чтобы успеть на заветную электричку. Так почему не совместить приятное с полезным и не отужинать в «Закате»?

Вопрос, с кем. «Закат» из тех ресторанов, какие принято посещать парами, на одиночек там смотрят косо. Да и после ужина надо скоротать пару-тройку часов.

Как насчет мисс Фромм? Конечно, она ему не пара, но для компании сойдет. Он решительно набрал номер. Похоже, звонок застал секретаршу в душе: темные волосы еще не просохли и влажными завитками спускались на лоб, над верхней губой блестели крохотные капли. Хотя видеофон транслировал только лицо, Шепард не мог отделаться от мысли, что собеседница совсем голая.

Он откашлялся.

– Надеюсь... надеюсь, вы еще не ужинали?

Мисс Фромм уставилась не экран, словно не веря своим глазам, точнее, ушам.

– Нет, мистер Шепард. Только собиралась.

– Может, подождете, сходим куда-нибудь вместе, хорошо?

– Просто отлично!

Мисс Фромм явно раскошелилась на новое шик-платье. По крайней мере, дверь она отрыла не в желтом, а в голубом, которое обтягивало и подчеркивало пуще прежнего.

– Представляете, – выпалила она с порога, – у меня получилось! Девяносто девять сантиметров как с куста!

Называется, отжимания не подвели. После ужина они отправились на очередную 3D-пьесу во второсортный театр неподалеку от Эдом-авеню. Мисс Фромм затребовала места на балконе, но Шепард настоял на партере. Однако не смог отказаться от приглашения выпить чашечку кофе. Во-первых, не хотел показаться невежливым, а во-вторых, до электрички оставалась еще уйма времени. Мисс Фромм достала пиво, приготовила сэндвичи и уселась рядышком на подлокотник дивана, смотреть допотопный хлам по тривизору. Ее близость странным образом волновала, мешала сосредоточиться на клише.

Наконец Шепард поднялся, однако мисс Фромм моментально перегородила дорогу.

– Вы как будто торопитесь на свидание, мистер Шепард.

– Все может быть. А теперь извините, мне пора.

Он попытался протиснуться мимо, но мисс Фромм разгадала маневр и в два шага очутилась у двери.

– Без поцелуя я вас не отпущу.

Шепард обреченно вздохнул (ладно, один поцелуй погоды не сделает), обнял девушку за талию и прижался губами к ее губам. Внезапно у него подкосились ноги, перед глазами поплыло – эффект от банки пива не заставил себя ждать. Мисс Фромм сцепила руки у него на шее, поэтому высвободиться сразу не удалось.

– Мне действительно пора.

Она не ответила, только жмурилась и тихонько постанывала. Он не мешкая бросился к лифту и в условленный час уже стоял на вокзале.

Тандора встретила его в дверях и выразительно приложила палец к губам. Шепард извинился за опоздание и шагнул в дом. На столе лежала книга с явно недавними записями. Тут же стоял бокал, до краев наполненный вином.

Шепард сделал вожаденный глоток. Дрожь в руках, что преследовала его от самого дома мисс Фромм, мгновенно унялась, в голове прояснилось.

Ясности немало способствовало желание поскорее освоить язык. Обретя навык общения с представителями возвышенного мира, можно устроиться на службу и перебраться сюда окончательно. Чем быстрее он покинет современный Марс, тем лучше.

На прощанье Тандора проводила его до дверей и, поднявшись на цыпочки, поцеловала. Поцелуй был сладостным, истинное воплощение прелестей минувшей эпохи.

— До завтра, — шепнула Тандора, отстраняясь.

— До завтра, — прошептал он, воспаряя над залитой звездным светом улицей.

Утром, во время дежурного звонка, мисс Фромм ошарашила его новостью:

— Кстати! Я вчера ошиблась в расчетах. Не девяносто девять, а сто один! Представляете!

Шепард сонно заморгал. Вроде только прилег — и уже вставать.

— Нашли что обсуждать с утра, мисс Фромм.

Он снова начал клевать носом, когда из динамика раздалось:

— На работу становись! Поднимайте свой...

Шепард пулей вскочил с кровати.

— Мисс Фромм!

Хмыкнув, она отсоединилась. Да, с мисс Фромм нужно что-то решать. Однако вечером, гонимый скукой и отчаянным нежеланием торчать в пустой квартире, он снова пригласил ее на ужин, потом повел в затрапезный театр. На обратном пути она вдруг предложила пролезть между штакетинами в шатком заборе и погулять среди древних руин, дабы «вобрать культуру минувших дней».

Шепард был приятно удивлен. Возможно, с мисс Фромм еще не все потеряно.

За забором, в окружении приземистых построек, высились развалины старинного храма науки.

В свете обеих лун стены напоминали огромные покосившиеся надгробия, по счастью не утратившие бывшего величия и стати. Шепард по обыкновению увидел марсиан, что бродили под звездами, беседовали и на ходу читали громоздкие тома. Одни щеголяли в струящихся белоснежных одеяниях, другие – в шелках пастельных тонов. Тела их были прекрасны, а лица – благородны. В толпе высоких, умиротворенных красавиц Шепард заметил Тандору. Та ни на секунду не расставалась со своей книгой и поминутно останавливалась, чтобы сделать очередную запись. Несомненно, она воспевала древний Марс, как Саффо – Грецию. На ум вновь пришли строчки из «Елены» По:

Психея! Край твой был когда-то
Обетованною страной!

Мисс Фромм указала на небольшое здание: три полуразвалившиеся стены и крыша.

– Интересно, что там такое?

– Давайте посмотрим. – Шепарда вдруг обуяло любопытство.

Под сводами их окутали бархатные тени. Постепенно Шепард различил каменный выступ с крохотной нишей, и ахнул.

– Это же апсида философа! Когда мыслитель сталкивался со сложной проблемой, он затворялся здесь и зажигал трехдневную свечу. Не найдя в положенный срок ответа, зажигал вторую свечу, и все повторялось заново. Славные были времена!

Мисс Фромм вздрогнула и придвинулась ближе.

– Бр-р-р! У меня мороз по коже. Дайте руку.

Он машинально стиснул ее ладонь и открыл рот, чтобы продолжить лекцию, но слова застряли в горле. Она стояла вплотную, тесно прижавшись к нему. Горячее дыхание обжигало щеку. Обернувшись, Шепард коснулся губами ее волос, мягких, чарующих, словно летняя ночь. Последовал страстный поцелуй, вселенная вихрем закружилась перед глазами.

Дальше – полное беспамятство. Провал. Сперва Шепарда забросило в созвездие Пегаса, потом в туманность Конской головы. Чередой промелькнули Плеяды... Кассиопея... Волосы Вероники... и чей-то голос неустанно повторял «Шеп, Шеп, Шеп». Путешествие оборвалось посреди М32. Шепард думал, что никогда не вернется на Марс, а возвратившись, испытал священный ужас.

Как будто осквернил чужую могилу. На обратном пути марсиане исчезли. Он собственноручно изгнал их, уподобившись лисам-вредителям.

Всю дорогу до дома оба молчали, даже мисс Фромм. У подъезда Шепард пожелал ей спокойной ночи и зашагал прочь. Довольно, он больше не желает ее видеть. Никогда!

Шепард направился напрямик к вокзалу. Пятнадцать минут отделяли его от полуночной электрички в прошлое. Томимый раскаянием, он точно призрак слонялся по пустынному залу.

Пока случайно не набрел на электронный стенд с объявлением:

В СВЯЗИ С НЕДОСТАТКОМ ПАССАЖИРОВ С ЗАВТРАШНЕГО ДНЯ ПРЕКРАЩАЕТ СООБЩЕНИЕ ДВОЙНОЙ ЭЛЕКТРОПОЕЗД, СЛЕДУЮЩИЙ ПО МАРШРУТУ ЭДОМ I – КРАСНАЯ СКАЛА – ЗАКАТ – ПЕСКИ – УГОДЬЯ – МОРЕНА – СУХОЕ РУСЛО – ЭДОМ II.

VII

Ошеломленный, Шепард перечитал объявление, но разум наотрез оказывался верить безжалостным строчкам.

Волшебное окно вот-вот захлопнется. Расставшись сегодня, они с Тандорой расстанутся навсегда.

Если расстанутся.

Сразу представились убогие земные города, потеснившие величественные руины, осквернившие их жилыми домами из стеклблоков и дешевыми забегаловками. Представились толпы псевдо-марсиан, пирующие на костях цивилизации, недостойные даже целовать ноги древних. Совсем скоро дети будут играть в бейсбол на полях, где прежде соревновались благородные марсиане. Совсем скоро на истертых каменных плитах некогда священных дворов появятся палатки с хот-догами; полуразрушенные классические фасады заслонят вычурные рекламные щиты; на месте храмов науки воздвигнут супермаркеты...

Представилось, как они с мисс Фромм слились в двуглавое чудовище прямо посреди философской апсиды. Содрогнувшись, Шепард сбежал на платформу и сел в пневмо-вагон 29-А. Под свист клапанов простился с современным Марсом, с мисс Фромм... и с собой прежним.

Тандора снова ждала в дверях, не выпуская из рук книгу со свежими пометками. За столом она не стала, как обычно, садиться напротив, а устроилась рядом, как можно ближе.

Шепард ощутил пьянящий аромат гиацинтовых волос.

Перелистнул железные страницы, благоговейно всматриваясь в стихи. Еще немного, и он сумеет их прочесть. Еще немного, и овладеет языком настолько, что сможет отправиться в город и получить работу. А после вернется с предложением руки и сердца. Женившись на Тандоре, он

вступит в долгожданный союз с древним Марсом, ибо Тандора и прошлое — единое целое.

Она продолжила урок. Налила вина. Потекли блаженные минуты. Внезапно Шепард заметил, что держит ее руку в своей. Неизвестно, когда Тандора успела перебраться к нему на колени, но в следующий миг боковая дверь распахнулась, и в комнату ворвались шестеро дочерна загорелых мужчин. Парочка в тот момент целовалась.

Тандора отстранилась, но осталась сидеть. Один из гостей наставил на Шепарда причудливую винтовку.

— Попался, дружок.

Шепард рассвирепел.

— Скажи своим братьям, что я намерен жениться на тебе, безо всяких принуждений.

— Это не братья, а мои супруги. Вот и объясняйся с ними.

Шепард резко высвободился.

— Какого черта...

— Урожай большой, а помощников не хватает ни в этом году, ни в следующем. Пришлось действовать старым проверенным способом — я заманила тебя сюда и скомпрометировала. Рабочую силу днем с огнем не найдешь. Будешь трудиться на совесть, получишь долю в хозяйстве. Потом — процент с каждой собранной корзины винограда. А собрать нужно много. С этими уроками мы и так выбились из графика.

Шепард разинул рот. Вот почему она так рвалась учить его. Вот почему не спрашивала, откуда он родом. Тандора видела в нем лишь батрака и временного супруга — не более того.

Под маской возвышенной поэтессы таилась полигамная мещанка. Даже книга предназначалась не для стихов, это

был гроссбух для сведения дебета с кредитом.

Превозмогая отвращение, Шепард поднялся. Комната вдруг показалась жуткой... жуткой, убогой, отталкивающей. Не зря говорят, будто развалины Рима обманчивы, ибо сделаны из камня, неподвластного времени. Прочие, заурядные постройки пали жертвой огня, хроноса и навеки исчезли с лица земли. Неужто эта истина верна и для Марса?

Похоже на то. Все лучшее марсиане запечатлели в камне, а худшее — в глине и кирпичах. На одно величественное, незабываемое здание приходилась тысяча сгинувших лачуг.

То же самое с людьми. На одного философа цивилизация порождает тысячу ростовщиков. На одного святого — тысячу грешников. На одного поэта — тысячу мещан.

Но в этом — суть мироздания. Залог выживания любой цивилизации. Чтобы выжить, нужна основа, а основа заключается в экономике, которая зиждется на таких, как Тандора с ее многочисленными мужьями. На людях, подобных ему и мисс Фромм. На владельцах дешевых забегаловок и стяжателях. Храмы науки есть и на Земле.

Пусть так, но он не собирается платить за истертые плиты, по которым бродили марсианские мыслители.

Шепард попятился к двери. Мужчина с винтовкой мгновенно преградил ему путь.

Выход один. Не мешкая, Шепард выскочил в окно и, преследуемый мужьями Тандоры, бросился наутек. На вокзале чудом успел запрыгнуть в пневмовагон 29-А, точнее его древнемарсианский аналог. Двери захлопнулись, оставив преследователей с носом.

В Песках он уныло поднялся по лестнице и замер под куполом. Его одурачили, но что куда хуже — опустошили.

Всякий раз, глядя на древние руины, он будет вспоминать о коварной Тандоре и ее подручных-мужьях, о горделивых башнях и многочисленных постройках, что на поверку безобразней новых зданий, воздвигнутых на обломках минувшей эпохи.

Подавленный, он зашагал к дому. Отворил дверь. Снял пальто и потянулся за бутылкой.

Звонок видеофона застал его со стаканом в руке. В следующий миг на экране возникло лицо самой прекрасной женщины на свете. Поначалу он даже не понял, чье именно, пока не увидел знакомую щербинку между зубами.

– Привет, Шеп.

– П-привет. Я думал, ты уже спишь.

– Не могла уснуть, не поговорив с тобой. Звоню уже в третий раз.

– Я ходил... ходил прогуляться.

– Тоже не спится?

– Вроде того.

– Во сколько завтра ужинаем? Как-никак воскресенье.

И правда.

– Наберу тебя в час.

– Хорошо, буду ждать. Кстати, Шеп?

– Да?

– Ты заметил?

– Заметил что?

– Что я еще девст...

– Мисс Фромм!

Она широко улыбнулась.

– Спокойной ночи, Шеп.

– Спокойной ночи, Рут.

Связь прервалась. Экран потух. Шепард осушил бокал, разделся, лег и погасил свет.

Долго ворочался в темноте. Думал, размышлял. С мисс Фромм нужно что-то решать.

Наконец он решил. Взял и женился на ней.

СУББОТА

I

Звали его Робинзон, а фамилия – нет, не Крузо, Фини. Для друзей просто Робин.

В тот момент, когда из мутных глубин моря времени на «Запоздалого» обрушился хроношторм, Робин, свесившись с кормы в магнитной люльке, изучал неполадки во втором двигателе. При виде надвигающейся бури он успел вынуть из кармана и стиснуть миниатюрный хроностимулятор, и в следующий миг шторм подхватил его и унес в круговорот синевы, пятен и пестрых завитков.

По иронии судьбы, каковой так славятся хроноштормы, «Запоздалый» поплыл дальше целый и невредимый.

Перед лицом неминуемой смерти Робин утешался тем, что родился бедняком, жил бедняком и рано или поздно помер бы бедняком. Однако контрмеры не понадобились: помимо орлиного взора шторм обладал и добрым сердцем и, помотав нашего героя, благополучно опустил на СУШУ.

Точнее, на Суррогатный Широтный Артефакт.

Робин сразу же сообразил, куда его занесло. Хватило одного взгляда на безоблачное небо, где бок о бок сияло множество солнц, создавая иллюзию огромного светила. Такое явление возникает при орбитальном смещении Земли и наличии сразу нескольких широт – это Робин знал точно.

Поднявшись на ноги, он внимательно исследовал окрестности. Берег оказался вовсе не берегом, а кромкой временного отрезка. За ним, насколько хватало глаз, простиралось море, похожее на распушившийся конец облачной пряжи. По сути, СУША приравнивалась к небесам – один прыжок, и ты на Земле. Вопрос только, куда и когда приземлишься. Может, в Микены шестнадцатого века до нашей эры, или на Таймс-сквер середины пятидесятих двадцатого столетия. Но скорее всего – в глубины Тихого океана уже неважно каких времен.

Впрочем, не все так плохо. В кармане покоится хроно-стимулятор, который нужно лишь хорошенько почистить, плюс велик шанс, что среди многообразия временных отрезков, образующих СУШУ, найдутся материалы для постройки плота. Конечно, СУША может исчезнуть в любой момент, но может и простоять много веков.

Наконец Робин перевел взгляд с моря на ближайший отрезок – плоскую равнину около полутора километров в ширину и двух в длину. Повсюду валялись копья и щиты. Первые явно относились к древнегреческому периоду, а вторые – к империи Ахеменидов. По антуражу Робин безошибочно признал Марафонскую долину – мизансцену исторической

битвы, когда афиняне и платейцы разгромили вражескую армию персов, в десятки раз превосходящую их по численности.

За долиной вместо исторических гор высился зеленый холм – знаменитый Холм 29, откуда капитан «Айдахо» Мерфи наблюдал за ходом Третьей мировой войны.

По левую сторону катило свои волны море. Справа лежали еще два временных отрезка. Первый – узкая полоса леса, граничащая с побережьем, второй – широкое пространство с редкими деревьями и зловещими замками, примыкающее к долине и Холму.

Первым делом Робин решил исследовать лес. Высокие ровные клены, березы, дубы и вязы теснились другу к другу, их густые кроны не пропускали даже лучика света, сохраняя внизу прохладу. У каждого временного отрезка свое солнце, но ввиду их тесного соседства погода на разных участках СУШИ всегда одинаковая.

Гуляя по лесу, Робин набрел на деревушку американских индейцев: двадцать «общих домов» в стиле Каменного века, повсюду – следы межплеменной битвы, которая, может, и не вошла в историю, но сохранилась в подсознании потомков, чьи предки пали в том бою.

В ближайшем строении не было ни души (чего и следовало ожидать: эндемические формы жизни на СУШЕ ограничивались мейофауной), только в углу пылился солидный запас индейской кукурузы. Робин предположил, что среди многообразия временных отрезков наверняка найдется пища поинтересней засохших початков, поэтому не стал ничего брать.

Остаток дня (наручный календарь часов показывал субботу) и весь следующий день он провел, исследуя остров. Всего отрезков оказалось двенадцать: Марафонская долина 490 года до нашей эры; лес американских индейцев шесто-

го века нашей эры; Холм 29 от 1988 года; территория с многочисленными замками, принадлежащая эпохе короля Артура; Ковентри времен скандального променада леди Годивы; Минос двухтысячного года до Рождества Христова; Рубикон 49 года до нашей эры; земля Гренделя (точнее, место схватки Беовульфа с монстром) пятого века нашей эры; Ясная поляна (имение Льва Толстого) начала двадцатого столетия; первая закусочная Макдугала 1972 года; стоянка подержанных машин Добряка Джорджа 1974 года (Робин сразу бы не угадал последние два места, выручили таблички над входом); и наконец Город будущего из грядущих времен (тут Робин поначалу растерялся, но предположил, что отдаленные постройки в форме девятки образуют поселение).

Мало-помалу в голове сложилась карта острова.

В большинстве случаев отрезки сохранили лишь главные достопримечательности. Незыблемыми остались только «Добряк Джордж», «Макдугал» и Ясная поляна.

Особенно порадовал «Добряк Джордж». Во-первых, своим соседством с хлебосольным «Макдугалом», а во-вторых, на стоянке была уйма материала для постройки плота. Вдобавок, в автомобилях обнаружили инструменты, а в ветхом фургоне «шевроле» — ацетиленовая горелка, канистры и миниатюрный сварочный аппарат.

Ясная поляна выходила прямо на море, но из-за обилия растительности Робин решил запускать плот с Марафонской долины. Путь туда лежал через владения короля Артура — по виду безобидные, а по факту безопаснее Миноса.

Как и на большинстве стоянок, с проводов здесь свисали пестрые пластиковые флажки. В углу виднелся дощатый домик, где располагалась контора и туалет. В конторе стоял стол, два стула, раскладушка, валялась куча всякой всячины. На стене у двери поблескивал распределительный щит, подсоединенный через пятимерное пространство к классическому источнику питания. Каждый раз с наступлением темноты автоматически включались четыре огромных уличных прожектора. По тому же принципу работали краны в туалете и закусочной Макдугала, на въезде бесперебойно качали отменное топливо две колонки.

Робин наскоро соорудил во дворе душ, снятыми с машин отопительными шлангами подключил его к холодному крану, помылся и принялся за работу. В поисках деталей пришлось основательно разграбить «бьюик-ривьеру» семидесятого года, «шевроле бел-эйр» семьдесят второго и «форд-торино» шестьдесят девятого. На все про все ушло пять дней. На шестой (восьмой с момента прибытия на СУШУ) Робин отправился на поиски кварца.

Только к ночи удалось отыскать на прибрежной стороне Холма 29 нужную породу. Отковыряв кусочек, Робин сунул его в карман и уже собрался возвращаться, как вдруг взгляд

его упал на море. Сердце радостно екнуло. К СУШЕ приближался корабль.

Крошечный по сравнению с другими судами, его хронолопасти – точнее, паруса, – казались непропорционально большими. Похоже, корабль появился лишь секунду назад, иначе сразу бы попал в поле зрения. В следующий миг он причалил к кромке Марафонской долины и замер.

Мореплаватели боялись СУШИ как огня из-за ее эфемерной природы и навигационных ловушек. Ошарашенный Робин не верил своим глазам. Тем временем носовая часть открылась, и на берег высадилось семеро пассажиров. Один, судя по всему, пленник.

II

Во времена Робинзона Фини люди толком не догадывались, что такое СУША, но строили на этот счет всевозможные теории. Одна из них, которой, собственно, и придерживался наш герой, на поверку оказалась верна.

Суть ее состоит в том, что коллективное бессознательное неразрывно связано с пространственно-временным континуумом; возникая, память рода материализуется в форме временного отрезка на так называемой поверхности так называемого моря времени. Аналогичным образом, если память рода по какой-либо причине исчезает, исчезнет и сопутствующий ей отрезок, а вместе с ним, по ряду физических факторов, исчезнут прочие составляющие СУШИ. Следовательно, ее жизнеспособность невольно зависит от жизнеспособности самого слабого компонента.

Процесс возникновения временного отрезка можно сравнить с проектором, создающим картинку на экране, только в роли проектора выступает коллективная память человечества в определенный исторический момент, а экраном

служит поверхность моря времени. Разумеется, аналогия упрощена до предела, но лишь путем максимального упрощения можно постичь сложные феномены. Несмотря на то, что мы имеем дело с пятимерным пространством, а воображаемая комната, где помещается воображаемый проектор, представляется четырехмерной (за четвертое измерение примем время), такая аналогия позволяет понять суть временных отрезков и, как следствие, СУШИ. Но не стоит забывать, что наша четырехмерная иллюзия в действительности подразумевает пять измерений, а экран охватывает настоящее, прошлое и будущее и не подчиняется законам земной реальности. Кроме того, наш проектор – лишь один из многих в длинной череде проекторов, простирающейся из прошлого в будущее.

Данный ликбез объясняет: 1) почему при наличии только одной поверхности временной отрезок сопоставим с классическим пространством; 2) почему историческая хронология не играет роли в формировании СУШИ; 3) почему многие исторические места и события, присутствующие в человеческой памяти, отсутствуют на условной поверхности условного моря времени.

Наконец, нестыковки, возникающие при виде СУШИ, напрямую обусловлены нашими предпосылками. Рассматривай мы данные явления сугубо с точки зрения единства сезонов, при этом памятуя о трехмерной природе географии, этих вопросов удалось бы избежать. Добавим, что вне зависимости от причины, объединяющей временные отрезки, на СУШЕ с момента ее появления устанавливается двадцатичетырехчасовой цикл, где день и ночь бесконечно повторяются. Иначе говоря, время как бы идет, но и как бы замирает.

Естественно, Робин страшно обрадовался кораблю. Но радость не возобладала над врожденной осторожностью, поэтому вместо того, чтобы рвануть с Холма навстречу гостям, он затаился под деревом и стал наблюдать.

Незнакомцы стройной колонной двигались в сторону леса. Одни тащили мешки, другие – коробки. Пленник шел без поклажи, но все равно с трудом поспевал за остальными, поскольку был вдвое меньше ростом.

Когда колонна миновала половину пути, носовая часть судна захлопнулась; подняв паруса, корабль отчалил от берега и мгновенно скрылся из виду.

Робин подавленно смотрел ему вслед. Фини вечно везло как утопленнику. Хотя отчаиваться рано – корабль наверняка вернется за пассажирами. А тем временем можно познакомиться с новоприбывшими и выторговать себе место на судне. Хотя сперва нужно выяснить, зачем их занесло на СУШУ.

Путники пересекли равнину и вошли в лес. Солнце уже клонилось к закату, и Робин решил подождать темноты. В сгущающихся сумерках над кронами деревьев поднялся дымок – похоже, гости успели разбить лагерь. Робин спустился с Холма во владения короля Артура и крадучись направился к лесу.

Наступила ночь, на небе зажглись мириады звезд. Мириады в буквальном смысле, собранные с широт всех двенадцати временных отрезков. Серебряный полумесяц луны, как и солнце, сиял сразу в дюжине мест.

Петляя среди стволов, Робин осторожно двигался на мерцающий огонек и вскоре очутился на окраине индейской деревушки. Подобравшись ближе, он высунулся из-за угла «общего дома». Перед самым большим жилищем – не тем, где хранилась кукуруза, – ярко полыхал костер. Робин мигом пожалел, что не зашел сюда раньше – по-видимому,

здесь у гостей помещался штаб, а сами они на СУШЕ не впервой.

Над костром, на самодельной треноге, бурлил большой черный котел. В отблесках пламени шестеро мужчин громкогласно спорили вокруг сверкающей груды колец, браслетов, амулетов, ожерелий, брошек, сережек и прочих украшений.

Чуть поодаль стояла привязанная к дереву девушка.

Медная копна волос, янтарные глаза. Тонкие черты лица поражали силой. Брови напоминали перелетных ласточек.

Ее шелковое платье было либо ультрасовременным, либо жутко старомодным. Золотистый подол спускался до земли, прикрывая ноги в золотистых сандалиях. Местами ткань зияла дырами, словно кто-то вырвал расшитый орнамент. Покосившись на грудку драгоценностей, Робин различил пару мерцающих блесток.

Внезапно его осенило. Все эти украшения негодяи сорвали с пленницы!

Он внимательно присмотрелся к похитителям. Те общались на странном наречии, состоящем главным образом из мычаний и похрюкиваний – не разобрать ни слова. Все как один высокие, смуглые. Одетые во что-то наподобие шароваров, лохмотьями свисающих ниже колен. Спутанные черные космы падают на глаза. Лица чисто выбриты или безволосые от природы – что вернее. В носу болтаются пластиковые кольца, зубы черные – то ли от образа жизни, то ли от краски, – и остро заточены на концах. У каждого на поясе сабля.

Пираты? Каннибалы? Мародеры? Разбойники? Робин мысленно окрестил их «мразбойниками».

Второй вопрос, из какой они эпохи. Не из нынешней точно. И вряд ли из прошлой – Робин таких не припоминал. Может, из будущего? Чепуха. С будущим не контактировал

никто и никогда.

Тем временем похитители, забыв про дележку, сгрудились вокруг котла и поочередно выуживали оттуда огромные куски мяса, которые мгновенно исчезали в оскаленных ртах. Пиршество сопровождалось громким чавканьем и одобрительными возгласами.

Пленница наблюдала за ними с нескрываемым отвращением. Вскоре один из мужчин, настоящий великан с нечесаной гривой, взял кусок мяса и шагнул к дереву. Ущипнув пленницу за щеку, он поднес угощение к ее губам – и чуть не лишился пальца!

С диким воплем он замахнулся, но ударить не осмелился. Пленница ответила таким негодующим и дерзким взглядом, что великан поспешил оставить ее в покое.

Впрочем, ненадолго, в этом Робин не сомневался.

Он тяжело вздохнул. Только Пятницы в женском обличье ему и не хватало. Свалилась как снег на голову.

III

Из деревни Робин побежал в лес. Набрал побольше хвороста и сложил на равнине огромный костер. Сухое дерево быстро занялось. Минут пять Робин носился вокруг с криками команчей, а после юркнул обратно в лес.

Извилистыми тропами добрался до деревни, стараясь не шуметь. Но осторожность оказалась излишней: громко топая и заглушая все вокруг, похитители ломились через заросли напрямик на равнину.

Как и предполагал Робин, один из них остался сторожить лагерь. Тот самый «добрый самаритянин», что пытался накормить пленницу. Сейчас он подбадривал себя содержимым большой кружки и похотливо косился на девушку из-под косматой челки.

Робин подобрал увесистый бульжник и с силой опустил на затылок «самаритянина». Тот выронил кружку и рухнул как подкошенный.

Выхватив чужую саблю из ножен, Робин одним махом разрубил удерживавшие пленницу путы. Удивление в ее глазах при виде поверженного мучителя сменилось надеждой. Однако вопреки ожиданиям она не бросилась спасителю на шею, а принялась торопливо нанизывать украшения на пальцы.

Робин схватил ее за руку и попытался поднять. Девушка резко отстранилась.

— Прочь! — выкрикнула она по-анатолийски. На этом языке некогда говорили в Малой Азии, в частности — в Лидии.

В голове у Робина раздался тихий звончок, но наш герой не успел уловить суть.

— Хочешь, чтобы тебя снова привязали к дереву? — рявкнул он.

Янтарные глаза расширились от его лингвистических талантов, но тут же сузились.

— Пусти! Я не уйду без своих драгоценностей!

— Ладно, возьмем их с собой. Потом наденешь, — проворчал Робин, скидывая пиджак.

Расстелил его на земле, быстро побросал туда украшения, связал концы и взвалил импровизированный мешок на спину.

— Идем, — скомандовал он, увлекая девушку в сторону владений короля Артура.

На сей раз строптивая красавица повиновалась, гонимая не столько здравым смыслом, сколько драгоценным мешком, — и оба беглеца устремились в лес. С равнины доносились вопли похитителей, которые, судя по всему, еще не раскрыли обман.

– Как тебя зовут? – на бегу спросил Робин и тут же представился.

Молчание длилось минуту. Робин уже отчаялся услышать ответ, как девушка вдруг произнесла:

– Манижа.

– Красивое имя. Откуда ты, Манижа?

Тишина.

– Ладно, не хочешь – не говори.

– Из Сард.

Сарды. В голове снова раздался звоночек, но такой же невнятный, как прежде.

– Зачем тебя похитили?

– Не знаю, мне не объяснили. Эти негодяи не только ведут себя как свиньи, но и хрюкают им под стать. Единственный, кто умел изъясняться на моем языке, остался на судне.

Робин помог спутнице перебраться через ручей, стараясь лишний раз не задерживать ее руку в своей.

– Хорошо. Ну а ты сама как считаешь, зачем тебя похитили?

– Чтобы завладеть богатствами моего отца, разумеется.

– Наверное, твой отец очень богат, – начал Робин и осекся.

Крики похитителей, совсем было стихшие, возобновились с новой силой и теперь звучали совсем близко. Похоже, дикари обнаружили пропажу.

– Скорей, – поторопил он Манижу. – За нами погоня.

Прибавив ходу, они очутились на стоянке Добряка Джорджа – оазис яркого света среди мрака ночи. Манижа побледнела от удивления и страха, но промолчала.

Робин быстро отвел ее в контору, велел не высовываться, а сам побежал к груде запчастей и принялся наскоро сооружать адаптер для электрического забора. Времени было в обрез: они с Манижей здорово наследили в лесу. Похитителям не составит труда отыскать беглецов.

Собрав адаптер, Робин вернулся в контору и подсоединил его к свободному гнезду распределительного щитка. Тут же валялись запасные предохранительные патроны и клещи. Чтобы долго не возиться в ответственный момент, Робин загодя поставил патрон вертикально, рядом положил клещи.

Манижа как ни в чем не бывало продолжила наряжаться и теперь смахивала на рождественскую елку. Поморщившись, Робин вновь принялся копаться в гряде деталей и вскоре соорудил пять заградительных опор. Первую установил на северо-западе стоянки, вторую и третью – в северо-восточном и юго-западном углах, а оставшиеся две – на юго-западе и юго-востоке парковки «Макдугала». Работа близилась к завершению, когда взгляд уловил движение во мраке, куда не дотягивался свет автоматических прожекторов закусочной.

Робин выпрямился и краем глаза заметил блеск сабли. Следом еще один. Мозг лихорадочно заработал. До конторы не добраться – слишком далеко. Нет, не успеть.

– Манижа! – закричал Робин. – В ящике на стене лежат щипчики и цилиндр. Подцепи щипчиками цилиндр, сунь его в гнездо, только не вздумай касаться. Слышишь?

Он прокричал инструкцию еще дважды. Черт, все равно не поймет. Куда ей! Сроду не видела ни патроны, ни клещи. Если каким-то чудом и сообразит, все равно как надо не подключить.

Пираты, мародеры, или как их там, стремительно приближались. Шесть силуэтов (по-видимому, «добрый самаритянин» пришел в себя) на всех парах мчались через Ясную поляну к закусочной. Не мешкая, Робин бросился в контору, на бегу выкрикивая спасительную инструкцию.

Внезапно на пороге возникла Манижа и гневно топнула ножкой.

– Подцепить. Сунуть. Не касаться. По-твоему, я глухая?

Робин затормозил, обернулся. Манижа и впрямь активировала забор. Под действием тока первого пирата отбросило назад, косматая шевелюра вспыхнула искрами. Второго постигла та же участь. За невидимым барьером раздавались приглушенные стенания. Четверо, правда, успели остановиться и кинулись поднимать товарищей. Наконец все шестеро растворились во мраке Ясной поляны. Все равно скоро вернутся и попробуют прорваться через забор.

Но Робин не волновался. Силовое поле этим дикарям не по зубам, сетка-рабица – вот их потолок.

Насвистывая, он подошел к конторе. Манижа по-прежнему стояла в дверях, драгоценности сияли и переливались в искусственном свете, взгляд устремлен в темноту, туда, где скрылись мразбойники.

– Жалкие трусы, – фыркнула она. – Никогда не сомневалась в этом.

Все украшения из импровизированного мешка перекачвали на владелицу. Золотые диски и броши, инкрустированные бриллиантами и рубинами, серебряные браслеты, амулеты из чистого золота, ожерелья из лазурита, изумрудные серьги, бриллиантовые кольца, золоченые пряжки... Робин начал понимать, какой куш намеревались сорвать похитители.

От догадки закружилась голова.

Конечно, беднякам такое богатство и не снилось, а вот отцу Манижи – вполне. Вдруг он владеет Малой Азией и даже оставил след в истории? История знала многих богачей – богачей и тиранов. Что если он и то, и другое?

– Манижа, кто твой отец?

– Царь Крез, – последовал ответ.

IV

Отец Робина был беден как церковная мышь и как-то сказал сыну: «Держись подальше от богатых сучек. Для них мы грязь под ногами».

А однажды посоветовал: «Сынок, если сумеешь, женись на богатой сучке. Все лучше, чем жить на пособие».

Словом, сплошные крайности.

Виной тому – его двоякое отношение к богачам. До самой смерти отец перебивался пособием, состоял в международном братстве иждивенцев, а потому инстинктивно считал толстосумов заклятыми врагами. Но будучи заложником общества, где поклоняются золотому тельцу, невольно восторгался их громадным состоянием.

В плане крайностей Робин превзошел отца. Не чуждый классовой ненависти, он не просто восхищался, а боготворил богачей. Крупица Оноре де Бальзака соседствовала в нем с толикой Скотта Фицджеральда и большой долей Горацио Элджера.

Нынешнее положение усугублялось трепетным отношением к слабому полу, почерпнутом из вестернов Зейна Грея, Джеймса Кервуда, Гарольда Райта и Чарльза Селтзера. Давным-давно прадед Фини купил эти книги на распродаже и с тех пор они навеки осели в семейной библиотеке.

Посему внезапное разоблачение девушки Пятницы вызвало у Роберта противоречивые чувства, но романтический ореол заглушил оба.

Зато все сразу встало на свои места. Теперь понятно, зачем негодяи приплыли на СУШУ – переждать, пока сообщники договорятся с Крезом насчет выкупа.

Следом мелькнула новая мысль.

– Манижа, они заставили тебя написать письмо отцу?

– Пытались. А когда я отказала, вырвали из волос греб-

ни, чтобы предъявить в качестве доказательства. Свины!

Вряд ли девушку планировали вернуть целой и невредимой. В благородстве похитителей Робин сомневался. Так или иначе, выход один – доставить пленницу в Сарды и желательно до того, как Крез заплатит выкуп.

Робин поделился намерениями с Манижей. В ответ та уперла руки в бока и ехидно поморщилась:

– Плыть в Сарды? Ха! Ты ведь не знаешь, в какой они стороне. Эти мерзавцы, – она кивнула в темноту, где скрылись похитители, – сами заблудились в тумане. Уверена, обратной дороги с этой окаянной горы им точно не отыскать. А тебе и подавно.

Робин даже обиделся.

– Ошибаешься. Мне известно, как попасть в Сарды. А главное известно, на чем. – Он указал на недостроенный плот, хотя в нынешнем виде тот не впечатлял. – Закончу и сразу верну тебя домой. Но от тебя требуется помощь.

Манижа расправила плечи, в янтарных глазах зажегся высокомерный огонек.

– Не знаю, из какой дыры ты родом, но такое платье носят горные пастухи в Мизии, а твои манеры под стать свинопасу с окраин Фригии. Дочь царя Креза никому не нанималась в рабыни. За дерзкие речи тебе следует проткнуть язык раскаленным шомполом.

Бедняга Робин растерялся. Вопреки логике, он и не подумал рассердиться, и вместо того, чтобы осадить нахалку, отчаянно захотел взять свои слова назад.

Сам виноват – зря не послушал отца. Держись пособия по безработице – и сохранишь достоинство, поучал Финистарший, и был прав. У профессионального иждивенца есть своя гордость, он никогда не позволит богатой сучке помыкать собой. Да, доходов у иждивенца мало, зато не нужно ломать голову, как заработать на хлеб – в отличие от

Робина, для которого независимость дороже денег. Хорошо, если у вольной пташки есть талант к торговле или денежной профессии. В противном случае приходится побираться и расплачиваться гордостью за независимость. Можно, как Робин, день и ночь зубрить языки, потом устроиться на корабль – и выяснить, что судовой лингвист, в придачу обладающий навыками превосходного механика, по статусу и заработку стоит чуть выше юнги.

Робин тяжело вздохнул. Не зря десять сестер и восемь братьев считали его паршивой овцой. Но сейчас выпал шанс реабилитироваться. Пусть он беден, как церковная мышь, а дочь Креза богата, как наследница сети супермаркетов, здесь она в первую очередь Пятница. Пора показать зазнайке кто в доме хозяин.

– Я проголодалась, – заявила Манижа. – Принеси мне поесть.

Решимость Робина как ветром сдуло. Спихнулся он лишь на полпути к «Макдугалу», но было уже поздно. Да ладно – выше головы не прыгнешь. В закускойной он приготовил кофе, картофель-фри, гамбургеры (запасов в морозильных камерах хватило бы островитянам на год), взял два подноса и посеменил в контору, умом понимая, что фаст-фуд – неподходящая пища для девушки из шестого века до нашей эры, наверняка побрезгует. Но вышло иначе. Манижа опустошила поднос, глазом не моргнув.

Судя по ее виду, красавице претит сидеть за одним столом со свинопасом, но она промолчала.

В лучших традициях Джеймса Кервуда Робин хотел сообщить, что уступает Маниже раскладушку в конторе, а сам переночует на стоянке, но девушка его опередила.

– Ступай прочь. Я ложусь спать.

Робин уныло поплелся в закускую, выбросил пустую посуду в мусорный бак, а после вернулся к «Добряку Джор-

джу». Отыскав более-менее просторный салон, устроился на ночлег.

Похитители объявились утром. Держась от забора на почтительном расстоянии, зловеще размахивали саблями. Робин и бровью не повел, задернул брезентовую ширму и с наслаждением шагнул под прохладный душ. Для полного счастья не хватало только бритвы (за несколько дней Робин успел порядочно обрасти). Он уже собрался выходить, как вдруг на пороге конторы, зевая, возникла Манижа. Робин поспешно оделся – благо, вещи висели неподалеку.

– Зачем ты льешь воду на голову? – полюбопытствовала Манижа.

– Старый обычай свинопасов, – огрызнулся он.

Девушка сдвинула ширму и с интересом заглянула внутрь.

– Смотри, поворачиваешь этот краник, и душ включается, – пустился в объяснения Робин. – Поворачиваешь в обратную сторону – выключается. Встаешь под емкость с дырочками. Вода, правда, холодная, и нет... нет (он так и не сумел подобрать анатолийский синоним к слову «мыло»).... В общем, попробуй – очень освежает.

– Ха! – фыркнула она. – Дочь царя Креза никогда не станет лить себе воду на голову.

Кто еще из них свинопас!

– Принеси поесть, – распорядилась Манижа. – Я голодна.

Робин сварил свежий кофе, поджарил гамбургеры и отнес завтрак в контору.

– Где же те дивные хрустящие галеты? – нахмурилась принцесса.

Галеты?

– Ты про картофель-фри? Сделаю на ужин. А пока мне пора за работу, – многозначительно произнес Робин.

Он убрал со стола и занялся плотом. Пираты по-прежнему толпились за забором и на каждый взгляд в свою сторону отвечали взмахом сабель. Потом забава им наскучила, и они скрылись за горными грядами Миноса.

Наступил полдень.

– Я голодна, – крикнула Манижа из конторы. – Принеси поесть.

Робин скрипнул зубами. Хороша Пятница! Хотя спас он ее в субботу, значит и звать надо Субботой.

Фини всегда везло как утопленнику.

Он чистил картофель, как вдруг краем глаза увидел Манижу, с любопытством посматривающую ему через плечо.

– Так готовят галеты?

– Это только первый этап. Давай покажу.

Он сунул ей в правую руку специальный нож, в левую вложил клубень.

– Смотри, поворачиваешь картошку и счищаешь кожуру.

Покончив с чисткой, Робин объяснил, как класть картофель в резку, а потом в проволочной корзине опускать в заранее разогретый фритюр. Затем настал черед гамбургеров и кофе. Манижа радовалась как ребенок, хлопала в ладоши, а когда кипящая вода из нижней сферы кофеварки таинственным образом перекечивала в верхнюю, у девушки вырвалось благоговейное «Ах».

Обедать решили в закусочной. После еды Робин показал, куда складывать грязную посуду, и снова занялся плотом. Жара усиливалась. Вскоре раздался плеск воды. Робин покосился на душ. На кольце, удерживающем брезентовую штору, болталось золотое платье. К ужину медные пряди еще не просохли, но были аккуратно расчесаны (Манижа явно утаила один гребень от мародеров) и влажной пелери-

ной спускались на плечи, мягко переливаясь во флуоресцентном свете закусочной.

Подобно своим собратьям, «Добряк Джордж» оказался тепловой ловушкой. Утром еще более-менее, но к полудню температура поднималась выше тридцати градусов, с моря временами дул разве что легкий бриз, да и тот не проникал через силовое поле. Словом, спрятаться от зноя было негде. Лишь на закате наступала заветная прохлада. Впрочем, прохлада – громко сказано. Единственную тень (не считая жалкого подобия от конторы и закусочной) отбрасывал могучий дуб, росший на границе Ясной поляны и забора.

Робин о прохладной сени мог только мечтать, поскольку трудился на самом солнцепеке, изредка прерываясь на перекус и отдых. Чего не скажешь о девушке Субботе. Та часами сидела под дубом в самодельном шезлонге из двух стульев и полировала свои драгоценности старым кусочком замши, найденном на стоянке. Утомившись, она с озадаченным видом бродила среди машин, бросая на них недоуменные взгляды.

Пару раз на дню объявлялись пираты. Тогда Манижа забавлялась тем, что показывала им язык. Оставив бесплодные попытки проломить невидимый кордон валунами, которые они скатывали с Холма 29, неудавшиеся похитители коротали время где-нибудь в тенечке и наблюдали, как Робин трудится в поте лица. Как будто на СУШЕ не было других развлечений.

Поначалу Манижа не проявляла к плоту ни малейшего интереса. Но когда тот начал приобретать ясные очертания, равнодушие сменилось любопытством. Однажды, когда столбик термометра перевалил за тридцать пять, она подошла и спросила Робина, что именно он строит.

Не веря своим ушам, тот мигот вынырнул из-под палубного настила, к которому пристраивал собранный накануне вечером датчик давления.

— По-моему, я уже говорил. На этой штуке мы попадем в Сарды.

— Говорил, но не сказал, как она называется.

— Плос.

Манижа в недоумении огляделась.

— Но воды-то нет.

— И не надо, это особый плос.

— Мы поплывем на нем?

— Верно.

— Ха-ха!

— Над забором ты не смеялась.

— Над каким забором?

Робин кивнул на пиратов, блаженствующих в тени валуна:

— Тем, что не позволяет негодьям проникнуть сюда, порубить меня на фарш, а тебя уволочь в лагерь.

Манижа сощурилась.

— Не вижу никакого забора.

— Конечно, он же невидимый.

Она уперла руки в боки и свысока посмотрела на Робина.

— Ты весь грязный.

От неожиданности он забыл, что родился, вырос и умрет бедняком, а перед ним стоит дочь богатейшего человека в истории.

— Конечно, грязный. А еще устал и хочу пить. А знаешь, почему? Потому что вкалываю целый день как проклятый, чтобы увезти тебя с этой окаянной, как ты выражаешься, горы.

Девушка застыла изваянием, потом, не говоря ни слова,

развернулась и скрылась в дверях конторы.

Испугавшись собственной выходки, Робин снова нырнул под днище и принялся орудовать торцевым ключом. Внезапно во дворе появилась Манижа с бумажным стаканчиком в руке. Робин разинул рот. В следующий миг громоздкая конструкция плота заслонила обзор, виднелись только девичьи ноги в золотистых сандалиях.

– Ты собираешься вылезти и утолить жажду? – послышался негодующий голос. – Или ждешь, чтобы я тебя напоила?

Робин поспешно выбрался наружу, осушил стаканчик и вернул благодетельнице.

– С-спасибо, – промямлил он и наклонился, чтобы лезть обратно, но Манижа его остановила.

– погоди. Ты забыл инструмент.

Она протянула ему ключ.

– С-спасибо, – снова промямлил Робин.

Несколько минут он возился с датчиком в полной уверенности, что Манижа давно ушла. Однако та никуда не делась. Она внимательно изучала стартовый ускоритель, который Робин зафиксировал заранее и даже просверлил дырки для болтов, но не успел прикрепить.

– Будь у меня инструмент, я сумела бы прикрепить эту странную штуку, – выпалила она, когда Робин выполз обратно.

Он молча передал ей гаечный ключ. Остаток дня они проработали бок о бок. К вечеру Манижа вся перепачкалась, костяшки пальцев сбились, а роскошное платье задубело от грязи.

– Завтра встану чуть свет готовить завтрак. Так скорее закончим.

Дни сменяли один другой. Робин начал волноваться, что выкуп подоспеет раньше, чем они достроят плот. Манижа явно разделяла его опасения и как-то вечером, сидя в конторе Добряка Джорджа, спросила:

— Ро-бин, когда мы отплываем в Сарды?

Тот оторвался от хроноблока, который мастерил тут же за столом.

— Ты вроде сомневалась в моих способностях найти дорогу.

— Если бы сомневалась, стала бы я тебе помогать?

Робин вновь сосредоточился на блоке.

— Наверное, нет. Надеюсь, через пару дней отчалим.

Повисла короткая пауза.

— Зачем ты так торопишься отвезти меня к отцу?

— Там твой дом, — последовал лаконичный ответ.

Пауза затягивалась. Наконец:

— Уверена, отец наградит тебя по-царски.

Такая мысль даже не приходила ему в голову!

— Я делаю это не ради выгоды.

— Никто и не спорит.

Робин поднял взгляд. Тем вечером по традиции, заведенной с первого рабочего дня, Манижа сняла с себя украшения, тщательно отполировала, а после душа нацепила вновь. Только сегодня блеск самоцветов почему-то не резал глаз.

— Наверное, дочь Креза считает меня полным идиотом.

— Такого я тоже не говорила! Перестань за меня додумывать! И вообще, пора спать.

Она не выставила его за дверь с криком «прочь!», но Робин все понял без слов. Поднялся, молча собрал инструменты. Рано или поздно он привыкнет к ее капризам, с недав-

них пор они раздражали все меньше. А впрочем, привыкать не придется, ведь через пару дней они расстанутся навсегда.

Он шагнул за порог.

– Спокойной ночи, Манижа.

– Спокойной ночи, Ро-бин.

С утра к ним нагрянул гость. Точнее, целых девять – шестеро из лагеря, плюс двое парламентариев и еще один.

Собственно, нагрянул именно девятый, остальные просто наблюдали.

Незнакомец встал вплотную к забору, прикрепил к нему миниатюрный передатчик – тот как по волшебству завис в раскаленном мареве буквально в десятке сантиметров от его рта.

– Меня зовут... (Робину почудилось «Угольщик»), – представился гость на английском конца двадцатого столетия, прашуре современной речи. – Простите, что вторгаюсь в ваши владения, но мною движет острая необходимость как можно скорее урегулировать сложившийся конфликт. Уверен, вы сочтете мои условия вполне приемлемыми, если не сказать щедрыми.

Ростом он уступал своим товарищам, хотя был из той же породы. Густые черные волосы обильно напояжены чем-то жирным, чуть ли не смазкой для осей, и разделены на ровный пробор. Смоляные пряди свисают на плечи и загигают концами вверх. Наряд Угольщика состоял из желтого жилета, ядовито-зеленых галифе, черных псевдо-кожаных гетр и черных узких ботинок с острыми носами. Никаких колец. Вместо заточенных, почерневших зубов – белоснежная улыбка, которая то появлялась, то исчезала, точно под действием невидимого выключателя.

– Что за условия? – насторожился Робин.

– Вы отдадите нам девушку со всем, что на ней есть, а мы помогаем вам выбраться с СУШИ. – Улыбка Угольщика вспыхивала и гасла, словно лампочка. – Как президент скромного, но весьма влиятельного профсоюза «Братство инженеров пятого измерения», я уполномочен (вспышка улыбки) предложить следующее: вы передадите нам дочь царя Креза со всем ее имуществом, а мы взамен доставим вас на родину вне зависимости от ее местонахождения.

Робин ошарашенно молчал.

– Я только что из Сардов, – продолжал Угольщик, – где провел несколько дней (вспышка) за столом переговоров с самим царем. К величайшему сожалению (вспышка), нам не удалось достичь консенсуса.

Стол переговоров? Консенсус? Теперь понятно, почему Угольщик выбрал для диалога английский двадцатого столетия. Помимо универсальности язык изобилует размытыми формулировками, в результате носитель мог с легкостью оправдать самое безобразное действие и, не погрешив против истины, выставить события в выгодном для себя свете.

Угольщик далеко не первый вымогатель, усевшийся за стол переговоров. Вопрос, почему Крез отказался платить выкуп.

– Наверняка царь предложил достойную альтернативу, – осторожно заметил Робин.

– Нет. Он решительно отказался компенсировать наши труды.

Робин не поверил своим ушам.

– Но почему?

– Сказал (вспышка), что предмет торга его более не интересует ввиду наличия целого ряда доступных аналогов. Объект, мол, в своем упрямстве и тщеславии (вспышка) со-

рвал несколько выгодных сделок по слиянию капитала с соседними странами, а посему не представляет для царя больше ценности. В итоге (вспышка) наш профсоюз лишился честно заработанных денег, что вынуждает нас искать иные источники дохода (вспышка).

— Насчет драгоценностей понятно, но зачем вам девушка? — недоумевал Робин.

— За нее (вспышка) дадут хорошую цену на вавилонском невольничьем рынке. А вам в благодарность за сотрудничество предоставят бесплатное место на судне. В качестве дополнительного бонуса (вспышка) могу предложить очаровательное колечко с ее левого мизинца.

Робин чувствовал, что вот-вот взорвется, но сдержался.

— Мой ответ «нет».

Угольщик заморгал.

— Боюсь (вспышка), мы не в силах предложить больше. Фонды профсоюза исчерпаны и нуждаются в немедленном пополнении. Согласитесь (вспышка), девушка и комплектующие принадлежат нам по праву. Вы же нас обокрали (вспышка) и по-хорошему не заслуживаете никакой награды.

Робин с трудом сдержал негодование.

— Никто не вправе распоряжаться Манижей и ее имуществом.

В ходе беседы Угольщик то и дело поглядывал на плот, и внезапно ткнул в него пальцем.

— Вы ведь не рассчитываете покинуть СУШУ на этом?

Терпение Робина лопнуло.

— Будь я твоим начальником, уволил бы сию же секунду, — отчеканил он. — Знаешь, почему? Из-за дурацкого пробора!

Правом расчесывать волосы на любой манер трудящиеся дорожили больше, чем сверхурочными. Угольщик не

стал исключением. Напускное хладнокровие как ветром сдуло. Он побледнел и яростно затряс кулаком.

— Грязная (вспышка) капиталистическая свинья! Ты грабишь бедняков! Отнимаешь (вспышка) у детей последний кусок хлеба. Крадешь из кармана честных тружеников! Грязная...

Сообразив, что переговоры не увенчались успехом, «доблестные пролетарии» бросились на выручку вождю. Опасаясь, как бы тот в пылу монолога не наварлся на забор, они подхватил его под руки и, забыв про передатчик, уволокли прочь. Вскоре компания растворилась среди скал Миноса, эхо гневных речей смолкло.

Робин с Манижей переглянулись.

— О чем был разговорили, Ро-бин?

— Мерзавцы требовали твои драгоценности. Я сказал, что не отдам.

— Наглые свиньи! Им ведь заплатили выкуп, разве нет?

У Робина язык не повернулся сказать правду. И потом, что если Угольщик соврал? А если нет? Благородно ли везти Манижу в Сарды и бросить там на произвол судьбы?

Но если не в Сарды, то куда? На СУШЕ оставаться нельзя, к себе домой дочь Креза не приведешь. Старику Фини она, может, и понравится, а вот многочисленные братья и сестры, что ютятся под одной крышей вместе со своими семьями и считают каждую копейку пособия, возненавидят ее с первого взгляда за одни только украшения.

Робин тяжело вздохнул. Столько проблем разом!

— Насчет выкупа не знаю. Поживем — увидим. А пока за работу. Если повезет, к утру отчалим.

Девушка не стала возражать. Наскоро позавтракав, они занялись плотом. И вот какая странность: не обладая ни малейшими познаниями в механике, Манижа всегда умудрялась подать нужный инструмент и подсобить там, где тре-

бовалось. Вдобавок она взяла на себя всю стряпню, и теперь ничто не отвлекало Робина от работы.

Вопреки опасениям, похитители больше не объявлялись. Но Угольщик не шел у Робина из головы. Угольщик и корабль. У первого есть мозги, у второго – оружие посерьезней сабель, и наверняка пришвартован он недалеко от Миноса.

Очевидно, Угольщик не разбирался в магнитных полях, иначе бы давно деактивировал барьер. Это во-первых. Во-вторых, даже если на борту найдутся газовые гранаты и их перебросят через ограду (высотой, на секундочку, под два метра) в надежде вывести обитателей парковки из строя, все равно толку не будет.

Как вариант, Угольщик дождетсЯ, пока Робин разблокирует забор и вместе с девушкой Субботой попытается покинуть СУШУ. Ночь прошла без происшествий, что только подтверждало страшную догадку.

VI

К рассвету плот представлял собой поистине грандиозное зрелище.

Колеса с белыми шинами, герметичная палуба. По левому и правому борту – два иллюминатора, над тщательно закрытым носом – широкое окно. Другое, еще шире, на корме. Каждое – из ударопрочного стекла, которое поднималось и опускалось специальными рычагами. Просторная рубка вела в пассажирский отсек, где стояла мягкая кушетка на случай, если Манижа устанет и захочет прилечь.

Хроноблок помещался напротив кресла пилота, аккуратно под панелью управления; пролегающие под палубой толстые изолированные кабели соединяли его с передними и задними стержнями эквильатора и пластинами интерометра

по левому и правому борту. Самый оптимальный вариант для Сардов шестого века до нашей эры. Как только они с Манижей доберутся до моря, надо лишь выключить двигатель и активировать систему.

Двигатель Робин целиком снял с «форда-турино», но существенно модернизировал: добавил лошадиных сил, сократил эмиссию — неслыханное дело по меркам двадцатого столетия и сущий пустяк для любого современного механика.

Нос украшали четыре фары, по две с каждого бока, еще шесть приходилось на корму. Венчали конструкцию два штормоотвода — их Робин смастерил из старых номерных знаков 1974 года, найденных в багажнике, и замкнул на стержнях эквильатора.

Напоследок они с Манижей по очереди приняли душ, позавтракали в «Макдугале», упаковали в дорогу кое-какой еды и пятилитровый термос кофе. Потом Маниже взбрело в голову приготовить побольше «хрустящих галет», чтобы угостить сестер. На борт поднялись только ближе к полудню. Похитители так и не объявились, но наверняка наблюдали за стоянкой с вершины Холма.

Воздух наполнился мягким рокотом восьмицилиндрового экологически чистого двигателя внутреннего сгорания мощностью 420 лошадиных сил. Робин порулил на заправку. Потом, с полным баком топлива, подъехал вплотную к конторе, шмыгнул внутрь и, разблокировав забор, опрометью кинулся обратно. Задраив все двери, пристально оглядел окрестности. Похитители как сквозь землю провалились.

Робин направил плот во владения короля Артура, намереваясь обогнуть Холм 29. Рессоры не подвели — амортизация была такой, что пассажиры почти не чувствовали кочек. Главное, не застрять — слишком низкая ходовая, что немуд-

рено, учитывая конструкцию старых автомобилей.

Впереди показалась нужная дорога. Робин не мешкая свернул. Плот прибавил скорости. Манижа зачарованно ахнула:

– Отец бы полцарства отдал за такую колесницу!

Не сводя глаз с дороги, Робин каждую минуту ждал нападения. Вряд ли дикари рискнут громить плот – чего доброго покалечат Манижу и собьют цену на невольничьем рынке, – а вот вывести механизм из строя наверняка попытаются.

Однако тех и след простыл. Тем временем, путники благополучно добрались до Марафонской долины и болота, которое простиралось от восточной стороны леса до подножия Холма 29. Робин не подозревал о существовании болота, поскольку никогда не забредал в эту часть СУШИ, а издали трясина ничем не отличалась от других земель.

Он колесил взад-вперед в надежде отыскать хоть какую-нибудь лазейку, но увы.

Снова везет как утопленнику.

– Почему мы разворачиваемся? – встревожилась Манижа.

– Тупик. Попробуем найти другой путь в Сарды, – пояснил Робин, предвкушая ехидный комментарий. Но девушка промолчала.

Оставалась надежда на Ковентри, правда, путь туда лежал через обширные владения короля Артура. По счастью, вдоль леса американских индейцев тянулась широкая тропа, ведущая на возвышенность, усеянную зловещими замками. На середине тропа обрывалась, и начинался кошмар: лошины, ухабы – ни повернуться, ни развернуться. Но вот впереди замаячили дома. Получилось! Они у цели.

Плот медленно подкатил к городу с хитросплетением улочек, где так легко устроить засаду. И ладно засада, но

тут дома стояли почти вплотную друг к другу – не проехать, даже втиснуться не удастся.

Раздосадованный, Робин порулил к Ясной поляне. Дорога была сухой пыткой. На месте выяснилось, что единственный путь к морю преграждают поваленные деревья.

Похитители постарались, как пить дать. Тоже зря времени не теряли, трудились ночь напролет, а забор поглотил все звуки.

Каким-то чудом Робин сумел вернуться на стоянку. Понимая, что проехать через Минос не удастся, он снова залил топлива и направил плот к земле Гренделя. Там ждал очередной кошмар: узкие тропы, где не пройдет даже повозка, топи, мрачные холмы и непролазные чащи. За первые двое суток пребывания на СУШЕ Робин основательно изучил ее, но изучил как пешеход, а он, как известно, водителю не товарищ.

Кое-как выбравшись из очередной колеи, плот затормозил перед крепостью с орнаментом в виде оленьих рогов на фронтонах. Вот он, легендарный Хеорот, где Беофульф сразил чудовище Гренделя. Близился полдень, Манижа выразительно посматривала на сложенные в каюте припасы. Робин припарковался в тени замка и, бросив вороватый взгляд по сторонам, выбрался наружу.

– Манижа, не хочешь перекусить?

Дважды просить не пришлось.

Они обедали под вечно хмурым небом Хеорота, корма служила им столом. Тусклый солнечный свет отражался от каскада до блеска отполированных драгоценностей. Робин по обыкновению злился. Понятно, Манижа богата, но зачем постоянно тыкать этим в нос?!

Манижа стояла спиной к замку, как вдруг из проема – или окна, – высунулась смуглая рука. Робин перегнулся че-

рез корму и увлек девушку подальше от медвежьей хватки. На долю секунды почудилось, будто рука принадлежит Гренделю, но в следующий миг в окне возникла знакомая физиономия «добротого самаритянина».

Из соседних проемов выскочили двое сообщников и ринулись к плоту.

Робин плеснул остатки кофе «самаритянину» в лицо, впихнул Манижу в каюту и запер дверь. Потом уселся за руль и хлопнул дверцей. Яростно потирая веки, «самаритянин» отплясывал джигу на ухабах. Робин уже собрался объехать или переехать преграду, когда заметил впереди поваленные деревья. Тупик!

Последняя надежда рухнула. Нечего и думать добратъся до моря по границе с Городом будущего и Миноса – лес в тех краях слишком густой. Сам Город тоже отпадает. Даже на СУШЕ нельзя опередить время: в будущем источник энергии хроносудна – в данном случае, плота, – просто-напросто заглохнет, и тогда их с девушкой ждет поистине печальная участь.

Путникам оставалось только вернуться на стоянку.

Робин тяжело вздохнул. Вспомнилась история о человеке, который построил на чердаке лодку, а потом не сумел спустить ее вниз.

На обратном пути Робина не покидала неясная тревога – слишком легко они справились с «самаритянином» и товарищами, а те не особо усердствовали в их поимке. Играли, как три кота с мышками.

Интересно, куда подевались еще шесть котов?

В Миносе вышла задержка: плот провалился в расселину и застрял на добрых два часа. Лишь к ночи измученный и подавленный Робин въехал на стоянку. У дверей конторы заглушил мотор, пробрался внутрь, проверил адаптер – вроде цел, и снова активировал забор. Потом поднялся на борт

и стал думать.

— Почему мы вернулись? — спросила Манижа, проснувшись.

— Потому что я пока не соображу, как выбраться из этой заварухи.

— Выходит, ты все-таки не знаешь дороги в Сарды?

— Боюсь, что нет.

Помолчав, Манижа выпалила:

— Ну и хорошо. Я с самого начала не хотела обратно к отцу.

— Не хотела? — изумился Робин. — Но почему?

— Отцу до меня нет дела, его заботят лишь жены, наложницы и ферма, где девочек растят как овец. Все его помыслы если не о тех, так о других.

— Извини, но поехать к отцу придется, — проворчал Робин. — Если ничего не помешает.

Манижа мрачно кивнула.

— Ясно. Тебя, как всякого пастуха, волнуют только богатства. Надеюсь, отец не даст тебе ни гроша за мое спасение.

— Послушай-ка... — начал Робин.

— Ты изначально охотился за драгоценностями, — продолжала царская дочь. — А когда узнал имя моего отца, вознамерился получить выкуп. Меня не обманешь. Насмотрелась на принцев, которые видели во мне лишь ключ к сокровищнице Креза. Вот почему я запиралась от женихов у себя в покоях и баррикадировала дверь. — Она дернулась, по щеке скатилась слеза. — Ты хоть и жалкий пастух, но ничем не отличаешься от них.

Робин не верил своим глазам. Неужели Манижа и впрямь плачет? Но выяснить наверняка не довелось. С разных концов стоянки, которую он по наивности счел пустынной, к ним приближались мразбойники, похитители и пи-

раты в полном составе. (Каким-то образом «самаритянин» с товарищами ухитрились опередить плот.) Восемь размахивали саблями. Девятый, Угольщик, – ацетиленовой горелкой.

VII

Давай, Робинзон Фини, шевели мозгами!

– Что такое СУША?

– Суррогатный Широтный Артефакт.

– Да, но как она соотносится с объективной реальностью?

– Через скопление временных отрезков, спроецированных из реальности на поверхность пятимерного пространства.

– Значит, на всех отрезках реальность связана с СУШЕЙ, верно? Если так, то существует подобие пятимерной пуповины, которое объединяет отрезки с исходником?

– Да, но метафора очень условная, поскольку ограничивается трехмерным пространством. С пятимерной точки зрения расстояние между двумя реальностями бесконечное и минимальное одновременно. А пуповина видима и невидима, без начала и без конца.

– Так или иначе, можно ли попасть прямоиком из проецированной реальности в объективную?

– Теоретически, да. Можно рискнуть и включить хроностимулятор на максимум. Но тогда он сгорит, а новый стоит бешеных денег...

Робин оборвал себя на полуслове. О чем он думает?! Стимулятор в обмен на то, чтобы вырвать Манижу из лап Угольщика, а самому уберечься от разящей стали – вполне приемлемая цена. Наконец, там, куда они направляются,

стимуляторов днем с огнем не сыщешь, и голову ломать не надо.

Отбросив мрачные думы, Робин увидел, как Манижа схватила тяжелый гаечный ключ и стала размахивать им перед носом Угольщика. Главарь шайки стоял почти вплотную к обшивке плота и пытался запалить горелку чем-то похожим на зажигалку. Но та упорно не загоралась.

Робин завел мотор.

Экскурсионные суда, вроде «Запоздалого», старались держаться подальше от второй половины двадцатого столетия. О 1974 году Робин знал лишь то, что почерпнул из учебников истории. Впрочем, почерпнул он достаточно, чтобы сообразить: как только они попадут в прошлое – если вообще попадут, – то сразу нарвутся на крупные неприятности.

Но точно не крупнее нынешних.

Угольщик все-таки разжег горелку, отрегулировал пламя и поднес его к боковой двери.

– Робин, стена совсем горячая. Нужно уходить.

– Да – но через другую дверь.

Плот задом покатил к ближайшей электромагнитной стойке. Заранее предвкушая победу, разбойники без лишней суеты двинулись следом. Угольщик не выпускал горелку из рук и поминутно улыбался.

Почти у самого забора Робин притормозил и, медленно пятясь, коснулся задним стержнем эквильатора магнитного поля.

Раздался громкий треск... энергообмен начался...

Разбойники всполошились, но никто, даже Угольщик, не мог понять что к чему.

Хотя понимание их все равно не спасло бы.

Робин не сводил глаз со стимулятора. Стрелку стремительно зашкалило. Когда она описала полный круг, он бы-

стро заглушил мотор и с криком «Погнали!» активировал хроноблок.

В первую секунду ничего не изменилось, но мало-помалу силуэты за бортом начали таять. За ними – Холм 29. Минос. «Макдугал». Ясная поляна. Владения короля Артура. Словом, поблекло все, кроме плота с пассажирами, старых машин и стоянки.

Внезапно разобранные автомобили вновь стали цельные. Робин скрестил пальцы. Если плот растает как дым, они с Манижей попросту повиснут в воздухе. Как выяснилось, время куда гибче, чем кажется, и вполне допускает сосуществование двух параллельных объектов.

Вокруг начали проступать очертания домов с освещенными окнами. Один за другим появлялись люди. Улица постепенно ожила, наполнилась приглушенными звуками.

Наконец мразбойники вместе с СУШЕЙ исчезли без следа.

Первой опомнилась Манижа.

– Ро-бин, что-то горит. Чувствуешь?

Горел стимулятор. Точнее то, что от него осталось.

Робин опустил стекло.

– Все в порядке, не переживай.

Он всматривался в людей на стоянке. В прохожих, автомобилистов.

Вот мы и здесь, мелькнуло в голове. Младенцы в лесах двадцатого столетия...

Робин снял пиджак и накинул Маниже на плечи – надо спрятать драгоценности от чужих глаз, чтобы не вызвали нездоровый интерес.

– Что это за место, Ро-бин? – теребила его Манижа. – Это не Сарды и даже не Лидия...

— Мы в чужой стране, населенной свирепыми дикарями. Но не переживай, напасть они побоятся, по крайней мере в открытую, поскольку притворяются цивилизованными людьми.

— Я не переживаю. Ведь со мной ты.

Робин едва не поперхнулся. Наивная. Нашла спасителя... без работы, без денег. Вообще без ничего!

Публика на стоянке была поглощена автомобилями. Вдруг какой-то толстяк с седыми бакенбардами заметил плот и выпучил глаза. Потом подошел и бесцеремонно облокотился на дверь.

— Здорово, народ! Не видел, как вы подъехали. Сколько за нее хотите?

— За кого? — растерялся Робин.

— Деньгами не обижу. На то я и Добряк.

До Робина наконец дошло, что речь про плот.

— Даю лучшую свою красавицу и две тысячи баксов сверху, — продолжал Добряк Джордж. — Да вы не сомневайтесь, цена отличная. Больше за такую развалюху не выручишь, одна покраска чего стоит. Кстати, что за марка?

Робин не верил своим ушам. Две тысячи долларов за убитый плот?

— Что за марка, спрашиваю, — не отставал Джордж.

— Сам собирал, — похвастался Робин.

— Брешешь!

Возле плота уже несколько минут отирался очередной представитель двадцатого века — высокий мужчина средних лет в строгом деловом костюме. Услышав последнюю фразу, незнакомец наклонился к окну.

— Вы сами это построили?

Добряк Джордж ахнул и спешно ретировался.

— Ну, не совсем, — замялся Робин. — Мне помогли.

— Сколько лошадиных сил?

– Четыреста двадцать.

Незнакомец моргнул.

– А выхлопные газы? Вы же загрязняете окружающую среду!

– Не загрязняю. Я установил дожигатель, который нейтрализует выхлопы.

– Дожигатель тоже ваша работа?

– Моя. Хотите взглянуть?

– Боюсь, не успею. – Незнакомец вручил Робину визитку. – Я остановился в «Гербе Вацлава» через дорогу и, собственно, оттуда вас и заметил. Зайдите ко мне утром, поговорим. Возможно, вы морочите мне голову, а может, и нет – там разберемся. Но если это правда, у нас есть шанс навеки избавиться от проклятья роторно-поршневого двигателя, а у вас – стать начальником инженерного отдела.

С этими словами незнакомец удалился.

У Робина отлегло от сердца. Но ненадолго. Перспектива работы меркла перед пустым карманом. Неподалеку от гостиницы светилась витрина ломбарда. Вот если...

Стоп! Да что с ним творится? Совсем гордость потерял? Да и потом, Манижа не согласится – никогда в жизни.

Внезапно он почувствовал на себе пристальный взгляд.

– Ро-бин, ты уже бывал в этих странных краях?

– Нет, но кое-что слышал.

– Однажды, ребенком, я заблудилась в Сардах. Никто не дал мне поесть, не предложил ночлега. Лишь много лет спустя выяснилось, почему.

Робин ощутил прикосновение нежных пальцев, что-то прохладное легло ему в ладонь. Он разжал кулак и увидел мерцающую изумрудную сережку.

– Про драгоценности я сказала сгоряча, злилась из-за твоего намерения любой ценой отвезти меня в Сарды.

Знаю, тебе нет дела до моих украшений – и никогда не было. Знаю, ты никакой не пастух, но с деньгами у тебя туго. Поэтому сейчас же отправляйся и обменяй эту безделицу на то, что по здешним обычаям дает кров, еду и платье.

– Послушай-ка... – начал Робин.

– Пускай ты не пастух, но твой наряд говорит об обратном, – продолжала Манижа. – Дочери царя Креза не пристало водить дружбу с оборванцем. Тем более, когда есть средства исправить твоё обличье.

– Хорошо, обменяю, – буркнул Робин, пряча серьгу в карман.

Манижа не отводила от него янтарных глаз.

Неужто девушка Суббота знает его лучше, чем он сам?

– Будь я и впрямь пастухом и не имей возможности сменить платье, что сказала бы дочь Креза тогда?

– Ничего. Сердцу не прикажешь.

Девушка Суббота придвинулась ближе, медные пряди коснулись его щеки. Робин обнял ее за плечи, и плот медленно покати́л в весенние сумерки. Вдоль дороги мягко светили фонари и витрины. В окна дул ветерок с южных цветочных полей.

В кои-то веки Фини по-настоящему повезло.

НАД ТОЛПАМИ ДОВЛЕЕТ...

Знамена времени

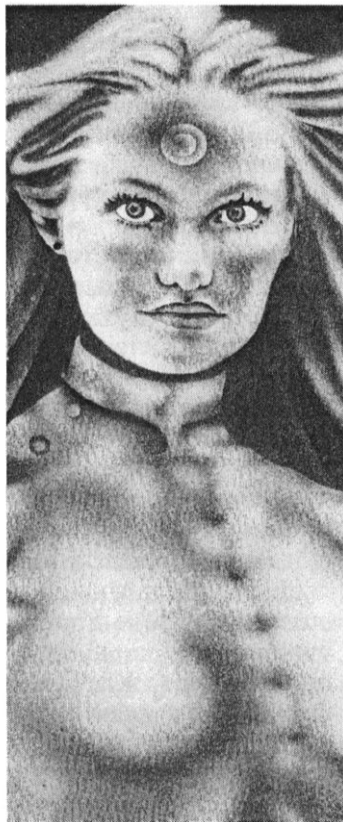
Церемониальная площадь пестрела лозунгами Старшей Сестры. Одни вышивкой горели на ярких полотнищах, что свешивались с величественных зданий, которыми так славилась площадь; другие неоновыми буквами сияли над входом в праздничные шатры; третьи украшали фасады башен.

СТАРШАЯ СЕСТРА ЛЮБИТ ВАС!

СТАРШАЯ СЕСТРА ДНЕМ И НОЧЬЮ ДУМАЕТ О ВАС!

СТАРШАЯ СЕСТРА НАСТАВЛЯЕТ МОЛОДЫХ И ПОМОГАЕТ СТАРЫМ!

Уолтер Крэнстон, специально отпросившийся с работы, чтобы успеть на площадь до шестичасового поезда, обожал эти лозунги.

Впрочем, как и все вокруг.

Иногда по Веселье-ТВ крутили хроники прошлых лет, когда совсем юная Сестра еще не обладала ни властью, ни влиянием. Признаться, жуткие были времена! Никому до тебя нет дела, а Сестра не может помочь в силу молодости.

Повзрослев, она все взяла в свои руки, старалась, чтобы каждый ни в чем не знал нужды. Теперь все и вся обязаны Старшей Сестре. Крэнстон боготворил землю, по которой она бродила.

Площадь вовсю готовилась к завтрашнему параду в честь Дня Старшей Сестры. Дороги перекрыли, вдоль тротуаров установили и даже активировали невидимые электронные заборы, призванные сдерживать толпу. Отмытая до блеска брусчатка сияла в лучах полуденного солнца. День Старшей Сестры выпадал на шестое августа, и люди ждали его не меньше, чем Рождества. В этом году интерес подогревался слухами о сногшибательном сюрпризе – таком, что все ахнут.

Прямо напротив Крэнстона высился огромный, в четыре этажа, электронный портрет Старшей Сестры. Если смотреть на него слишком долго, Сестра непременно задавала вопрос.

Особенно внимание приковывали ее глаза. Кристально голубые, кроткие, как летнее небо, от одного их взгляда на душе становилось легко. Золотистые волосы, словно колосья спелой пшеницы, обрамляли круглое лицо, источавшее любовь и достоинство. Некоторые, правда, считали, что грудь у Сестры великовата, но Крэнстон не принадлежал к их числу. Кто, как не богиня, достоин пышных форм, тем более, надежно скрытых под корсажем пестрого хлопчатобумажного платья.

– Ты принимал сегодня пилюлю от ненависти? – ласково прогремел зычный голос.

– Конечно, Сестра. С утра, сразу как проснулся.

Отвечать вслух не требовалось, но слова сами сорвались с губ Крэнстона: канун Дня Старшей Сестры, как и канун Рождества, порождал в душе бурю эмоций. Крэнстон воровато огляделся – не слышал ли кто. Судя по всему, нет, а если и слышали, то не подали вида.

Очевидно, Крэнстон не единственный отпросился с работы пораньше. На улице было не протолкнуться. Конечно, с завтрашней давкой не сравнить, но все равно народу многовато. Глаза прохожих горели от предвкушения праздника, и от кое-чего еще. По пути Крэнтон и сам наведался в парочку алкоматов, поэтому чувствовал себя превосходно.

Хотя чему удивляться? Не промочить горло в канун Дня Старшей Сестры – все равно что не выпить перед Рождеством. Оба праздника бывали раз в году, и отмечать их следовало на пределе физических и финансовых возможностей.

Томимый желанием утвердиться в собственной правоте и особенно томимый жаждой, Крэнстон завернул в алкомат неподалеку от Центрального вокзала. К несчастью, в собутельники ему попался работник санитарной службы Мегатполиса-16, искренне разделявший его идеи. Когда «братья по разуму» вдоволь наугощались пивом, шестичасовой поезд давным-давно ушел. При виде толпы на рейс, следующий в четверть седьмого, Крэнстон мысленно застонал. Теперь стоять всю дорогу.

Как назло, поезд опоздал на десять минут. Крэнстон скрипнул зубами. Если явится затемно, Мэдлин точно устроит скандал. «Ну и черт с ней! – пронеслось в голове, одурманенной пивными парами. – Какой толк в свободе, если нельзя поступать, как хочется? Скажи, Мэдлин, – мысленно обратился он к супруге, – какой толк в свободе, если нельзя поступать, как хочется?»

Внутренний монолог набирал обороты. «Вдумайся, Мэдлин, в одном только Мегаполисе-16 живут сорок миллионов, и все свободны, как ветер, овевающий плодородные пустыни – источник пищи насущной. Все свободны и равны, поэтому у тебя нет ни малейшего повода сердиться... Вечером устроим пикник: соевые стейки и салат из свежих овощей – настоящее пиршество, достойное кануна Дня Старшей Сестры. Как ты выражаешься, традиция, только вместо кофе я буду пиво – к черту кофе в канун великого праздника. И не надо ворчать, что я много пью, особенно по выходным – сама хороша, Мэдлин, тем более сегодня канун такого праздника... Дьявол, в моих венах течет негритянская кровь, поэтому я склоняюсь ниц перед Старшей Сестрой, которой обязан всем, ибо Она освободила моих предков, даровала мне свободу – моя любовь к Ней не угаснет вовеки, ведь лишь благодаря Ей негритянская кровь в моих венах бежит так же свободно, как и белая. Мэдлин, тебе ли не знать, что творилось до того, как Она топнула ногой и изрекла: «Даруйте людям свободу!» – и люди обрели свободу ходить, ездить куда угодно, спать где угодно, где угодно работать. Дьявол, Мэдлин, Она оплачивает нам квартиру, счета за газ, электричество, видеофон, кабельное ТВ, посудомойку, машину, жаровню – и за все это Сестра берет лишь шестьдесят процентов моей зарплаты, причем часть из них, Мэдлин, она кладет в свой кошелек – на случай, если мы вдруг заболеем, и чтобы обеспечить нам достойную, счастливую и сытую старость. Кошелек Старшей Сестры – наша свинья-копилка, Мэдлин... А загляну-ка я по пути домой в алкомат «Свобода», ты ведь не возражаешь? – как-никак, сегодня канун Дня Старшей Сестры, а завтра пойдем на парад – уже сгораю от нетерпения. Жаль, наше поколение объявили бездетным. Хорошо бы иметь детей и брать их на парад – слушать барабаны и

смотреть на марширующих солдат. Я тоже был солдатом, сражался за свободу нашей великой страны. Точнее, сражился бы, случись война, но войны не случилось, ведь воевать больше не из-за чего... В общем, сегодня канун Дня Старшей Сестры, будем праздновать до упаду, как никогда прежде».

Разногласия в конференц-зале двадцать первого века

Под крышей небоскреба «Всенощной» Теодор Барр, начальник местного департамента иконологии, выставил на совещательный стол образец, полученный из отдела спецэффектов, и активировал крохотные батарейки. Потом обвел взглядом троих помощников: широкобрового Бреслау, утонченного Паркса и красавицу мисс Пенхарлоу.

— Я созвал вас на внеурочное совещание, дабы каждый успел посмотреть мини-версию завтрашней платформы, — начал Барр. — Хотелось бы услышать ваши мнения и предложения по доработке. Конечно, вносить существенные изменения уже поздно, но по мелочам подправить еще можно. Я понимаю, сегодня короткий день, поэтому перейдем сразу к делу. Высказываемся в порядке старшинства и голосуем. Бреслау, начнем с тебя.

Из-под набрякших век Бреслау следил, как платформа рассекает по столешнице взад-вперед. Стальной угольник основания зиждился на четырех широких колесах, задние обеспечивали платформе дополнительную маневренность. Венчала основание миниатюрная копия аниманекена Старшей Сестры, вращающиеся колеса приводили в действие сложный механизм, и фигурка вращала головой, периодически воздевая руки.

Несмотря на механистическую монотонность жестов, аниманекен поражал реалистичностью. Золотистые волосы

уложены в незамысловатую, но изящную прическу; круглое личико радовало здоровым румянцем; нарядное платье точно повторяло движения, собираясь складками и расправляясь всякий раз, когда фигурка воздевала руки. У подножия, прямо под подолом, тянулся ряд крохотных кресел, которые собравшимся предстояло занять на параде, впереди виднелся миниатюрный штурвал – с его помощью специалист отдела спецэффектов поведет платформу по Церемониальной площади.

Наконец Бреслау поднял воспаленные глаза на уже не юного, но удивительно моложавого Барра.

– Сходство потрясающее, учитывая текущий вес платформы. Если ей не уступает полномасштабная версия, народ будет в восторге и спокойно проглотит увеличение налогов. Единственное замечание – руки надо поднимать выше, не в параллель, а то немного смахивает на Третий рейх. Согласны?

– Принято к сведению. – Барр повернулся к мисс Пенхарлоу. – Что скажешь, Пат?

Подобно Бреслау, Патриция Пенхарлоу как замороженная наблюдала за фигуркой. В лучах угасающего солнца ее волосы казались темно-русыми и ниспадали на плечи блестящими волнами, обрамляя обсидиановую кожу, правильные, почти классические линии подбородка и шеи. Барр хорошо знал эти волосы – как часто они покоились на соседней подушке. Хорошо знал изгибы шеи, подбородок. Но лучше всего знал губы: чуть полноватые и такие мягкие в разгар поцелуя... На закате, когда включают свет, волосы станут черными как смоль.

Сейчас ему открылся ясный взгляд проницательных карих глаз, лучившихся энтузиазмом, так непохожим на привычное спокойствие.

– Идеально, – заключила Пат. – Народу понравится. О

повышении налогов объявят на параде?

— Да, когда эмоции толпы достигнут максимума. Полномасштабная модель оборудована датчиком децибел Шапиро — в мини-версии, по понятным причинам, его нет. Датчик реагирует не только на шум, но и на волновые колебания коллективных эмоций. Высокочувствительный приемник улавливает колебания, соотносит их с уровнем шума и на основании этого определяет порядок воспроизведения записи. Завтра, например, Старшая Сестра сообщит о прибавке для почтовых служащих — подсластить пилюлю. Дальше как обычно — лозунги, наставления.

— Включая коронную фразу «Старшая Сестра все видит, слышит и знает»?

— Разумеется, — кивнул Барр.

— Настоятельно советую исключить, — отрезала Патриция. — Фраза хороша для плакатов, гипнотических трансляций и стандартных методик пропаганды Партии; завтра она совершенно неуместна. День Старшей Сестры — своего рода благодарственный молебен, обусловленный потребностью видеть в Сестре справедливую и чуткую покровительницу. Сам масштаб аниманекена предполагает фигуру всевидящую и всезнающую. Если заострять на этом внимание, может получиться хуже.

— Принято к сведению. Ну, Бен, — обратился Барр к самому молодому советнику, Бенджамину Парксу. — Как тебе гениальное детище отдела иконологии?

Тот смотрел на платформу как на кровожадного монстра и лишь минуту спустя произнес:

— По-моему, смахивает на идола.

Барр расплылся в улыбке.

— Да брось, Бен. Давай начистоту, она и есть идол. Нам ли не знать.

— Лично я воспринимал ее как икону.

– Икона, идол – какая разница. Старшая Сестра – воплощение Федерального правительства, каким его видели задолго до того, как отдел иконологии воплотил образ в жизнь. Да, раньше она появлялась только на портретах и в анимационных фильмах, но меньше идиолом от этого не стала. Мы лишь создали анимированный аналог. Аниманекен.

– Но люди сочтут ее настоящей.

– Они и без того считают ее настоящей. Точнее, жаждут видеть ее таковой. Разве не в этом суть?

Паркс промолчал, не отрывая взгляд от платформы. Словно почуяв его настроение, та покатила напрямик к нему. На краю столешницы притормозила и поехала обратно.

– Сколько весит полномасштабная модель – со всеми спецустройствами? – внезапно спросил Паркс.

Барр с трудом подавил раздражение.

– Точную цифру не назову, но порядка девяти-десяти тонн. Отдел спецэффектов постарался использовать максимум легких материалов, но аккумуляторы, двигатели, провода, платформа, плюс сам аниманекен, тянут на приличную цифру. – Барр осекся, заметив, как вздрогнул Паркс. – Бен, в чем дело?

– Даже не знаю. По-моему, опасно вот так, без подготовки, являть такую махину народу... Потом – в ней чудится зло. Какой-то атавизм. Других ассоциаций я не вижу, хоть убейте.

– Дьявол! – вспыхнул Барр. – Партия рекомендовала тебя как весьма перспективного и одаренного молодого сотрудника, а ты садишься за стол переговоров и несешь чушь под стать старухе из сказок братьев Гримм! Говоришь, платформа – олицетворение зла? Назови хотя бы одну вескую причину, почему. Хотя бы одну!

Паркс побледнел, но не собирался сдавать позиций.

– Зло не нуждается в аргументах, его просто чувству-

ешь, и все. Выпустив завтра платформу, мы совершим огромную, чудовищную ошибку.

— Платформа с аниманекеном обошлись Федправу в три миллиона, — холодно парировал Барр. — Отдел иконологии оказал Мегаполису-16 большую честь, доверив постройку и эксплуатацию устройства. Если думаешь, что я откажусь от этой идеи из-за твоих стариковских предрассудков, ты глубоко заблуждаешься! Принято к сведению.

Барр обвел глазами собравшихся.

— Полностью поддерживаю предложения Бреслау и мисс Пенхарлоу. Постараемся все учесть. Есть возражения?

— Есть, — откликнулся Паркс. — Я категорически против платформы.

Барр и ухом не повел.

— Обязательно передам ваши замечания отделу спецэффектов. Надеюсь, они успеют внести соответствующие изменения. На сегодня все.

Кивнув на прощанье Бреслау и Парксу (последний держался подчеркнуто холодно), Барр поднялся из-за стола и подошел к одиноко сидящей Патриции.

— Знаешь, это белое платье тебе очень к лицу.

— Принято к сведению. — Она неувовимо взмахнула пушистыми ресницами. — Проводишь меня?

— Не могу — сегодня моя очередь измерять мегапульс.

— Точно, совсем забыла.

— Но я непременно загляну. Как только закончу внутригородскую проверку. — Барр накинуд ей на плечи шарф, и тот сразу приобрел особый шик. — А пока предлагаю поужинать, но сперва зайду в отдел спецэффектов.

Патриция выпрямилась — высокая, статная.

— Избавься от Паркса, — резко произнесла она. — Он контрпродуктивен.

Барр удивленно вскинул брови.

— Ты не права, просто у Паркса голова чересчур забита идеалистическими доктринами Партии. Ему нужно время, чтобы примириться с реальностью, а там появится и жесткость и продуктивность.

— Тебя послушать, все прогрессисты — циники.

— Не все, но некоторые. Большинство, как ты: чистые, как первый снег.

— А ты из какой категории?

Барр засмеялся.

— Оставим беседу на потом, а сейчас пора ужинать.

Парочка направилась к выходу из конференц-зала.

Под лозунгом «терматары»

Осушив три саморазлагаемые компакт-банки пива, Крэнстон побрел из алкомата «Свобода» домой. С наступлением сумерек невыносимая жара наконец спала. Через пару шагов в нос ударил аромат соевых стейков, который с каждым шагом становился все сильнее. Похоже, барбекю в квартале шло полным ходом.

Сам виноват, задержался, корил себя Крэнстон. Только его жаровня стоит без дела, не радует глаз раскаленными электрическими угольками.

Подобно большинству внутригородских новостроек (какие в Мегаполисе-16 исчислялись тысячами), жилище Крэнстона восполняло нехватку ширины высотой. Площадью здания не превышали стандартных семь с половиной на девять метров, установленных Федеральным конструкторским бюро, зато достигали семи, восьми, а иногда и девяти этажей в высоту.

Однако если высотой можно компенсировать внутреннее пространство, то внешнее, общей площадью десять на

пятнадцать метров, таким способом не облагородить. Единственный вариант – иллюзорно увеличить объем, построив дом вплотную к тротуару и увеличив таким образом задний двор за счет переднего. Этим нехитрым приемом пользовались почти все, поэтому с улицы прохожие видели лишь два ряда высоких фасадов с узкими зазорами между ними. Та же картина открывалась автомобилистам, хотя появлялись они крайне редко: среднестатистические граждане предпочитали копить «водительские» часы, чтобы потом махнуть в загородный парк, специально предназначенный для отдыха.

Дом Крэнстона насчитывал восемь этажей. На первом – гараж, над ним кладовка, потом кухня, столовая, гостиная, ТВ-зал, спальня и комната для гостей. С этажа на этаж перемещались с помощью маленького лифта. Напротив спальни была ванная – инициатива, которую Федправ не особенно поощрял, но и не запрещал: во-первых, близко к канализации, во-вторых, экономно.

В ТВ-зале смотрела утрированный репортаж Мэдлин, высокая блондинка с круглым лицом и бесстрастными голубыми глазами, посаженными не так широко, как хотелось бы. При виде выходящего из лифта мужа она зевнула, допила компакт-банку пива и выбросила в опустевшую «термотару» у кресла. Потом поднялась и вяло поцеловала Крэнстона в щеку. Тот даже огорчился – расчеты на скандал не оправдались.

На кухне они собрали все необходимое, спустились в гараж, и через заднюю дверь вышли во двор, где теснились две катальпы, псевдо-кирпичная жаровня, столик для пикника и пара скамеек. Крэнстон активировал жаровню, а когда импровизированные угли раскалились докрасна, выложил на решетку соевые стейки. Мэдлин смешала салат, вскрыла упаковку «Ням-ням укропа» и развернула свежую

буханку самопека. Вскоре супруги устроились за столиком, прихватив по компакт-банке пива и «термотаре» про запас. Во дворах, куда ни глянь, соседи пировали или наслаждались содержимым «термотары»; в квартале медленно, но верно воцарялся дух товарищества.

После еды Крэнстон потянулся за второй «термотарой»; в голове, приятно одурманенной алкогольными парами, всплыла популярная реклама контейнеров для пива в саморазлагаемых компакт-банках:

Не хватает «тары» в холодильнике, дружок?
Прикупи-ка штукек шесть на посошок!

Впрочем, это не про него — у них с Мэдлин «термотары» всегда в избытке. Пришлось даже покупать в гараж второй холодильник — исключительно под «тару». Стоило запасам наполовину иссякнуть, как их тут же пополняли новыми. Наличие дома второго холодильника внушало гордость, и лишний раз подчеркивало: они с Мэдлин — образцовые потребители, которые вносят должный вклад в Экономику на благо Старшей Сестры. Конечно, содержался второй холодильник сугубо за счет первого (кухонный просто отключали), дабы не превышать лимит электричества, но все равно здорово иметь два холодильника, особенно в выходные и праздничные дни.

Во дворах, куда ни глянь, соседи вскрывали «термотару», и дух товарищества стал почти осязаемым, как голубоватая дымка, поднимавшаяся от жаровен. Кто-то надтреснутым сопрано затянул «Старшая Сестра любит меня». Крэнстон подхватил знакомый мотив, и вскоре им подпевал весь квартал. Хор голосов взметнулся в ночное небо, к звездам, сиявшим как никогда торжественно и ярко. Полная луна озаряла своим светом любящих детей Старшей Сестры, сама атмосфера напоминала канун Рождества, когда народ

бродит по улицам, распевая рождественские гимны, анимаксен младенца Христа лежит в хромированных яслях в Парке свободы, и все прохожие сносят туда дары: благовоения и звонкие монеты. У Крэнстона по щекам заструились слезы. Старшая Сестра, родная, любимая Старшая Сестра, повторял он про себя как заведенный.

В соответствии с законом внутренние дворы не разделялись заборами, и вскоре соседи повалили друг к другу в гости, жали руки, обнимали соседских жен; с треском вскрывались «термотары», весело бряцали банки. Крэнстон сидел за столиком, обливаясь слезами радости и благодарности, однако Мэдлин и след простыл. Последний раз он видел ее рука об руку с соседом, чья жена обнималась с кем-то из квартала. Будь сегодня обычный пятничный вечер под символом «термотары», Крэнстон и сам бы приобнял кого-нибудь из соседских жен, но сегодняшний вечер не был обычным, ведь сегодня – канун Дня Старшей Сестры.

Ее присутствие ощущалось повсюду. Вот она шагает под звездами, высокая, сильная, прекрасная; тихонько шелестит подол пестрого платья, а ласковый голос воркует: «Я всегда заботилась о тебе, Уолли Крэнстон. Позабочусь и впредь. Ты мне веришь?»

Слезы полились градом; Крэнстон вскрыл очередную тару и выудил запотевшую компакт-банку.

– Конечно, Старшая Сестра, – бормотал он. – Конечно, верю.

Звезды вдруг стали ближе, все звуки исчезли; сумерки бархатом ласкали кожу... «Допью эту «тару» и пойду за добавкой в «Свободу»; именно так и сделаю – нехорошо пить в одиночку». Он залпом осушил компакт-банку, откупорил вторую и сразу осушил. Потом сунул «термотару» подмышку и пошатываясь побрел к выходу из гаража. Протиснувшись мимо автомобильчика, Крэнстон ступил на залитую

лунным светом мостовую и откупорил третью банку.

«Завтра после парада устроим барбекю под лозунгом «термотары», снова будем петь, снова вокруг воцарятся счастье и равенство, любовь к ближнему и всепоглощающая любовь к Старшей Сестре, какую она, без сомнения, заслужила. Сегодня начальник почты сказал: «Молодец, Уолли, отлично справляешься. Другим нужно брать с тебя пример», – конечно, я молодец, а стану еще лучше, только дайте срок, а когда уйду на пенсию, попрошу у Старшей Сестры свои накопления, попрошу без зазрения совести, но до пятидесяти ждать целых десять лет... Жаль, у нас нет детей, может, им бы разрешили иметь потомство – кто знает, какую квоту выделяют на следующее поколение, мы с Мэдлин обзавелись бы внуками, ездили бы к ним в гости, покупали мороженое, соленые крендельки... Вывеска светит так ярко, в баре не протолкнуться... свободное место есть рядом с шишкой из Федправа – эх, шикарная у него униформа: синие брюки, зеленый френч, красное кепи – загляденье! – хорошо Сестра заботится о своих блюстителях...»

– Привет, я Уолли Крэнстон. Выпьете со мной?

Высокий федправ обернулся.

– Теодор Барр, приятно познакомиться. С удовольствием составлю вам компанию.

По следам де Токвиля

Расставшись с Патрицией Пенхарлоу, Барр незамедлительно приступил к внутригородской проверке. Заведения выбирал наугад; алкомат «Свобода» значился в списке шестым и, похоже, последним. Барр не столько устал, сколько не видел смысла продолжать изыскания. После беседы с владельцами алкоматов и автоматов, авто- и электро-меха-

никами, домохозяйками, служащими конструкторских и транспортных бюро, операторами сельхозтехники и работниками отдела мониторинга — словом, со всеми, чья деятельность напрямую не попадала под юрисдикцию Партии, — выяснилось, что пульс Мегаполиса-16 по-прежнему ровен и чист. Никто и не думал возражать против нового закона, выпущенного пару недель назад. Именно этот закон лег в основу сегодняшнего Ключевого вопроса.

Однако вместо ликования Барр ощущал тоску.

Интересно, почему. Почему пастырь досадует, не найдя в стаде заблудшую овцу? Однако в глубине души он знал ответ. Алкоголь притупил объективность, раскрасив мир в невероятные цвета, и даже при лимите в одну банку на заведение, рассудок отказывался повиноваться.

Страхнув наваждение, Барр вдруг осознал, что овца, купившая ему выпить, ждет ответа на свой вопрос. Новый знакомый был пьянее, чем казалось на первый взгляд. Пьяный, преисполненный хмельной сентиментальности, с воспаленными глазами и заплаканным лицом, от его костюма разило подгорелыми соевыми стейками и выдохшимся пивом. Подмышкой он держал полупустую «термотару» и внешне ничем не отличался от остальных посетителей — та же смугловатая кожа, широковатый нос. На рубеже веков, с подавлением последнего восстания темнокожих, смешанные браки стали заключаться повсеместно, итог — почти у трети завсегдатаев просторного алкомата в жилах текла африканская, негритянская кровь (после упразднения слово приобрело аристократический оттенок).

Чистокровные негритянки, вроде Патриции, встречались чрезвычайно редко.

— Работаете на Федеральное правительство? Угадал? — спрашивал тем временем Крэнстон.

Барр кивнул.

Крэнстон горделиво выпрямился.

— Я тоже, но не на Партийном уровне. Удивительное совпадение, правда? Сидим в одном алкомате, за одним столиком, и оба федправы!

Учитывая, что тридцать пять процентов населения работали на Партию напрямую, а оставшиеся шестьдесят пять — косвенно, Барр ничего удивительного не увидел, однако при взгляде на безликого собеседника в нем шевельнулось любопытство.

— В какой отрасли трудитесь, мистер Крэнстон?

— Почтовая служба.

«Очередная офисная крыса», — мысленно констатировал Барр, прибегнув к термину, каким члены Партии обозначали счастливых обладателей почтовых и прочих синекур. В Мегалополисах таких должностей миллионы — по-другому людей в автоматизированном обществе не трудоустроить, а на всех Крэнстонов пособия не напасешься.

— А я из отдела иконологии.

Крэнстон помотал головой.

— Впервые слышу.

Барр благоразумно уклонился от объяснений.

— Давайте лучше выпьем. Я угощаю, — предложил он, заметив опустевшую банку собеседника.

Робот-раздатчик принес две компакт-порции.

Крэнстон осушил свою в три исполинских глотка.

— Вы женаты? — спросил Барр.

— Да, на самой прекрасной девушке в мире! А вы?

— Нет.

— Ну и зря — лишаете себя такого счастья!

«Интересно, какого? — подумал Барр. — Счастья делить жену с каждым, кто пожелает, поскольку перед законом все равны? Счастья не иметь детей, ибо наше поколение назначено бездетным и все его представители с рождения сте-

рилизованы? Счастья напиваться в одиночку в канун Дня Старшей Сестры?»

Благо, он не женился на Пат — благо, она не настаивала. В качестве любовника ему не нужно скорбеть о детях; а ей, при официальном статусе девственницы, не нужно исполнять супружеский долг со всяким законопослушным гражданином. Барр понимал: к утру сомнения вернутся, алкоголь выветрится, рассудок вновь станет ясным; но сейчас сомнения рассеялись, и на душе воцарился покой.

Впрочем, на сегодня спиртного хватит. Когда Крэнстон потребовал очередную порцию, Барр вознамерился отказаться, но заметив отчаяние в глазах собеседника, передумал. Это отчаяние он видел повсеместно — неизбежный итог жизни в обществе, где тебе даруют независимость, попутно лишая права на свободу.

Много лет назад Патриция Пенхарлоу посоветовала запретить одну крамольную книгу. Барр внял совету, но совершил роковую ошибку, прочтя книгу, прежде чем предать ее анафеме. Два абзаца навсегда врезались в память и под действием алкоголя начинали проигрываться, точно пленка, снова и снова. Вот и сейчас в голове звучало:

«Поскольку в эпоху равенства никто не обязан оказывать содействие ближнему, так же как никто не вправе рассчитывать на значительную поддержку со стороны, каждый индивидуум является одновременно и независимым, и беззащитным. Эти два состояния, которые не следует ни смешивать, ни разделять, вырабатывают у члена демократического общества весьма двойственные инстинкты. Независимость придает ему уверенность и чувство собственного достоинства среди равных, а бессилие заставляет время от времени почувствовать необходимость посторонней поддержки, которую ему ждать не от кого, поскольку все окружающие одинаково слабы и равнодушны. В своем отчаянии

он невольно устремляет взоры к той громаде, которая в одиночестве высится посреди всеобщего упадка. Именно к ней обращается он постоянно со своими нуждами и чаяниями, именно ее в конце концов начинает воспринимать как единственную опору, необходимую ему в собственном бессилии.

Над толпами довлеет гигантская охранительная власть, обеспечивающая всех удовольствиями и следящая за судьбой каждого в толпе. Власть эта абсолютна, дотошна, справедлива, предусмотрительна и ласкова. Ее можно было бы сравнить с родительским влиянием, будь ее задачей подготовка человека к взрослой жизни. Между тем власть, напротив, стремится к тому, чтобы сохранить людей в младенческом состоянии. Ее главное желание – чтобы граждане получали удовольствия и не думали ни о чем другом. Она охотно работает для общего блага, но при этом хочет быть единственным уполномоченным и арбитром. Она заботится о безопасности граждан, предугадывает и удовлетворяет их потребности, облегчает им получение удовольствий, берет на себя руководство их основными делами, управляет их промышленностью, регулирует права наследования и занимается дележом их наследства. Отчего бы ей совсем не лишить их беспокойной необходимости мыслить и жить на этом свете?»¹

Робот-раздатчик принес еще пива. Барр из вежливости сделал глоток и, отставив банку, вдруг спохватился, что не задал Крэнстону главный вопрос. Дальше тянуть не стоило.

– Мистер Крэнстон, каково ваше мнение по поводу указа Старшей Сестры казнить всякого, кто открыто критикует ее действия?

¹ Алексис де Токвиль. «Демократия в Америке» (пер. с фр. Т. Олейника).

Крэнстон выпрямился, ухватившись для равновесия за барную стойку.

— Мое мнение? Мое мнение — Старфая Фефтра права от и до! Сам сферну шею любому, кто пофмеет плохо отозваться о ней, — произнес он заплетающимся языком.

Барр мысленно содрогнулся. Руку бы отдал, если б хоть одному респонденту хватило смелости сказать: «Ваша Сестра часом не лопнет? Пухнет на нашем достоинстве, как на дрожжах, и все ей мало!». Видно, алкоголь в крови зашкаливал — Барр был готов отдать обе руки,хвати ему самому смелости выдать нечто подобное.

— Смотрю, вы не одобряете Ее решений, — сощурился Крэнстон. — Федправ называется!

Растерянность Барра сменилась негодованием. Расслабился, даже эта офисная крыса с залитыми глазами сумела разгадать его мысли! Он поспешно спрятался за маской хладнокровия и равнодушия, какая не раз выручала его в общественных местах.

— Конечно одобряю, — бесстрастно проговорил Барр, бросил на стойку купюру, и оставив без внимания слезные мольбы Крэнстона, направился к выходу.

Казалось бы, под звездами дышится легче, но нет. Барр много лет избегал смотреть на звезды — воплощение бесплодных попыток человечества освоить космос, попыток, которые положили конец надеждам на колонизацию далеких планет, суливших заветную гармонию с самим собой. Как и всегда не поднимая глаз, Барр двинулся к станции метро. Сбежал по ступеням и сел на поезд до Центрального вокзала.

Патриция не спала, когда он постучал в дверь ее ультра-современной, кондиционируемой квартиры на двадцатом этаже, откуда открывался вид на бульвар Авраама Линкольна. Белое неглиже оттеняло обсидиановую кожу, гармонируя

с белизной зубов. Патриция любила белое – в сочетании с черным оно лишний раз подчеркивало ее экзотическую красоту. Выпив по стаканчику, они наспех, почти как кролики, позанимались сексом и вытянулись на прохладных простынях. Как всегда после секса, пусть даже с любимой женщиной, Барр чувствовал себя страшно одиноким.

Навеянные алкоголем мысли не давали уснуть. Размышляя о Крэнстоне и его бессилии, Барр вдруг ощутил, как беспомощен сам... «Кукловод, способный мало-мальски влиять на общую картину, я, по сути, так же беспомощен. Нет, не так же – более. Не одурманенный наркотиками, неподвластный лозунгам, глухой к фальшивым доктринам, я полностью осознаю собственное бессилие, пока крэнтоны пребывают в блаженном неведении. Пастух печется о стаде, но в назначенный час отправляет овец на убой, поскольку все мы – рабы главной пастушки, которую сами же создали и чьей воле не смеем перечить. Благие помыслы пастушки не в счет – преступлений во благо совершается не меньше, чем во зло, ибо деспотизм не ведает различий... Я – лишь крохотная шестеренка, что приводит в действие исполинский мозг Старшей Сестры. Неустанно бегу по кругу, и неизвестно, когда остановлюсь. Завтра мне участвовать в цирке под названием парад в честь Дня Старшей Сестры, завтра овцы выстроятся вдоль Церемониальной площади, будут размахивать флагами и славить пастушку, другие овцы засядут перед телевизорами, глотая слезы умиления. Исполинша Бо-Пип¹, твои овечки никогда не разбегутся, им не хватит духу, и хвостики останутся при них – О, до чего страстно надо желать равенства, чтобы добровольно уподобиться овце, мирно щипать травку на лугах Федправа, а

¹ Малютка (Крошка) Бо-Пип – потерявшая овечек героиня «Сказок Магушки Гусыни».

по ночам прятаться за юбку Бо-Пит!.. О, крэнстоны смогли бы покорить звезды, но продали себя и потомство за гаджеты и псевдо-семейный очаг — а в небе одна за другой зажигаются недоступные звезды».

Джаганнатха

Розоперстая Эос, богиня зари, застала Крэнстона в ванной. Он лихорадочно нашарил в аптечке пилюлю от похмеля, запил двумя стаканами ледяной воды, и уже более-менее нормальным человеком спустился на кухню.

Сварил кофе и, только допивая вторую чашку, вспомнил, какой сегодня день. Все сразу заиграло яркими красками. Крэнстон решительно выплеснул остатки кофе в раковину, вскрыл свежую «термотару» и залпом осушил содержимое компакт-банки. Сунув «термотару» подмышку, поднялся на седьмой этаж, тщательно побрился, принял душ. Держа заветную тару поблизости, он быстро оделся и стал будить жену. После бессонной ночи та никак не желала просыпаться, но услышав, какой сегодня день, пулей вскочила с кровати. Вспомнив, с кем видел ее накануне, Крэнстон насупился, но пилюля от ненависти вернула душевное равновесие.

Крэнстон надел парадный костюм, Мэдлин — парадное платье. В восемь супруги вышли из дома. Назначенное на десять торжество едва ли начнется раньше одиннадцати, но лучше поспешить — пока прстоишь в очереди на поезд, потом полтора часа до Центрального вокзала, плюс полчаса добраться до Церемониальной площади и отыскать местечко поближе к электронному забору.

Спустя два часа двадцать минут супруги стояли на площади, битком набитой людьми. Многие прихватили «термотару». Крэнстон не был исключением. Вскрыв упаковку, они с Мэдлин взяли по банке. Несмотря на ранний час,

духота стояла невыносимая, раскаленный ветер трепал полотнища с лозунгами Старшей Сестры, надписи расплзались. Над разгоряченными телами висело знойное марево.

– Старшая Сестра! – завопил кто-то.

Ему вторили тысячи голосов, и слова громогласным эхом прокатились по площади.

В небе правительственный вертолет разбрасывал листовки. Крэнстон поймал одну. «Старшая Сестра просит проявить терпение. С утра у нее порвался чулок, а на штопку нужно время». Крэнстон засмеялся, за ним второй, третий. Вскоре хохотали все. У Старшей Сестры свои заботы. Хорошо, она не ропщет и даже шутит на эту тему.

Внезапно Крэнстона как молнией ударило – судя по воцарившейся тишине, всех посетила та же самая мысль. Если парад задерживают, пока Старшая Сестра штопает чулок, значит, она появится на церемонии!

Вот он, обещанный сюрприз!

У Крэнстона перехватило дыхание. Восторг толпы сделался осязаемым и накатывал горячими волнами. Раньше особую атмосферу параду в честь Дня Старшей Сестры придавал сам праздник и Особый девичий отряд с плакатами. В остальном торжество ничем не отличалось от других. Прежде Старшая Сестра не удостаивала праздничное шествие своим присутствием.

Конечно, Сестра не явится лично – Крэнстон это понимал. Никто никогда не видел ее и не увидит. Разумеется, она существует – существует же Бог, хотя кто его видел? Правильно, никто. Нет, она явится не во плоти, а в некоем, доселе неслыханном образе.

Крэнстон тщетно пытался успокоиться, но руки дрожали, в горле стоял комок. Дабы унять волнение, он осушил компакт-банку и потянулся за второй. Вдалеке грянул военный марш, и на площади показалась первая колонна де-

монстрантов.

Сначала шли солдаты, охранявшие землю, воду и воздух от несуществующих врагов, гремели фанфары, звенели колокольчики, барабаны не смолкали ни на минуту. Ослепительные красотки в камуфляжных бикини несли плакаты во славу Старшей Сестры; алый дым, поднимаясь от воздушных установок, выводил ее имя. И толпа хором скандировала:

– Старшая Сестра. СТАРШАЯ СЕСТРАААААААААА!

У Крэнстона по щекам заструились слезы, смешиваясь с потом от невыносимой августовской жары. Слезы текли градом. Рыдали все вокруг. Проходящий оркестр заиграл «Старшая Сестра любит меня» на военный лад, люди принялись подпевать. Сиплым, надтреснутым голосом Крэнстон выводил высокие ноты. Рядом распевала Мэдлин:

– Да, я знаю, Федправ не обманет...

Вдалеке замаячил огромный силуэт.

Неужели она? Крэнстон протиснулся ближе к забору и отчетливо разглядел десятиметровую махину на движущейся платформе. Пестрое хлопчатобумажное платье развевалось на ветру. У основания платформы восседали пигмеи, один крутил штурвал. Сестра утренней богиней возвышалась над толпой; лик подобен солнцу, волосы – золотистый свет. Прелестное лицо обращалось то влево, то вправо; исполинские округлые руки величественно вздымались и опускались. Послышался ласковый громовой голос, словно шум прибоя о песчаный берег.

– ПРИВЕТСТВУЮ ВАС, МОЙ СЛАВНЫЙ НАРОД!

БАМ-БАМ, стучали барабаны. БАМ-БАМ!

Крэнстон зачарованно припал к забору. Сзади напирали страждущие, но он ничего не замечал, только повторял про себя:

– Старшая Сестра, Старшая Сестра.

– ПРИВЕТСТВУЮ ВАС, МОЙ СЛАВНЫЙ НАРОД! – вновь прогремел голос. – ВЫ РАДЫ МНЕ?

– Рады! Рады! – раздалось в ответ.

– СТАРШАЯ СЕСТРА ЛЮБИТ ВАС. СТАРШАЯ СЕСТРА ЗАБОТИТСЯ О ВАС.

(Ликование)

– ОНА ПРИНЕСЛА БЛАГИЕ ВЕСТИ – ОТНЫНЕ ПОЧТОВЫЕ СЛУЖАЩИЕ ПОЛУЧАТ ПРИБАВКУ. ДА, СЕСТРА СПРАВЕДЛИВА. НО ДЛЯ ЭТОГО ОНА НЕМНОГО ВЫЧТЕТ ИЗ ВАШИХ ЗАРПЛАТ. ВЫ ЖЕ НЕ ПРОТИВ? В КОНЕЧНОМ ИТОГЕ, ВЫИГРАЮТ ВСЕ, ВЕДЬ СТАРШАЯ СЕСТРА ПЕЧЕТСЯ О КАЖДОМ.

– Нет, нет, мы не против. Мы не против!

– СТАРШАЯ СЕСТРА НЕ СОМНЕВАЛАСЬ. ОНА ЛЮБИТ ВАС. ЗАБОТИТСЯ О ВАС.

Крэнстон уже рыдал в голос. Прибавка, ему! Он вплотную прижался к забору.

– Старшая Сестра, Старшая Сестра, – бормотал он сквозь слезы.

Под тяжестью его веса и давлением толпы забор не выдержал. Перегрузка спровоцировала брешь, и Крэнстон кубарем полетел на мостовую. Банка выпала из рук и растворилась на асфальте. Ошарашенный, Крэнстон поднялся, но брешь уже затянулась, отгородив его от спасительного тротуара.

Крэнстон не испугался, напротив, обрадовался, что станет еще ближе к Старшей Сестре. Он попятился от обочины. Мимо продефилировал Особый девичий отряд. До платформы осталось каких-то полтора десятка метров. Крэнстон двинулся ей навстречу. Бой барабанов эхом отдавался в ушах и в голове. Смутно знакомый голос окликнул:

– Нет, Уолли! Вернись!

Но он не обернулся. БАМ-БАМ, гремело в голове и в

ушах. БАМ-БАМ! Человечки на платформе лихорадочно размахивали руками, громадина замедлила ход. Фигура Старшей Сестры заслонила небо, складки пестрого платья хлопали на ветру.

– Я иду, Старшая Сестра! – надрывался Крэнстон. – Иду к тебе!

БАМ-БАМ-БАМ, выводили барабаны. БАМ-БАМ-БАМ!

С платформы темнокожая девушка вопила:

– Назад! Назад, немедленно! Тебя же раздавит!

Но Крэнстон не собирался отступать. Левое колесо стремительно надвигалось: гигантское, беспощадное, прекрасное. Давняя мечта наконец сбылась. Окрыленный, Крэнстон ринулся в темноту, с блаженством ощущая, как хрустят кости, разрывается плоть. БАМ-БАМ, БАМ-БАМ-БАМ!

Темнокожая девушка рвется на свободу

Когда все закончилось – смятение, крики, затяжное совещание в штаб-квартире Партии, – Барр проводил измученную Патрицию Пенхарлоу домой. Подождал, пока она нальет себе выпить, и тоже устроился за барной стойкой в просторной гостиной. На паркете, в просветах между декоративными коврами, вспыхивал угасающий солнечный свет – жуткий день клонился к завершению.

К несчастью, виски не мог восполнить чудовищную пустоту.

– Получается, Паркс прав? – прошептала Патриция.

– Нет, – отрезал Барр. – Он угадал с аналогией, но ошибся, сравнив Джаганнатху со злом. Зла там нет, просто ритуал упразднили в угоду новой идеологии. Да, в ходе церемонии люди добровольно приносили себя в жертву, но это не шло в ущерб доктрине, напротив, укрепляло ее – равно как

сегодняшний инцидент укрепил веру в Старшую Сестру. Испокон веков люди преклонялись перед сущностью, толкавшей на самопожертвование, поэтому я целиком и полностью поддерживаю решение Партии сделать платформу неотъемлемой частью парадов в честь Дня Старшей Сестры.

– Ты чудовище!

– Вовсе нет. Идеологиям нужны фанатики вроде Крэнстона. Так уж совпало – я столкнулся с ним вчера на внутригородской проверке, и чисто по-человечески мне, как и тебе, жаль, что бедняга бросился под колеса. Заметь, бросился по доброй воле, никто его не заставлял. Кстати, Крэнстон метис. Он не говорил, но я и сам догадался, а досье подтвердило.

Патриция содрогнулась.

– У меня мороз по коже. Жуткое совпадение.

– Чепуха! – фыркнул Барр.

– Я буквально чувствовала, как мы его переехали. А ты?

– Не выдумывай. При такой массе почувствовать что-либо невозможно.

– А я почувствовала. Почувствовала, как перемалываются его кости. Мои кости.

– Понимаю, у тебя стресс. Скоро пройдет.

Патриция замолчала, и в гостиной воцарилась тишина. Сгущались сумерки, но никто и не думал зажигать свет. В полумраке девушка крепче стиснула высокий бокал. «Нужно напиться до беспамятства. Напиться, поехать в мегаполис и вместе с фанатами «термотары» отправиться на поиски любви, счастья и равенства. На похоронах Крэнстона соберется славная компания – покойника уже положили в гроб, в изголовье поставили тару, в изножье – упаковку арахиса. Значит, в нем текла негритянская кровь. Бедолага наверняка гордился. Все они гордятся. Как будто кровь добавляет достоинства или мозгов».

Барр поднялся и замер перед широким панорамным окном, за которым раскинулся бескрайний мегаполис, миллионы огней светлячками вспыхивали в темноте. На этом фоне Барр вдруг показался себе таким ничтожным – карандашный штришок. Возьми ластик – и от него не останется и следа.

«Интересно, сколько мы значим в действительности, не считая того значения, какое придаем себе сами? – промелькнуло в голове у Патриции. – Нужно поехать в город, обязательно попасть на похороны Крэнстона», – твердила она, хотя умом понимала, что не сделает ни того, ни другого.

Они занялись любовью в стерильной прохладе глухой спальни. «Как кролики, – размышляла Патриция. – Спариваемся, как кролики, только помета не даем». Она растянулась на простынях, подставив тело под прохладные струи воздуха, и слушала ровное дыхание Барра. «Пастух должен поспать. Сегодня выдался трудный день. Жуткий. В радужной дымке, окутавшей Америку, появилась прореха, и солнце на миг озарило одно из многочисленных звеньев Великой цепи. Цепи, которую я помогла выковать и навесить на нее замок. Все мы, черные, белые, радостно кричали «Аллилуйя!» и обливались праведным потом. А пока мы трудились в поте лица, призрак всезнайки-французика хохотал в сторонке».

Мертвую тишину нарушало лишь мерное сопение Барра, да ее тихое дыхание. В глухой, без окон, спальни единственным просветом служило крохотное вентиляционное отверстие под потолком, проделанное давным-давно непонятно зачем. Сколько раз Патриция смотрела сквозь него на заселенные горные вершины и разделяющие их бездонные пропасти, на причудливые узоры голубого и звездного неба. Как-то весной на карнизе поселились голуби; по ночам, лежа в могильном холоде спальни, она подолгу вслушивалась

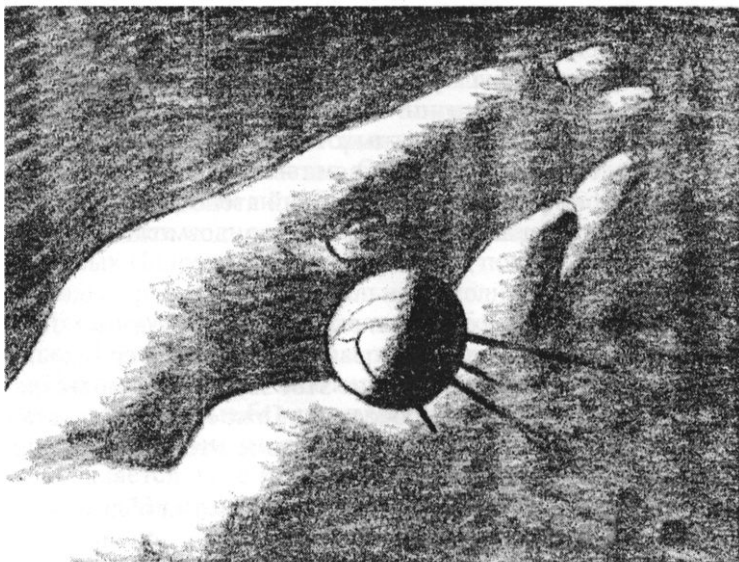
в их воркованье. Однажды голуби улетели и больше не возвращались. Птицы вообще редко появлялись в мегаполисах. Словно воздушные потоки тянули их к земле.

Даже будь у нее крылья, отсюда все равно не улететь.

Вдалеке грянули барабаны. Патриция встрепелась. Неужели парад? БАМ-БАМ, БАМ-БАМ-БАМ! Нет, звук совсем другой. Играли тамтамы, их дробный стук доносился сквозь века и расстояния. Да, да, тамтамы! Патриция сняла платье, выскользнула из тонкого полупрозрачного белья, сбросила туфли – атрибут белой расы. Грязь просочилась между пальцев босых ног, приятно холодя кожу. Патриция плясала на поляне, залитой звездным светом.

Ритм нарастал, в такт бешено колотящемуся сердцу. Прервав танец, она устремилась в ночной лес, на шум далеких тамтамов. Бежала со всех ног.

«Мои ступни осыпают поцелуями землю, та целует их в ответ, проникая в каждую клеточку тела... свободна... меня обступают деревья, листья щекочут темную кожу... свободна, свободна... с меня спадают оковы, оковы старой цепи, из которой мы выковали новую... свободна, свободна... ночь, звезды, бой барабанов, благословенная черная земля, моя родина... я бегу и я свобо-о-одна!»

РУКА

Рука покоилась на черном колене космоса. Пальцы, как горные пики, возвышались над глубокой впадиной ладони — такую впадину альпинисты назвали бы «кар». Большой палец вздымался вверх, как массивный горный хребет. Рука была правая, вылепленная так совершенно и точно, будто ее ваял сам Микеланджело — рука Давида, увеличенная в сотни тысяч раз и заброшенная неведомой силой далеко в космос.

Приближаясь к астероиду, Звездолов из рубки своего корабля наблюдал, как размытая груда камней постепенно обретает форму. Это было невероятно. Каких только астероидов он не повидал в жизни – похожих на дворцы, на корабли, на самых разных животных. Но вылепленная до мельчайших деталей рука макрокосма – такого он прежде не встречал. И хотя он был закоренелый атеист, у него, пусть и мимолетно, возникла мысль, что это, возможно, правая рука Господа.

Божья десница.

Мысль разозлила его, и он выбросил ее из головы. Лучше уж думать про детектор дораниума, который громко пищит, причем уже давно. Именно этот звук и привел Звездолова к Руке. Пять лет он прочесывал Пояс Астероидов в поисках удачи, и вот свершилось: наконец-то он нашел настоящую золотую жилу.

Спускаясь в углубление ладони, он заметил обломки большого корабля. С виду – утлая посуда из тех, на каких перемещаются Паломники. Значит, все-таки не он первый набрел в космосе на эту Руку. Уже после приземления он обнаружил и тело. Ладонь Руки бороздили глубокие линии, в одной из которых лежал покойник – примерно в пятнадцати метрах от своего птицеподобного летательного аппарата. Истощенное застывшее лицо за окошком шлема указывало на то, что человек умер от голода.

Звездолов разрезал скафандр Паломника, достал личные документы и рукой в громоздкой перчатке перелистал их. Имя: Джейсон Суинтон. Звание: Апостол 2 класса. Адрес: Орден Звездных Паломников, Нью Балтимор, Мэриленд, США, Земля.

Он сунул документы во внешний карман своего скафандра и пошагал в своих саморегулирующихся гравитационных ботинках к руинам корабля Паломника. Ничего

нового для себя он не открыл, все это он и ожидал увидеть. В тесной кают-компании — одна койка, один стул, один стол, одна плитка, одна чашка, одна тарелка, одна вилка, один нож, одна ложка и одна книга. Конечно же, «Завет Космической Эры». Вся эта история началась в давние времена, еще с первых астронавтов. Оказавшись на орбите Марса, они якобы увидели лицо Бога — а затем вернулись на Землю, где их вместе подняли на смех. Тогда они основали Орден Звездных Паломников и пустились на поиски Бога в космосе. Ряды Ордена с тех пор сильно пополнились — все больше протестантов и иудеев приходили к убеждению, что Иегова, он же Яхве, обитает где-то в районе орбиты Марса.

Паломник плохо заботился о своей летучей хижине. Всюду консервные банки и пластиковые контейнеры из-под еды, стол заляпан, плитка заставлена пустыми жестянками, одна валяется даже на койке. Звездолова это нисколько не удивило. Он всегда считал Паломников неряшливыми, прежде всего — в мыслях.

Он прихватил с собой летный журнал Паломника, чтобы позже на Земле вернуть его в Космическую Службу вместе с остальными документами. Затем, переступая через линии и бугры ладони, направился к своему кораблю.

До этих пор топография Руки его почти не занимала. Но сейчас, когда он шел по астероиду под светом звезд, ему стало как-то не по себе: над ним вздымались отроги огромных пальцев, гигантский хребет большака высился на севере, пологий склон ладони плавно поднимался вверх, встречаясь с горизонтом. Звездолов испытывал странное удовольствие от того, что медленно, словно клещ, ползет по этой огромной ладони, которая может в любой момент сжаться в кулак. Не поднялись ли скалистые пальцы еще выше в небо? Не согнулся ли хребет большака? Не дрогнула ли ладонь у него под ногами?

Он вернул мысли в нормальное русло. В конце концов, он не клещ, а человек. И никакой Руки нет – это просто груда камней, бессмысленно вращающаяся вокруг Солнца. Такая же мертвая, как Марс, такая же холодная, как Луна, и такая же заледеневшая, как Плутон.

Добравшись до корабля, он подготовил тент-палатку. Одним концом она плотно крепилась к наружному грузовому люку, а основанием герметично присасывалась к поверхности астероида. Звездолов открыл люк, и в палатку хлынул теплый воздух корабля.

Дисплей детектора точно указал местоположение дораниума, и ему не составило труда посадить корабль именно там, где нужно: чуть западнее начала жилы, метров на восемьсот восточнее от основания большого пальца и на таком же расстоянии от края ладони. Ему предстояло установить пять зарядов.

Залежи дораниума располагались на прямой линии под южным склоном кара на глубине около ста двадцати метров. Чтобы получить к ним доступ, ему придется развернуть взрывчаткой значительную часть Руки. Когда пласты с дораниумом высвободятся, он подхватит их мощными магнитами, зафиксирует груз и доставит на перерабатывающие заводы на земной орбите.

Вытащив буровую установку, Звездолов закрепил ее на опорах внутри палатки. Низкая гравитация была ему на руку, все шло как по маслу – правда, пришлось использовать несколько якорей для устойчивости. Он уже проанализировал геологический состав Руки, вычислил ее массу и оценил температурный режим. Изучив все факторы, пришел к выводу, что взрывчатку надо расположить на глубине двадцати одного метра.

Мало кто из добытчиков дораниума на Поясе работает в одиночку. Это сложно. Ты можешь хорошо разбираться в

одной области, но в другой бродишь в потемках. Обычно для того чтобы извлечь добычу и доставить ее на Землю, требуется трое или четверо. Но Звездолов был одинокий охотник. Еще в юности с ним случилось озарение: он понял, что человек приходит в этот мир одиноким и покидает его тоже в одиночестве. Друзья могут проводить тебя до могилы, но уж никак не дальше. Значит, они неспособны скрасить твоё неизбывное и вечное одиночество. А если так, то зачем они нужны? Чтобы паразитировать на тебе, вечно сидеть на шее? Мудрый человек постарается устроить жизнь так, чтобы у него не возникало необходимости таскать на себе этот груз. И, учитывая все сказанное: зачем человеку нужна семья? Она точно так же не способна спасти от одиночества. Никто не сидел на шее у Звездолова — ни друг, ни женщина, ни ребенок. Он умел почти все, и почти все знал. Он был на голову выше своих собратьев — настоящий волк-одиночка.

Взяв большой бур, он вставил его в держатель. И только начал затягивать гайки, как ударила радиационно-тепловая буря. Это застало его врасплох. Во-первых, потому, что он слишком увлекся работой. Во-вторых, палатка была дешёвая и недостаточно прозрачная. И в-третьих, радиационно-тепловые бури в этих широтах — вещь почти невозможная: они возникают из-за взаимодействия разнозаряженных лун Юпитера и редко распространяются так далеко в сторону Солнца.

Радиационно-тепловая буря похожа на гигантскую юбку, усеянную полихроматическими горошинами. Она опускается на планету или планетовид и начинает кружиться, как Солнце-клеш, уничтожая все живое на своем пути. Единственным живым существом на Руке был Звездолов. Скафандр, который мог дать хоть какую-то защиту, остался внутри корабля.

Хлесткий подол «юбки» легко рассек стену палатки, и Звездолов выронил гаечный ключ. Ловко уворачиваясь от смертоносных горошин, он бросился к внешнему грузовому люку и укрылся на корабле. Воздух уже начал уходить из палатки, и тяга была такая мощная, что движки блокировки могли не сработать. Но все-таки они справились, и люк закрылся.

Звездолов прислонился к нему с облегчением. Отдыхал он недолго: на очереди было новое испытание. В отличие от бури Затемнение не стало для него сюрпризом – такое случалось с ним и раньше, он научился чувствовать приближение момента.

Глаза закрылись сами собой, он прижался к шлюзу, и тот как будто растаял; пол под ногами исчез, и наступила темнота. Нет, не совсем темнота. Вокруг на огромном удалении светились бледные пятна – острова-вселенные. Звездолов же был в центре и вращался вокруг своей оси медленно, как маленькая звезда.

Он знал, где находится – в собственном сознании. Но что он здесь делает? Зачем он вызвал в воображении это скопление галактик и поместил себя в точку, равноудаленную от всех них?

Вращаясь, он узнавал объекты из списка Мессье и Нового общего каталога¹: вот галактика Андромеды, вот Магеллановы Облака, вот галактика Треугольника, вот гигантский водоворот Млечного Пути с его садом шаровидных скоплений, и опять Андромеда с множеством спутников,

¹Каталог Мессье – список из 110 астрономических объектов, составленный французским астрономом Шарлем Мессье и впервые изданный в 1774 году. Новый общий каталог туманностей и звездных скоплений – наиболее известный в любительской астрономии каталог объектов далекого космоса. Содержит 7840 объектов. Был составлен в 1880-х годах Джоном Людвигом Эмилем Дрейером.

похожих на звездную пыль, и опять Треугольник, и опять Малое Магелланово Облако...

Постепенно пришло ощущение ужасного холода и бесконечной пустоты. Когда они стали невыносимы, Затемнение закончилось.

На ватных ногах Звездолов поднялся в рубку. Сквозь обзорные окна было видно, как буря мечется по Руке. Если смотреть пристально, наверное, можно увидеть огромную черную великаншу, этакую королеву Бробдингнега¹. Великанша пляшет среди скал, взбирается то на один гигантский палец, то на другой, пробегает по гребню большака, и ее черная юбка в горошек бешено кружится. Конечно, прежде чем уйти восвояси, она должна еще раз пройтись юбкой по тенту-палатке. И неизвестно, когда она, наконец, устанет от своего одинокого рок-н-ролла.

Для Звездолова это была возможность немного поспать. Но он знал, что не сможет заснуть, пока не закончит работу. Чтобы убить время, он взял дневник Паломника, сел на диван в своей каюте и откинулся на подушки.

Почерк был корявый, но разборчивый. Крушение своей посудины Паломник объяснял «ошибкой пилота, вызванной Явлением Руки». Что ж, вполне логично. Для атеиста Рука Господня – всего лишь груды камней. Паломник же, потрясенный увиденным, был обречен совершить ошибку.

Звездолов прочитал еще несколько записей. Оказалось, Паломник путешествовал по миру в поисках Бога уже давно, и где только ни побывал. И вот, наконец, он больше не одинок: «Бог утешает меня у последнего придела». Паломника не смутило, что ему явилась лишь одна правая рука Господа. «Есть множество других измерений, кроме трех,

¹ Бробдинггес – страна великанов, придуманная Джонатаном Свифтом.

в которых, как в тюрьме, заточен человек, и кроме теоретически существующего четвертого. Бог присутствует во всех измерениях, и только обретя многомерность, простой смертный смог бы воспринять Бога во всей Его полноте». Паломник часто вспоминал своих соратников по Ордену и мечтал рассказать им о «Явлении Десницы», благодаря которому он «вышел из мрака ночи и узрел свет дня». Но передатчик у него сломался во время аварии, а починить его он не сумел.

К концу записи стали бессвязными, но в некоторых фразах звучала поэтическая ясность. «Ибо что есть человек без Бога? Всего лишь осколок комического кораблекрушения, мусор, выброшенный за борт. Жалки те, кто творит себе других кумиров, потому что Он им не нужен, и большинство из них никогда Его не узрят. Его прикосновения так нежны, они лечат мою боль. И отчаяние мое отступает. Звезды – это Очи Божии, а их свет – Его вечный взгляд».

Черная великанша в юбке-клеш, приплясывая, наконец-то умчалась в космос. Звездолов облачился в скафандр и отправился продолжать работу.

Палатка восстановлению не подлежала, а вот буровая установка оказалась целой и невредимой. С помощью переходника он подключил кабель к блоку питания корабля и нажал кнопку пуска. Большой шкив начал подниматься вверх, готовясь к первому бурению, и одновременно включился небольшой реактивный двигатель. Бесшумный взрыв – и вот бур уже вгрызается в поверхность астероида. Через некоторое время шкив поднял его, а затем операция повторилась.

Звездолов заранее отрегулировал глубину бурения. Как только бур ее достигнет, установка автоматически отключится. Он начал готовить первый снаряд – цилиндр из сплава марганца и бронзы, наполненный нео-динамитом. В громоздких перчатках работать было неудобно, но он аккурат-

но вставил заряд в специальный паз в стенке цилиндра. Заряд можно было активировать нажатием пусковой кнопки на приборной панели в рубке корабля и никак иначе.

Завершив с цилиндром, он сел и уставился в черное небо, где цвели звезды. Солнце — огненная хризантема. Венера — серебряная роза. Земля — одинокий голубой колокольчик. Скоро он вернется домой и заживет припеваючи. По сравнению с этим месторождением, все предыдущие, им открытые, — просто детский лепет, хотя они и принесли хорошую прибыль. Но этот раз... от мыслей о предстоящей выручке у него голова шла кругом.

Установка выключилась. Звездолов подошел к образовавшейся шахте и бросил цилиндр вниз, в темноту. Тот падал долго, но в конце концов достиг дна.

Рука вращалась вокруг своей оси, и освещение на астероиде изменилось. Пальцы как будто поднялись выше, у их основания образовалось черное озеро теней. Звездолов частично демонтировал буровую установку и прикрепил ее к специальным кольцам на корпусе корабля, потом поднялся метров на сто пятьдесят над поверхностью и двинулся в сторону следующего месторождения. Черное озеро отступило, он посадил корабль и вышел на солнечный свет.

Он как раз собрался устанавливать снаряжение, когда налетел Адов Ветер. Яростный порыв ударил со всей силы, подняв температуру внутри скафандра до жгучих пятидесяти пяти градусов. Звездолов поспешно нащупал крепежные кольца и вцепился в них пальцами, а ногами крепко обхватил бур. Ветер рванул еще сильнее, прижимая его тело к корпусу корабля, температура внутри скафандра выросла еще больше. Он почувствовал, что бур колеблется, и на мгновение его охватил страх, что ветер вырвет установку, поднимет ее вместе с ним самим и унесет в космос. Но крепления все-таки выдержали.

Несмотря на мучения, Звездолов все время спрашивал себя, как же Адов Ветер смог забраться так далеко от Солнца. Эти ветра, рожденные глубоко в солнечных завихрениях или, как их еще называют, в солнечных облаках, взрывают освещенную сторону Меркурия, треплут Венерин хвост и иногда касаются атмосферы Земли. Но Пояс находится за Марсом. Только страшный испепеляющий вихрь способен пройти столь долгий путь, плутая в холодных пещерах космоса.

Напор ветра уменьшился, но Звездолов не ослабил хватку. Он доверял Ветру не больше, чем великанше в юбке-клеш. Тело его горело, и казалось, что вены вот-вот лопнут.

Наконец порывы прекратились. Теперь Ветер точно ушел и больше не вернется. Звездолов отпустил кольца и бур. Через некоторое время температура внутри скафандра вернулась к норме. Он весь дрожал. Надо было срочно выпить чего покрепче.

Он проверил буровую установку – все в порядке, ничего не повреждено. Внутри корабля он снял скафандр, поднялся в свою каюту, налил почти полный стакан бурбона и поднес к губам. Первый глоток был как животворящий взрыв, ударная волна прокатилась по всему телу до кончиков пальцев. И все же, только опустошив стакан, он достиг той ясности мысли, которая была ему необходима, чтобы объективно проанализировать ситуацию и сделать выводы.

1. Да, радиационно-тепловые бури редко залетают в такие районы космоса, как Пояс Астероидов. Но это не может полностью исключить появления здесь великанши в смертоносной юбке.

2. Да, пока не было зарегистрировано случаев, чтобы Адовы Ветра добирались до Пояса. Но это не значит, что они на это не способны.

3. Да, почти одновременное появление двух этих феноменов в одном месте с астрономической точки зрения

кажется странным. Но с учетом того, что космос вечен, огромен и до конца не изучен, такие странности вполне можно признать допустимыми. С этим бы согласились все, кто так или иначе связан с космическим пространством.

Следовательно: ни радиационно-тепловая буря, ни Адов Ветер, ни их внезапное появление в одном и том же месте почти в одно и то же время не могут свидетельствовать о том, что некая космическая сила – да ладно, скажем без обиняков – некое высшее существо пыталось помешать надругательству над своей рукой.

Звездолов выпил три термочашки кофе, оделся и снова вышел наружу. Пальцы Руки уже почти касались Солнца, и черное озеро теней заполнило всю ладонь, скрыв жалкий корабль Паломника.

Он подготовил и запустил буровую установку. К тому времени, как второй заряд был установлен, пальцы Руки закрыли Солнце, и черные воды теневого озера подступили совсем близко.

Он прикрепил установку к корпусу корабля, поднялся над поверхностью астероида и снова увидел Солнце. Перед ним была металлическая карта, которую он подготовил заранее – точки закладки зарядов он отметил крестиками. Третий крест находился точно под ним. Он опустил машину, пробурил шахту, бросил цилиндр в темноту и отправился на участок номер четыре. Сейчас он был ближе к восточному склону кара и вдалеке видел впадину, которая отделяла большой палец от тыльной стороны ладони.

Четвертый заряд он разместил быстро, но воды черного озера все же успели подобраться к буровой установке. Теперь они заполняли почти всю впадину ладони, а пальцы оделись в перчатки – черные, чернее самого космоса. Осталось заложить последний заряд. Место закладки располагалось высоко у края ладони, но оно было достаточно ровное,

так что буровую установку он закрепил без особых проблем. Закончив бурение, бросил в шахту пятый и последний цилиндр.

Если не считать бурю и Адов Ветер, операция прошла гладко. Заряды заложены идеально, после их активации пласты с дораниумом высвободятся, останется только их подхватить. Добыча, считай, у него в кармане.

Он ждал, когда же почувствует удовлетворение от хорошо выполненной работы. Странно, но ничего подобного не случилось. Наоборот, на душе почему-то было тяжело.

Внезапно его качнуло. Сперва он решил, что просто потерял равновесие, но за первым толчком последовал второй, и Звездолов в изумлении отступил назад. С третьим толчком поверхность астероида разломилась, образовав длинную трещину шириной полтора метра. Она начиналась прямо под одной из опор установки – большая машина покачнулась и рухнула, бур вырвался из креплений и по дуге полетел прямо на Звездолова. У него было достаточно времени, чтобы отскочить в сторону, но от изумления он не смог двинуться с места. Вероятность тектонической активности была столь незначительна, что он даже не включал ее в расчеты. Бур ударил его в грудь, он упал, покатился вниз, на дно ладони, и воды черного озера сомкнулись над ним.

Он потерял сознание – как ему показалось, на секунду. На самом деле прошел час.

В эту секунду-час с ним опять случилось Затемнение.

Как маленькая звезда он вращался посреди огромной безмятежности космоса и наблюдал величественное шествие островов-вселенных сквозь пространство и время. Потом снова накатил ужасный холод, а следом – ощущение страшной пустоты межгалактического пространства. Когда они стали почти невыносимы, Затемнение закончилось.

Что же подсознание хочет ему сообщить? Какую пугающую тайну?

В груди ощущалась тяжесть, но дышать он все-таки мог.

Он сел, потом с трудом встал на ноги. Черное озеро полностью затопило впадину, пальцы вздымались вверх, как башни огромного черного замка. Метрах в тридцати вверх по склону рядом с покалеченной буровой установкой стоял его корабль. Спотыкаясь, он поднялся к нему и пролез в люк. Похоже, рукотрясение не нанесло кораблю ущерба. В рубке Звездолов запустил быструю проверку всех систем – отчет показал, что все работает нормально.

Раньше он не чувствовал боли, но сейчас она начала пульсировать и разлилась по всей грудной клетке. Быстро, но тщательно он ощупал себя: как минимум две ребра треснули, ключица сломана. Значит, нужно немедленно извлекать пласты с дораниумом и возвращаться на Землю.

Звездолов протянул руку к панели управления, но пальцы замерли. Он не мог нажать на кнопки. Да, он сумел логически объяснить бурю и Адов Ветер. Ему удалось как-то привести к разумному общему знаменателю их одновременное появление во времени и пространстве. Но землетрясение – это что-то другое. Конечно, его могло спровоцировать бурение. Но все же, ветер, буря и землетрясение вместе взятые – это уже слишком странно. Ни один исследователь космоса не сочтет такое совпадение возможным.

Ему было жизненно важно освободиться от мучительных сомнений до возвращения на Землю. В его вселенной не было места для высшего существа. Ради собственного душевного спокойствия, ради будущего он должен был убедиться в том, что астероид – не Божья Десница. А значит, доказать себе, что никакого Бога не существует.

Для этого подходил только один способ.

Он поднял корабль и полетел низко над краем трещины. Отмерив определенное расстояние, приземлился, спустился в грузовой отсек и зарядил шестой цилиндр. Затем через люк вылез наружу и бросил цилиндр в трещину. Вернулся, снова поднял корабль, пролетел такое же расстояние, опустился и повторил процедуру.

Трещина была неровная. Она шла по направлению к большаку, потом резко поворачивала на запад в сторону остальных пальцев, потом резко на юг, дальше зигзагообразно проходила через всю ладонь, а в конце опять-таки круто поворачивала на запад. Пытаясь убить его, Рука открыла ему путь к ее собственному уничтожению. В общей сложности он сбросил вниз девять зарядов, последний — у основания третьего пальца, там, где заканчивалась трещина.

К этому времени боль стала невыносимой, каждый вздох давался с трудом. Он едва мог поднять правую руку, ноги налились свинцовой тяжестью. Но жгучее желание доказать, что Бога не существует, придавало сил. Вернувшись на корабль, он снова подошел к пульту управления. Поднял корабль вертикально вверх, наблюдая, как визуально уменьшается Рука. Когда на вид она стала почти человеческой по размеру, он вывел корабль на орбиту и активировал первые пять зарядов.

Рука дрогнула. Часть ладони в форме полумесяца отделилась. Звездолов мгновенно подхватил ее магнитами и начал подтягивать к кораблю. Когда до корабля оставалось сто пятьдесят метров, он перевел магниты в режим удержания и зафиксировал груз.

Колени у него подгибались, во рту было сухо, как в пустыне. Протянув руку к пульту, он активировал десятый и четырнадцатый заряды. Мгновенной реакции не последовало, но потом вся Рука содрогнулась, и от нее откололся средний палец. Звездолов безжалостно активировал вось-

мой и одиннадцатый заряды. И опять то же самое: вначале никакой реакции, затем содрогание, еще более сильное – такое сильное, что он и сам вздрогнул.

Рука разломилась пополам. Он быстро нажал на кнопки, активировав оставшиеся заряды, и части руки разлетелись в щебенку, только большак и средний палец остались целыми. Средний уплыл в космос, а осколки ладони начали вращаться вокруг большака. Далекое Солнце сияло над новоиспеченной вселенной, даря дневной свет крошечным планетам, только что сотворенным Звездоловом.

Он поднял глаза к небесам в ожидании, что левая Рука Господня появится и нанесет ему удар.

Он ждал, ждал и ждал.

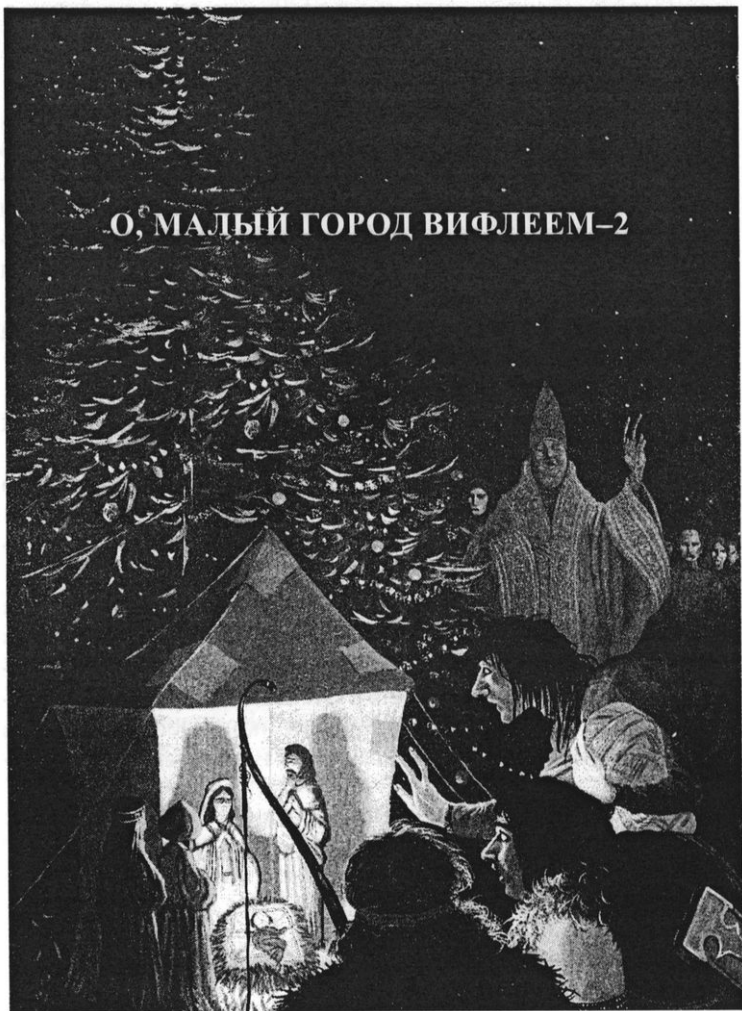
Через некоторое время он осознал, что стоит на коленях и молится о явлении левой Руки.

Он хотел доказать не отсутствие Бога, а, наоборот, Его существование.

Но все, что он видел перед собой, – огромное, безразличное лицо космоса.

Прошла, наверное, вечность. Он поднялся, не чувствуя своего тела, выставил максимальную скорость и взял курс домой. Никогда в жизни с ним больше не случится Затемнения, но и покоя он не обретет. Он вернется на Землю, чтобы и дальше жить среди соплеменников. Особняком, без семьи и друзей, в своем бесконечном и неизбывном одиночестве.

О, МАЛЫЙ ГОРОД ВИФЛЕЕМ-2

Утром вместе с Сэнди и Дрю я отправляюсь в лес за рождественским деревом. В здешнем лесу полным полно деревьев, похожих на сосны и ели, найти подходящее не так-то просто. Хвойным в нашей части планеты Макмаллена недостает симметрии, свойственной их земным сородичам.

Сэнди десять лет, Дрю – восемь. Сочельник уже завтра, они ждут его с нетерпением, хотя Санта-Клаус точно не заглянет в печную трубу. Когда я напоминаю им об этом, они уверяют меня, что это вообще не важно. Рождество в этом году, говорят они, все равно будет совершенно необычное. И это правда.

Обычно в лесу всегда можно встретить кого-то из гнут-сов. Одна из их деревень находится совсем рядом с нашим поселением, и их женщины с детьми часто отправляются в лес выкапывать какие-то корни и клубни. Но сегодня никого из них не видно. Наверное, нашествие колонистов за рождественскими деревьями их отпугнуло.

Я замечаю Джека Беста, нашего соседа. С ним трое детей, и он как раз срубил двухметровое дерево.

– С наступающим, Глен! – машет он мне.

– С наступающим, Джек!

Наконец мы находим дерево подходящего размера и почти идеальной пирамидальной формы, и я берусь за топорик. Сэнди и Дрю хотят нести елку домой сами. Мелисса, моя жена, встречает нас на пороге. Прошлой ночью шел дождь, и она просит как следует вытереть ноги. Наш дом – небольшой и одноэтажный. Обычная коробка без наружной отделки, но мы им все равно гордимся. Как и остальные дома в нашем поселении, а также две церкви и несколько других зданий, он построен из пластидерева. Пластидерево отлично подходит для быстрого строительства колоний. Это не самый лучший материал для районов с холодным и ветреным

климатом, слишком уж он тонкий и легкий. Но в нашей части планеты зима почти неотличима от осени и весны, и круглый год здесь дует легкий приятный ветерок.

После ужина я устанавливаю дерево в гостиной, Мелисса и дети начинают украшать его бусами из попкорна и самодельными игрушками. Я оставляю их за этим занятием и отправляюсь на площадь, чтобы нарядить большую общую елку, которую мы поставили вчера с другими колонистами. Площадь – центр нашего поселения. Она отсыпана галькой, которую мы притащили с берегов ближайшей речушки. К сожалению, мы не могли привезти с Земли цемент, слишком уж он тяжелый, потому у наших домов нет опор. Недавно мы научились делать собственный цемент. Правда, ставить опоры уже поздно, поэтому мы собираемся залить толстым слоем бетона нашу площадь.

Дерево высотой четыре с половиной метров. Дети от него в восторге. Сейчас бы они носились вокруг по площади, если бы разрешил мэр Джо Хольц, но ограничения он отменит только завтра. Прежде чем поднять дерево, мы водружаем на его верхушку звезду из алюминиевой фольги – ее мы привезли с Земли. А вместе с ней – большую коробку настоящих елочных игрушек, двадцать упаковок мишуры и два десятка электрических гирлянд. Ассоциация по освоению внеземных территорий (АОВТ) не возражала, поскольку вес украшений оказался совсем незначительным.

Закончив наряжать дерево, мы устанавливаем у его подножия рождественские ясли. По их поводу в АОВТ сначала подняли крик, настаивая на том, что мы должны взять с собой что-то более практичное. Но на нашу сторону встала американская общественность и, что еще важнее, средства массовой информации. «Чего же стоит наше христианство, – вопрошал один из знаменитых телекомментаторов, –

если мы отказываем храбрым колонистам, которым предстоит встретить первое Рождество в новом мире, в праве лицезреть сцену, священную для каждого христианина?»

Джо Хольц зажигает гирлянду, и дерево вспыхивает разноцветными огнями. Кажется, что звезда из фольги излучает яркий свет. Мы сооружаем над яслями импровизированный навес, чтобы создать видимость прочности. Рич Джефферсон, наш электрик, зажигает возле яслей свет – он гораздо мягче и приглушеннее, чем огни на площади. Фигуры Божьей Матери, Иосифа, пастухов и Младенца купаются в нем, нежном, как пламя свечей. Мы все глубоко тронуты этим зрелищем. Младенец Иисус, кажется, смотрит прямо на нас из своей колыбели, готовый дарить новому миру свою безграничную любовь.

Чтобы отметить событие, мы открываем бочонок домашнего пива. По летоисчислению планеты Макмаллена с нашего прилета прошел всего год, по земному – почти два, и мы уже успели привнести в нашу жизнь некоторые удовольствия, которые на Земле принимали как данность.

Нас согревает пиво, объединяет дух товарищества и чувство удовлетворения от хорошо проделанной работы. Рич Джефферсон берется выразить наши эмоции в словах. Мерцающий свет гирлянды падает на его черное лоснящееся лицо, он поднимает глиняную чашу с пивом и объявляет:

– Мы здорово потрудились, ребята! Работали плечо к плечу дни и ночи. Мы прилетели в чужой мир и превратили его в новое пристанище для человечества. Этот мир очень далек от Земли, и любовь Иисуса еще не успела коснуться его пределов. Но завтра ночью небесная любовь Божья омоет нас, как животворящая волна.

Он поднимает свою чашу выше. За ним – все остальные.

– За братскую любовь! – провозглашает он, и все присоединяются к тосту.

Я ухожу с площади раньше других. Хочу завтра проснуться с ясной головой. В задумчивости шагаю по узким улицам к дому. Тепло все еще разливается по телу, а душу греет братский дух единения.

Нашу маленькую колонию мы называли Вифлеем. Я с трепетом проговариваю про себя это слово, а потом произношу громко: «Вифлеем». Мы все ждем чуда, и это название подходит к ситуации как нельзя лучше. Я знаю, что с научной точки зрения наше чудо ненастоящее. Оно – всего лишь результат действия сил природы. И все-таки в нем можно почувствовать прикосновение Руки Божьей.

Завтра вечером в 22:16 родится Иисус Христос. Он родится на Земле третьего апреля 33-го года нашей эры.

От Земли до планеты Макмаллена 2053 световых года. Но межзвездные корабли путешествуют в инфрапространстве, где световые года не идут в счет. Путешествие длилось всего один день по корабельному времени. Мы отправились в прошлое, и, хотя на Земле был 2086 год от Рождества Христова, сейчас на голубой планете, которую мы видим в небесах, 33-й год.

В начале XXI века исследователи времени смогли точно определить момент рождения Иисуса. И до нашего отлета главный компьютер Космической Базы сообщил, когда именно Величайшее Чудо спустится к нам с небес на крыльях света. Составляя календарь планеты Макмаллена, мы решили назвать месяц Рождества традиционно – декабрем, а дату сдвинули на одни сутки, чтобы она пришлась на Сочельник, ведь для большинства христиан он еще более священен, чем само Рождество. Хотя здешние месяцы длиннее земных, дни примерно такой же длины. И, что удивительно, месяц, который мы называли декабрем, оказался первым климатически зимним месяцем новой планеты.

Исследовательская команда, которая первой изучала

планету и выбирала место для будущей колонии, состояла из представителей разных конфессий. Были там и атеисты. Отправив рапорт на Землю, они основали собственную колонию к югу от выбранных для нас земель. АОВТ сочла, что было бы кошунством отправлять еще больше атеистов и нехристиан на планету, которой вскоре предстоит праздновать рождение Иисуса. Поэтому в состав основной колонии вошло одинаковое количество нео-католических и нео-протестантских семей.

О Пасхе мы пока не задумываемся — слишком уж до нее далеко, и некоторые не доживут до этого дня. Но те, кто доживет, испытают еще большее благоговение, когда Великое Воскресенье пересечет пространство и коснется наших берегов.

На следующее утро мы с Ричем Джефферсоном и Доком Росарио отправляемся в ближайший Гнутстаун за дикими индейками. Корабль, на котором мы прилетели, стоит на большой лесной поляне неподалеку от нашего поселения. Мы идем, окруженные утренними тенями. Корпус корабля заржавел — он, как и мы, никогда больше не увидит Землю.

Индейки планеты Макмаллена на самом деле не совсем индейки, но выглядят немного похоже. И на вкус, если пожарить, почти не отличаются от земных. Тела у них невероятно плоские, и, несмотря на неуклюжесть этих птиц, никому из наших колонистов еще не удалось подстрелить хотя бы одну. А вот гнутсы с легкостью подбивают их из своих примитивных луков.

Добравшись до Гнутстауна, мы сообщаем местным свои пожелания. Объясняемся знаками, ведь на гнутском языке мы не говорим. Вождь, который, как и все представители его расы, согнут вперед в талии, подзывает двоих охотников. Мы показываем им яркие куски полиэстера, привезенные с Земли; они щупают ткань грязными пальцами

и внимательно рассматривают ее печальными карими глазами. Команда исследователей отнесла местных жителей к человеческим существам. Несмотря на нелепую осанку и грязно-белый цвет кожи, они выглядят не совсем отталкивающе. Согнуты не только взрослые, но и дети – века тяжелой работы на полях превратили искусственную деформацию в естественное положение тела.

«Гнутсы» созвучно «гнусам», и кто-то может подумать, что мы называем так местных потому, что относимся к ним с презрением. Неправда. Просто именно это слово пришло нам на ум, когда мы впервые увидели их согнутые фигуры.

Охотники с луками и стрелами уходят, и Вождь спрашивает нас о большом дереве, излучающем свет. Один из местных мальчишек якобы заметил его, сидя на высокой ветке в лесу. Я знаю, что Вождь врет: на самом деле мальчишка шастал вокруг нашего поселения. Это меня злит. Дети гнутсов постоянно ошиваются возле нас. Еще больше злит, что из-за них наши дети вчера остались дома и не видели, как мы украшаем дерево.

Я объясняю Вождю, что дерево – это наш дар Господу в надежде, что Он подарит женщинам нашего племени способность приносить больше потомства. Если сейчас я начну растолковывать, зачем нам на самом деле нужно дерево, я буду объясняться бесконечно, тем более что я и сам не очень хорошо знаю ответ.

В ожидании охотников мы решаем немного прогуляться по деревне. Вокруг нас соломенные хижины, возле них бегают маленькие уродливые животные, похожие на собак. Мы выходим на околицу. Перед нами раскинулись поля. Когда придет весна, гнутсы вспашут их своими деревянными плугами и засеют зерновыми. Черная плодородная почва приносит им огромные урожаи. Наши поля совсем близко, но, по иронии судьбы, почва там в основном глинистая, и

все, что нам удастся вырастить более-менее приличного – помидоры.

– Только представьте, – говорит Док Росарио, обводя рукой поля гнутсов, – если б эту землю да в наши руки!

– Да, но она не для нас, – с горечью произносит Рич.

Не для нас. Потому что гнутсы, классифицированные как человеческие существа, наделены всеми правами человека. АОВТ ясно дала понять еще до отлета, что возделывать мы сможем только ту землю, которая была выбрана для нас.

К счастью, охотники, наконец, возвращаются. Я разделяю горечь Рича, как и все остальные колонисты. Это и вправду обидно: стоять и смотреть на обширные плодородные земли, в которых тебе отказали твои собственные соплеменники. Охотники дают нам трех чудесных птиц, мы расплачиваемся яркими тряпками и уходим.

Мелисса занимается индейкой – потрошит ее, моет, готовит начинку. К нам ненадолго заглядывает пастор Рильке. Говорит, что решил все-таки провести ночную службу, хотя в нео-протестантских церквях принято служить уже в день Рождества. Но поскольку этот канун Рождества – первый, было бы неправильно ждать до завтра. Он уже обсудил эту тему с отцом Фардю, и тот признал, что это отличная идея – когда представители обеих ветвей христианства возблагодарят Господа вместе.

– Вряд ли стоит спрашивать, придете вы или нет, – говорит пастор Рильке. – Я просто хочу заранее оповестить мою паству о том, что служба состоится и наша маленькая церковь, наконец, наполнится людьми.

Сэнди спрашивает, ощутим ли мы Великую Волну Любви. Пастор, невысокий полный человек с круглым лицом, широко улыбается.

– Думаю, Сэнди, да. Те из нас, кто чист сердцем, ощутят. А я уверен, что мы все такие – особенно дети, про которых

Он сказал... ну, или еще скажет: «Пустите детей и не препятствуйте им приходить ко Мне, ибо таковых есть Царство Небесное»¹.

После ухода пастора Сэнди и Дрю опускают шторы в гостиной, включают проектор и начинают разучивать с экрана Рождественские гимны. Мелисса моет и вытирает миски, кастрюли и сковородки; потом принимается готовить печенье. Здесь, на планете Макмаллена, нет и намека на движение за права женщин и его невероятные достижения на Земле. Не то чтобы женщины колонии утратили свое достоинство – нет, ни в коем случае. Наступит день, и в нашем новом прекрасном мире откроется масса разных возможностей и для мужчин, и для женщин. Сейчас же колония больше похожа на первые поселения отцов-пилигримов в Новой Англии, чем на высокотехнологичные города, которые мы оставили позади. Так что женщины делают женскую работу, а мужчины – мужскую.

Мы садимся ужинать, но едим мало. У меня нет аппетита, дети едва дотрагиваются до еды, да и у Мелиссы почти все остается на тарелке. С самого прибытия на планету мы жили только ради этой ночи. Ожидание придавало нам сил в борьбе и преодолении. Не только нам, но и всем колонистам. Нельзя сказать, что мы фанатично религиозны и витаем в облаках. Нет, мы все, и протестанты, и католики – трезвомыслящие, рассудительные и практичные люди. Но, вместе тем, мы истинные христиане, и нас окрыляет мысль о том, что сегодня ночью родится наш Спаситель.

Сэнди помогает Мелиссе вымыть и убрать посуду. Потом мы все надеваем нашу лучшую одежду. Лучшую по местным понятиям; люди Земли, поглядев на нас, решили бы, что мы типичные крестьяне. Но ни меня, ни Мелиссу это бы

¹ Матфей, 19:14.

не обидело. Мы ведь теперь и в самом деле крестьяне.

Ночное небо усыпано звездами, сейчас они горят особенно ясно. Как чудесно было бы увидеть Вифлеемскую звезду! Но, конечно, это невозможно. То, что мы увидим — не настоящая звезда, а всего лишь сизигия Юпитера и Сатурна. Но Рождественская звезда все равно будет сиять в нашем небе, даже несмотря на то, что мы не увидим ее, и ее свет сольется с Великой Волной Любви.

На площади мы с Мелиссой и детьми присоединяемся к тем, кто уже пришел и сейчас стоит возле дерева. Гирлянды уже зажжены, их теплые огни озаряют темноту. Звезда на верхушке горит почти так же ярко, как та, чей свет, идущий с Востока, увидят на Земле волхвы. И это несмотря на то, что свет сизигии еще не коснулся нашего мира. Мария, Иосиф и пастухи, склонившись над колыбелью, смотрят на Младенца восхищенными взорами.

Пастор Рильке и отец Фардю (настолько же худой и высокий, насколько пастор короткий и толстенький) стоят возле яслей. Вместе с нами они начинают петь Рождественский гимн. Мы согреваем ночной воздух мелодией и словами, которые любим больше всего:

О малый город Вифлеем,
Ты спал спокойным сном,
Когда рождался вечный день
В безмолвии ночном.

Многие явно тронуты, у женщин на глазах слезы. Слезы радости и любви. В 22:15 отец Фардю начинает отсчет. Все затихло, слышен лишь его голос:

— Шесть... пять... четыре... три... два... один...

И внезапно все вокруг озаряется светом. Циник сказал бы, что это далекая вспышка молнии, хотя небо совершенно ясное, и ни намек на раскаты грома. Но среди нас нет циников.

Отец Фардю и пастор Рильке преклоняют колени, а следом за ними и все мы. Я чувствую, как меня омывает Волна Любви. Я люблю своих соседей и знаю, что они любят меня. Любовь выплескивается в атмосферу, вырастает до неба, я и чувствую единение с миром, в который мы пришли и назвали своим. Вокруг меня плачут мужчины и женщины. Слезы текут по моим щекам.

– Аллилуйя! – восклицает пастор Рильке.

– Он здесь! – воздымает руки отец Фардю.

– Он здесь! Он здесь! Он здесь! – вторит толпа.

Мы поднимаемся на ноги. Вдруг я замечаю, что на площади появились три гнутса. Вот они пробираются сквозь толпу к дереву. И замирают, уставившись вверх на звезду.

Мы все замолкаем.

Гнутсы опускают глаза и начинают разглядывать ясли. Они смотрят на Марию, Иосифа и пастухов. И на колыбель с Младенцем. Потом один из них опускается на колени рядом с яслями и кладет рядом с ними маленький сверток. А другой прикасается к колыбели.

И тогда тишину взрывает возглас отца Фардю.

– Он дотронулся до Младенца своими грязными руками!

Ужас, звучащий в голосе священника, охватывает всю толпу, перерастая сначала в гнев, а затем в ярость.

– Гоните их прочь! – кричит пастор Рильке. – Гоните прочь!

Площадь посыпана галькой, среди камушков попадают и покрупнее. Я нащупываю один из них. Все мужчины и женщины наклоняются за камнями. Один из гнутсов вскрикивает – камень попал ему в плечо. Гнутсы пытаются выбраться с площади, но их окружает разъяренная толпа.

Пастор Рильке подбегает к яслям и отшвыривает в сторону ногой маленький сверток так, как будто это бомба.

Сверток разваливается, из него выпадают клубни и раскалываются по площади.

В воздухе свистят камни, теперь их бросают и дети. Один из гнутсов падает.

— Грязные свиньи! — Генриетта Хольц бросает камень, но промахивается.

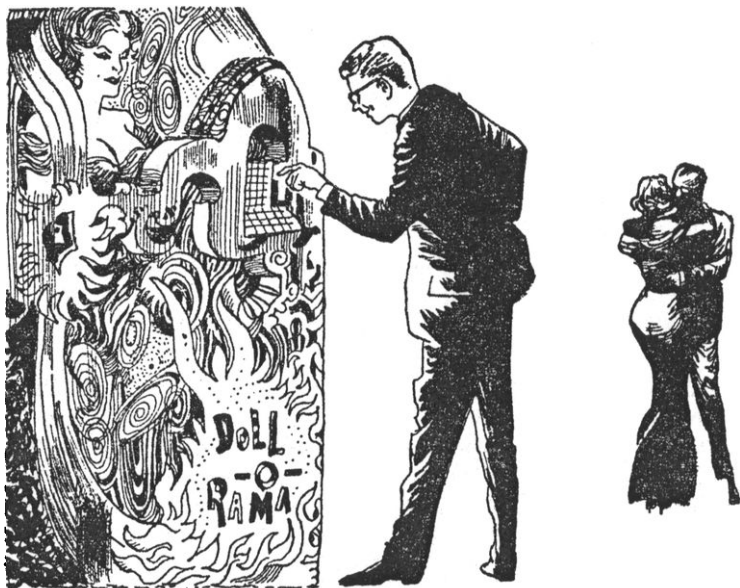
Мелисса целится точнее — ее камень ударяет гнутса прямо в грудь.

— Из-за вас, тупых уродов, мы должны обрабатывать мертвую землю! — выкрикивает Мария Розарио.

— Убейте этих грязных свиней! — взвизгивает Дороти Бест. — Убейте их! Убейте!

Рич Джефферсон находит большой тяжелый булыжник, размахнувшись бросает — и камень пролетает в сантиметре от гнутса. Двое, что еще держатся на ногах, подхватывают упавшего и тащат его прочь, с трудом прокладывая себе путь в толпе. Оба чужака истекают кровью. Колонисты молотят кулаками, но они выдерживают удары и в конце концов вместе с полуживым товарищем исчезают в темноте. Мы позволяем им уйти.

Постепенно гримасы ярости стираются с наших лиц. На смену им приходит кроткое выражение Любви. Великая Волна, пришедшая с Земли, омывает нас. Рич Джефферсон, ярый приверженец порядка, собирает рассыпанные клубни и бросает в одну из дренажных канав за пределами площади. Мы снова начинаем петь: «Ночь тиха», «Вести ангельской внемли», «Король наш добрый Венцеслас». Голоса детей и взрослых, сливаясь, взлетают в небо, прямо к звездам. Закончив петь, мы расходимся по нашим церквям, где пастор Рильке и отец Фардю возносят благодарственные молитвы Господу, пославшему нам Своего Сына.

КУКЛА-ПОДРУЖКА

Из всех кукол-подружек, с какими танцевал Картер, Эди-Четыре была самой любимой. Само нажатие клавиш «Э», «Д» и «4» на консоли автомата-коробки приводило его в благоговейный трепет, какой испытывал Алладин, потирая волшебную лампу. Один вид Эди, когда она появлялась из коробки — высокая, златокудрая, в золотистом платье, — стоил каждого из пятидесяти центов, опущенных в прорезь.

Нет смысла говорить, что все куклы-подружки отлича-

лись безукоризненной красотой. Человек, этот властелин токарных и фрезеровочных станков, пластмассы и фотодиодов, сам в некотором роде творец; только в отличие от Бога, наделяет свои творения не душой, а физическим совершенством, недоступным для тех, кто сходит с небесного конвейера. Впрочем, Картер тяготел к Эди не столько из-за внешности, сколько из-за характера.

На реплики в свой адрес она, в пику товаркам, никогда не отвечала клише. Услышав комплимент, говорила не шаблонное «Уверена, вы со всеми так!», а что-нибудь вроде «Обязательно запишу в дневник и положу его на ночь под подушку». Когда Картер звал ее на свидание — разумеется,

в шутку! – Эди не цитировала пункт 16 «Руководства для кукол-подружек», как это делали остальные, а потупив взор, шептала: «Поехала бы с удовольствием, Флойд, но что скажут люди», или «Что подумает твоя жена!».

Конечно, Картер понимал: речами и поступками красавицы руководит дежурный манипулятор из первой смены; понимал, но предпочитал приписывать все заслуги Эди, единственной и неповторимой, которая танцевала и беседовала с ним, наполняя чашу его жизни золотистыми искрами романтики.

– Слушай, – выпалил он однажды, – плевать, что подумает жена. Будь у меня хоть какой-то шанс, выкрал бы тебя через черный ход и увез кататься в своем «кадиолете».

– А какой смысл, Флойд? Манипулятор мгновенно отключит питание и вызовет полицию. Представь, если тебя застанут в обнимку с тряпичной куклой.

– Ты вовсе не тряпичная кукла!

– Буду, без манипулятора.

Картер заглянул в голубые кукольные глаза.

– Кстати, кто твой манипулятор?

– Ты же знаешь, мне говорить об этом нельзя.

Картер резко увлек ее в закуток между кабинками, обрамлявшими танцплощадку, и поцеловал.

– Завтра суббота, – сообщил он. – Жена до вечера на работе, а у меня сокращенный день. Готовься, будем танцевать до упаду.

Вальсируя, они вернулись в зал и заскользили между кукол-подружек с партнерами. Настал черед последнего танца, и Картер старался насладиться каждой секундой. Музыка облаком плыла под ногами, Эди превратилась в златовласую богиню.

– Ты же любишь меня больше всех? – шепнула Эди ему в плечо.

– По сравнению с тобой другие просто манекены, – заверил Картер шелковую ленту в ее волосах.

С финальным аккордом приподнятое настроение растаяло без следа. Подавленный Картер проводил партнершу до коробки. На прощанье она послала ему воздушный поцелуй и вместе с целлулоидными сестрами скрылась в волшебном портале. Картер уныло поплелся в бар.

За барной стойкой виднелась дверь в операторскую. Картер не сводил с нее глаз и, потягивая пиво, гадал, почему никто и никогда не видел манипуляторов, когда те меняются со сменщиками. Следом мелькнула тревожная мысль: на сей раз он приглашал Эди на свидание почти всерьез. Самое неприятное – то же самое осознала и Эди, точнее ее манипулятор. Картер ждал, не появится ли раскаяние – верный признак, что его увлечение не вышло за рамки разумного. Увы, ожидание оказалось напрасным – чувствовалась лишь досада оттого, что заветное время с трех до семи близится к завершению.

В пять минут восьмого Картер вышел из «Кукольного домика» и зашагал к перекрестку через три квартала, где каждый вечер встречал с работы жену. Они молча уселись в аэробус – на «шевроле» Марсии все еще меняли резину, а Картер не хотел рисковать своим «кадиолетом» в городе, – и в полумраке глазели на фотонную рекламу, озарявшую апрельское небо. Когда аэробус протаранил слоган «ОБЛАЧНОЕ МЫЛО – С НИМ ВАША КОЖА ОБРЕТЕТ АНГЕЛЬСКИЙ АРОМАТ», Марсия невольно вздрогнула.

По обыкновению с языка чуть не сорвалось: мол, хватит строить из себя идеалистку, смирись наконец с реальностью. Однако Картер промолчал: рабочий день в застенках «Мозговой штурм инкорпорейтед» выдался на редкость тяжелым, на споры уже не осталось сил. Покосившись на жену, Картер разглядел синеватые тени под темными,

словно деготь, глазами. Хм, похоже, не он один в семье устает.

«Устала? Ну и поделом!» – пронеслась злорадная мысль. Ее никто не гнал на работу. Сама захотела, из упрямства. Уж он-то точно не настаивал. Втемяшила себе в голову – не переубедить. Ничего, месяц-два, и запоет по-другому. Работать в эпоху психологического давления, каким так славился Век массовой креативности, – отнюдь не сахар, хоть Марсия и уверяла, что работа у нее не бей лежачего.

Переступив порог их многоуровневой квартиры, Марсия сняла пальто и поспешила на кухню. Картер сбросил пиджак и щелкнул пультом тривизора.

– Стейк с картофелем-фри или ветчина с картофельной запеканкой? – спросила Марсия, появляясь в дверях.

– Первое, – откликнулся Картер.

Пока жена возилась с вакуумной упаковкой, он устроился перед экраном – смотреть семьдесят третий выпуск «Последних новостей». Образ Марсии еще маячил на сетчатке: высокая, темноволосая, с классическими чертами (не считая чересчур полной нижней губы) и пышной грудью... Наверное в тысячный раз Картер задался вопросом, как такая красавица может быть такой занудой. Едва образ поблек, Картер вновь сосредоточился на новостях.

Камера запечатлела столкновение аэромобиля с аэробусом. Последний рухнул между домами и застрял, белые как мел жильцы припали к окнам, рты исказились в безмолвном крике – звукооператоры еще не добрались до места катастрофы. В ночном небе парил спасательный вертолет, звездный свет серебрил лопасти, в прозрачной кабине команда готовила к спуску огромный магнит. Картер подался вперед. Прелесть прямых трансляций состояла в эффекте неожиданности – даже продюсеры не знали, чем закончится очередной сюжет.

Марсия высунулась из кухни.

– Ужин готов. Ты идешь?

– Потом! Смотри, что делается. Скорей!

Марсия мельком взглянула на тривизор и отвернулась. В тот же миг аэробус на экране устремился вниз. Подоспевшие звукооператоры транслировали чудовищный скрежет покореженной стали, глухие удары металла о камень и вопли, вопли.

– Молодцы, шикарно сняли! – восхитился Картер.

– Почти по-настоящему. – Марсия приглушила звук. – Поужинаем сейчас или подождем крови?

– Тебя послушать, я прямо монстр, – вспыхнул Картер, поднимаясь. – Только я ничем не хуже других.

– Конечно, нет.

В спокойном голосе сквозил упрек. Картер уже собрался возразить, но передумал, молча пожал плечами и двинулся на кухню. Мнение жены не заботило его никогда.

Хотя нет, заботило, мысленно возразил он, берясь за нож с вилкой. Заботило еще как десять месяцев назад, до свадьбы. Точнее, до того, как высоконравственные идеалы пробудили в ней пуританку, отвратив от современной технологической утопии и секса.

Гробовое молчание нарушил венерианский ара. Выпорхнув из клетки, он приземлился Марсии на плечо с криком:

– Хлеба и зрелищ! Хлеба и зрелищ!

Почему не научишь свою птицу чему-нибудь забавному, чуть не спросил Картер, но вовремя прикусил язык – Марсия часто слышала эту реплику, но никогда не достаивала ее ответом.

– Рапунцель, Рапунцель, спусти свои косы! – Ара синим всполохом трижды облетел кухню и снова уселся хозяйке на плечо.

– Тише, сэр Гавейн. Не видишь, мы ужинаем.

- Взгляд оторвать от моря не могу. Тишь.¹
- Цыц, кому говорю!
- Пребудем же верны, любимая!¹

Вилка Марсии звякнула о тарелку. Отложив прибор, она потянулась к кофе. Поднесла чашку к губам, пролив несколько капель на скатерть, и поставила чашку на блюдце.

– Я наелась. Доброй ночи. – Марсия встала, заперла сэра Гавейна в клетку и поспешила прочь из кухни.

На лестнице, ведущей в спальню, раздались шаги, хлопнула дверь. Картер вновь принялся за ужин, равнодушный к капризам жены.

Его мысли обратились к Эди, взгляд метнулся к циферблату кухонных часов. Восемь. До новой встречи почти сутки. Картер поморщился. Томило не ожидание, а то, как придется его коротать.

Сперва долгий скучный вечер с излишком спиртного, потом долгая, почти бессонная ночь рядом с соблазнительной женщиной, которая мнила акт любви ударом по человеческому достоинству, а утром – субботнее совещание по коллективному мышлению...

Собирать штатных сотрудников на регулярные мыслительные сессии само по себе не было чем-то новым, новизну собраниям придавали инновации последних десятилетий. В «Мозговой штурм инкорпорейтед» давно сложился собственный алгоритм: сначала мистер Морроу, президент фирмы, усаживал подчиненных за стол переговоров и вручал каждому по две пилюли правды. Потом зачитывал пункты 124 и 199 пересмотренного трудового законодательства, где говорилось о праве руководства применять безвредные медикаменты для «достижения максимальной про-

¹ Мэтью Арнольд «Дуврский берег» (пер. М. Донского).

изводительности труда штатных сотрудников».

Пункт 124 гласил, что в случае применения пилюль правды испытуемый помнит лишь разрозненные фрагменты своих или чужих слов. Пункт 199 предупреждал, что при использовании слов и фраз, выявленных на подсознательных сессиях с применением пилюль правды, в целях, не направленных на увеличение благосостояния компании, для сотрудников предусмотрена мера наказания в виде десяти дней тюрьмы или тысячи долларов штрафа, или того и другого одновременно.

Выпив пилюли, собравшиеся брались за руки. Наконец, мистер Морроу приглушал свет, объявлял тему подсознательных рефлексий, и активировал три-ви куб в центре стола переговоров.

В эту субботу первой темой объявили молоко, и на четырех гранях куба возник большой стакан, наполненный белой жидкостью. Мистер Морроу коленом нажал на выключатель под столешницей, и из невидимых динамиков полилась музыка.

Мелодичное звучание нарушил Харрис из бухгалтерии, сидевший напротив Картера.

— Камни в почках, — выдал он.

— Матушка Фэтти¹, — вторила мисс Стокс, сидевшая справа от Картера.

— На похоронах мамы я напился как свинья, — слышался слева от Картера голос Минтона из отдела инноваций.

— Чернослив, — внес свою лепту Картер, которого больше занимала костлявая ладонь мисс Стокс и ее увядшая физиономия, нежели проекция на три-ви кубе.

Стакан молока сменился изображением кормящей матери. В динамиках заиграла «Колыбельная» Брамса.

¹ Матушка Фэтти — персонаж «Песен Матушки Гусыни».

– Мальтус¹, – отреагировала мисс Стокс.

– Не забыть купить маме подарок на день рождения, – добавил Харрис из бухгалтерии.

– Каучук, – объявила мисс Бреннан, сидевшая между Харрисом и мистером Морроу.

Картер покосился на коллегу, чьи румяные щечки и пышная грудь являли разительный контраст с морщинистой и плоскогрудой мисс Стокс. До женитьбы на Марсии они с мисс Бреннан частенько уединялись у питьевого фонтанчика, Картер даже подумал, не возобновить ли эту приятную традицию. Судя по манящим взглядам, какие время от времени бросала на него мисс Бреннан, та была вовсе не прочь. Но тут пилюли возымели свое действие, и Картер всецело сосредоточился на кубе.

Кормящая мать с младенцем исчезли, уступив место водопаду «Подкова», извергавшему потоки молока. «Колыбельная» Брамса растворилась в джазовой «Мгле» Байдербека.

– Мне больше по вкусу водопад Виктория в Южной Родезии, – заметила мисс Стокс. – Он куда величественней... чище...

– По-моему, пора менять мой «Эдсель Форд-младший» на «кадиолет», – выпалил Харрис из бухгалтерии. – Думаю, комфортный автомобиль пойдет мне на пользу.

– Интересно, каково это – утонуть в молоке, – размышлял Минтон из отдела инноваций.

– Черный кофе, – добавил Картер.

– У меня есть две пары, – призналась мисс Бреннан. – Третья, запасная, хранится в потайном ящике трюмо.

Водопад «Подкова» растаял, теперь куб транслировал молочный бар, где распивали молоко розовошечные карапузы. Грянула «Возня в молочном баре» Фуртадо.

¹Томас Мальтус – английский священник и ученый.

– Притон! – выпалила мисс Стокс.
– Может, сразу взять «линкольн»... – гнул свою линию Харрис.

– Микромастия, – пробормотала мисс Бреннан.
– Двойные кровати, – встрял Картер.

Молочный бар сменил конвейер, заставленный бесчисленными бутылками со свежим молоком. Грянула «Промышленная рапсодия» Метца.

– Искусственное вскармливание лучше всего! – внезапно выдала мисс Бреннан.

– Прекрасно! – мистер Морроу щелкнул выключателем. – Отличный слоган для «Лиги молочников». Мисс Бреннан, хвалю. Через час вы уже забудете мои слова, но небольшая прибавка к текущей зарплате освежит вашу память. Переходим ко второму вопросу. Готовы? – Он погасил свет.

– Зубная паста. Начали!

Картер с нетерпением ждал обеда. Коллективные сессии всегда оставляли неприятный осадок, словно тебя вывалили в грязь. Он высвободился из хватких пальцев мисс Стокс и побрел к выходу из конференц-зала. Мисс Стокс увязалась за ним на улицу: влюбленная давно и безответно, с некоторых пор она творила глупость за глупостью, словно Картер поощрял ее чувства, чего, разумеется, не было и в помине.

На мгновение он испугался, не предложит ли она пообедать вместе. К счастью, обошлось. Манерно попрощавшись, мисс Стокс растворилась в полуденной толпе. Ну конечно, они же с мисс Бреннан подрабатывают на стороне. Картер перевел дух и направился в излюбленный ресторан.

С наслаждением поел. «Кукольный домик» открывался в два, по сути суббота знаменовала лишь дополнительный час с Эди. Внезапно в памяти всплыло странное слово – микромастия. Что бы оно значило и откуда взялось?

«Мастия» определенно связано с молочными железами, ну а «микро» есть микро. А откуда взялось – еще проще: после групповых совещаний в голову всегда лезли незнакомые слова. Интересно, чье подсознание удружило с микромастией? Над горизонтом интуиции забрезжил горящий взор мисс Стокс. Картер невольно поежился.

В разгар трапезы он вдруг заметил за соседним столиком мисс Бреннан и приветливо кивнул, однако та продолжала жевать – наверное, не увидела. Картер энергично заработал вилкой, размышляя, почему такая красавица до сих пор не замужем, хотя ей вот-вот стукнет тридцать. А впрочем, дело хозяйское, лень гадать. Когда Картер оторвался от тарелки, мисс Бреннан и след простыл.

После обеда он заказал вторую чашку кофе, выкурил сигарету и, заплатив по счету, прогулочным шагом двинулся в «Кукольный домик». Тот только-только отворил двери для посетителей; Картер опрометью бросился к автомату-коробке, дабы никто не посягнул на его законные часы в компании с Эди.

– Привет, – прощепетала она, шагнув из волшебного портала напрямик в объятия партнера. – Я скучала.

– И я, – ответил Картер, увлекая подружку на площадку для танцев.

Сплясав под «Недра космоса», «Восторг» и «Голубой кадиолет», они уединились в дальней кабинке. Картер попросил пива.

– Ну, – проговорил он, едва официант скрылся из виду, – решила, когда поедем кататься?

– А последствия? Мой манипулятор тут же вызовет полицию, и тебя схватят в обнимку с тряпичной куклой.

– Вечно ты со своим манипулятором! – выпалил Картер. – Бьюсь об заклад, это старая дева с острой микромастией!

За столиком повисло тягостное молчание, нарушаемое лишь тихой музыкой и шарканьем ног о паркет.

– Наверное, я такая и есть, – проговорила Эди.

Картер осекся.

– Прости, не хотел. Случайно вырвалось.

– Ничего страшного, Флойд.

Музыка кончилась.

– Следующий танец мой, – напомнил он.

– Хорошо.

Когда она вновь возникла из коробки под аккомпанемент медленного вальса, Картер привлек ее к себе и, в попытке загладить свою вину, прижался щекой к золотистым волосам. Как вдруг Эди выдала:

– Ты не передумал насчет поездки?

– Нет, но твой манип...

– Она не станет возражать.

Оба, не сговариваясь, затаились в уголке.

– Но как... – начал Картер.

– Все просто. Сегодня после закрытия я отворю коробку изнутри, пройду через черный ход и буду ждать тебя в переулке.

Картер сглотнул. Ему вдруг открылась запоздалая истина, почему куклы-подружки пользуются таким спросом: они – вожденная отдушина для мужчин, которые не прочь изменить своим женам.

– А если не выгорит, – выдавил Картер. – Если...

– Неужели струсил?

– Нет!

– Тогда договорились. Заведение закрывается в полночь. Плюс, пока бармен наведет порядок и запрет двери. Подъедешь к черному ходу – в переулке места хватит. Встречаемся в час ночи.

Час ночи. Марсия к тому времени будет спать как убитая. Никто не помешает спокойно выскользнуть из дома, сесть в «кадиолет» и добраться до города. Если жена проснется и заметит его отсутствие, всегда можно сослаться на бессонницу – мол, поехал проветриться.

– Погоди, а разве другой манипулятор не заступает в смену? – спохватился Картер.

– Только до полуночи. Потом мой черед – точнее, моего манипулятора.

Картер промокнул платком вспотевший лоб.

– Ну...

Эди прильнула к нему и поцеловала.

– Ровно в час, милый. Договорились?

Картер сунул платок в карман.

– Да...

– Отлично. Идем танцевать!

– Курица с клецками или чау-мейн? – спросила Марсия.

– Первое, – отозвался Картер, едва ворочая языком от усталости.

Не взбодрили даже восьмичасовые новости, хотя транслировали отменную уличную драку с увлекательным сюжетом. Против обыкновения, Картер задержался в «Кукольном домике» – посмотреть на Эди под управлением сменного манипулятора. К его вящему разочарованию подружка вмиг лишилась своей прелести и индивидуальности, уподобившись целлулоидным товаркам.

После ужина усталость переросла в ступор. Картер сам не заметил, как уснул перед экраном. Проснувшись, с ужасом увидел, что уже почти полночь.

Убедившись, что Марсия крепко спит, он вернулся на кухню. Пустив воду тонкой струйкой, тихонько побрился, повязал галстук, причесался перед кухонным зеркалом.

Потревоженный светом, сэр Гавейн сонно забормотал в накрытой клетке, повторяя новые словечки, каких нахватался за день. Картер не прислушивался, его мысли были заняты другим.

На циферблате кухонных часов горело 12:29, когда Картер выскользнул из квартиры и на лифте спустился в подвал. Через подземный переход добрался до парковки, поднялся на первый уровень, отведенный для «кадиолетов», и выгнал автомобиль на улицу. Без двадцати пяти час он уже сворачивал к залитой огнями деловой части города.

На первых порах его томило чувство вины. Какой нормальный человек восплачет любовью к кукле – неважно, живой или нет? Вывод: либо он ненормальный, либо до нельзя одинокий. В своей нормальности Картер не сомневался, ведь именно заурядность отвратила его от жены. Мало-помалу все сомнения рассеялись, и чувство вины сменилось предвкушением.

Часы показывали две минуты второго, но в свете габаритных огней виднелись лишь голые кирпичные стены и лестница. Погасив фары, Картер стал ждать. Курил сигарету за сигаретой, ощущая бешеное биение сердца. Снова глянул время – двадцать три минуты второго. Наверное, часы спешат. Хотя нет, он же сверял их с кухонными перед уходом. Сверить бы еще разочек. А ведь когда-то циферблатами украшали все высотные здания. Славная была традиция...

Наконец хлопнула дверь, и на переднее сиденье юркнул знакомый силуэт.

– Не скучал, милый?

Картер выехал из проулка на улицу, и вскоре «кадиолет» мчался по шоссе.

– Быстрее, милый, – умоляла Эди, ее волосы развевались на апрельском ветру.

С возникновением аэромобилей и аэробусов пробки резко сократились, но транспорта все равно хватало. Стрелка спидометра застыла на отметке сто двадцать. Но Эди не унималась.

– Быстрее! Еще!

– К чему такая спешка? – удивился Картер.

– Ни к чему, просто люблю скорость.

Любит? Ну ладно. Стрелка перевалила за сто сорок и замерла на ста сорока пяти. Впереди, на перекрестке, замаячили встречные огни грузового тягача с прицепом.

– Обними меня, – потребовала Эди.

Картер нехотя повиновался.

– Быстрее! Еще быстрее!

– Куда же еще! Что с тобой такое, Эди?

– У меня микромастия. Я старая дева с острой микромастией. – Она хихикнула. – Поцелуй меня, милый.

Насмерть перепуганный, Картер попробовал отстраниться, но Эди вцепилась в него мертвой хваткой, потянулась к губам. Огни тягача стремительно приближались. Картер лихорадочно нащарил тормоз, но Эди стиснула его ногу своими.

– Нет, Эди. Перестань!

– Не перестану.

– Мы же разобьемся!

– Не мы, а ты.

Внезапно его осенило. Это не Эди, а озлобленная старая дева, душа подружки. Он невольно разбередил ее рану, и теперь она, снедаемая обидой в далекой операторской, отправляет возлюбленного на верную смерть под колеса грузовика. Ходили слухи, будто манипуляторы – сплошь «синие чулки», которым доставляет удовольствие посредством кукол танцевать с чужими мужьями, флиртовать, держать их за руку, целовать. Раньше Картер не верил этим слухам,

но теперь... Сквозь облик Эди проступали исступленно мерцающие огни тягача. Раздался надрывный гудок клаксона. Тем временем, Эди успела обездвигить его полностью – неуправляемый «кадиолет» неся навстречу гибели. Мгновение, и Картера размажет по асфальту, разбросает окровавленные останки, бывшие некогда человеком.

За секунду до неминуемого столкновения Эди издала душераздирающий крик и схватила руль. Резко вывернула. Тягач с грохотом промчался мимо. Очнувшись, Картер ударил по тормозам.

Эди обмякла на сиденье. Картер принялся трясти безжизненное тело. Осыпал ударами пластмассовое лицо. Голубые глаза подружки остекленели. Прелестная головка упала на каучукową грудь.

Картер разжал руки, и кукла повалилась на пол. Повернув на сто восемьдесят градусов, «кадиолет» покатил к «Кукольному домику».

Картер припарковался в переулке и дернул дверь. Не заперто. Вытащил из салона безвольную тряпичную куклу, занес внутрь и прислонил к автомату-коробке. Потом решительно обогнул барную стойку и распахнул створку, ведущую на лестницу к операторской. Медленно поднялся по ступеням с розовой подсветкой. Ковровая дорожка поглощала звук шагов. На втором этаже начинался длинный, ярко освещенный коридор. Он тянулся от здания к зданию – понятно, почему никто не видел манипуляторов на пересмене, для них был заготовлен отдельный вход.

Операторская находилась аккуратно над баром. Табличка на двери гласила «Только для манипуляторов», однако створка была приоткрыта, внутри горел свет. Картер переступил порог и очутился в святая святых.

Помещение состояло из бесчисленных комнатушек. Десятки узких дверей украшали металлические пластины с

выбитыми комбинациями чисел и букв. Картер быстро отыскал нужную и ступил в залитую светом кабинку.

Никого. Впрочем, неудивительно: незапертые двери, горящие огни свидетельствовали о стремительном бегстве той, что была душой Эди. Пусть душа исчезла, зато все комплектующие остались на месте.

Провода всевозможных размеров пучками и поодиночке тянулись от стен, потолка и пола к подлокотникам, основанию, спинке и подножию массивного откидного кресла. Венчал его металлический регулируемый шлем, похожий на допотопную сушилку для волос. На подлокотниках и в изножье расстегнутые крепления замерли в ожидании хозяйки.

Картер провел ладонью по креслу. Еще теплое. Интересно, каково это – ощутить себя куклой-подружкой?

Он сел, упираясь в подножку, защелкнул нижние крепления. Откинувшись на спинку, сунул голову в шлем. Легчайшим движением запястий активировал верхние крепления, пальцами правой руки искал выключатель – по логике, тот наверняка где-то неподалеку. Нашупав кнопку, без колебаний нажал...

В окутавшем полумраке Картер различил, что сидит, привалившись к холодному металлическому предмету. Осторожно поднялся... и обнаружил себя на танцплощадке возле автомата-коробки. В золотистом платье, с золотистыми локонами, рассыпавшимися по плечам, он превратился в Эди.

Картер сделал шаг, другой. Под ногами – ее ногами, ощущался пол. Поднял руку – ее руку, коснулся своего – нет, ее лица. Почувствовал прохладу своих... ее пальцев на своей... ее щеке.

Он танцевал один в полумраке, минуя озера неоновых светов, сочившегося с улицы. Потом взбежал по лестнице в

операторскую, взглянул на себя, неподвижно сидящего в кресле, и поспешил обратно в зал.

Оказывается, кукла и манипулятор – единое целое. В жизни бы не подумал. И уж тем более не подумал бы, что манипулятор решит с помощью куклы прикончить его из-за случайной фразы.

Жуткая мысль не укладывалась в голове. Невероятно, чтобы женщина – пусть даже озлобленная старая дева, которую он в глаза не видел, – захотела убить его из-за нелепого оскорбления. Хотя почему не видел. Может, и видел...

Может, и знает...

Картер бесцельно мерил шагами танцпол. И вдруг застыл как вкопанный, пораженный догадкой. Пышная юбка Эди прохладными волнами вздымалась на бедрах. Ногти Эди больно вонзились в ладонь. Из механической гортани чужеродным элементом вырвались слова:

– Мисс Стокс!

Нет, не может быть! Мисс Стокс сама доброта. Она не способна на убийство.

Да, как и манипулятор Эди.

Но мисс Стокс работает в «Мозговой штурм инкорпорейтед»...

Да, но только с девяти до трех в будни, и с девяти до полудня в субботу – и только по совместительству. А там можно успеть отработать полсмены в «Кукольном домике» по будням, и целую смену по субботам. Почему нет.

Но мисс Стокс любит его. По-своему нелепо, но любит.

Да, но может отсутствие взаимности подтолкнуло ее к решению стать манипулятором, чтобы в один прекрасный день хотя бы косвенно добиться его любви?

Но ведь мисс Стокс безобидная старая дева.

Именно. Старая дева с острой микромастией...

Вернув Эди в автомат-коробку, Картер бросился прочь из «Кукольного домика» и, не разбирая дороги, помчался домой. В квартире первым делом поспешил на кухню и откупорил бутылку бренди.

Сделав огромный плоток, опустился на стул. Руки дрожали. Впрочем, не удивительно: не каждый день узнаешь, что давний знакомый замыслил свести тебя в могилу.

Разбуженный ярким светом, сэр Гавейн заверещал в клетке:

– Ми... ми...

Картер помотал головой. Невероятно. Мисс Стокс. Бедняжка мисс Стокс с лучистым взглядом, которая сжимала его руку на каждом субботнем собрании, подарила именную булавку для галстука на Рождество и постоянно строила глазки, проходя мимо его стола...

– Микромастия! – оживился сэр Гавейн. – Микромастия!

Бутылка с бренди зависла в воздухе. Картер медленно поставил ее на стол. Руки дрожали так, что тара чуть не выскользнула из пальцев.

Он точно помнил, что не произносил этого слова вслух. А сэр Гавейн вовсе не телепат. Обычная птица, хоть и говорящая.

Картер поднялся и сдернул покрывало с клетки. Сэр Гавейн обиженно нахохлился.

– Микромастия, – сказал Картер.

– Микромастия, – повторил ара. – Острая микромастия.

Картер содрогнулся и выронил покрывало. На непослушных ногах добрался до спальни и заглянул внутрь.

Постель Марсии пустовала.

Спустившись в гостиную, Картер позвонил оператору узнать время. Судя по справке, его наручные часы отставали на тридцать минут.

Он вернулся на кухню, к бутылке. Напрашивались два

вопроса: почему и как?

В принципе, со вторым понятно: любой под силу пойти в манипуляторы. Любой под силу утаить это от мужа, особенно если тот не слишком любопытничает. Наконец, любой под силу подмешать в кофе снотворное, перевести наручные и кухонные часы на тридцать минут назад, чтобы успеть на свидание с ничего не подозревающим супругом.

Куда больше терзал первый вопрос...

Почему?

Внезапно Картеру открылась истина: поступок без видимой мотивации выставляет его инициатора в совершенно ином, прежде немыслимом свете. Впервые он по-настоящему увидел жену: ее чувства, рвущиеся на поверхность, но удерживаемые голосом рассудка; ее соблазнительное тело, жаждущее близости; интеллект, отвергающий мужа за неумную страсть к кровавым новостям и куклам-подружкам.

Лишь в образе Эди Марсия забывала о переполнявшем ее пугающем вождлении, и становилась собой – естественной и очаровательной.

Такой Картер ее и полюбил.

А она? Любит ли она?

Неужели любовь переросла в ненависть из-за слов, что манипулятор – старая дева с острой микромастией?

Но почему? Марсия с ее пышной грудью только посмеялась бы. Ведь она не старая дева с острой микромастией.

Или нет?

Может морально в ней куда больше от старой девы, чем в той же мисс Стокс? Та, по крайней мере, не противилась любви, которая, впрочем, не спешила нагрянуть. Марсию, напротив, любовь преследовала, но она не желала ее принимать. Всячески противилась, в лучшем случае, терпела. Так разве она не страдала от собственной формы микромастии, не потому ли его замечание, вопреки всякой логике,

вызвало у нее такую бурю эмоций? Не вышло ли так, что нелепые слова, нацеленные совсем на другое, невольно ранили в самое сердце?

В коридоре послышались шаги.

Марсия!

Марсия, которая иступленно колесила по улицам города и пригороду, в ужасе от того, что пыталась, но не сумела сделать; в ужасе от новой себя. Теперь она вернулась, раскаявшаяся, напуганная...

Сколько мук можно было бы избежать, постарайся он понять ее с самого начала? Сколько любви можно было бы познать, прими он хоть толику ее идеализма и попытайся хоть чуточку приблизиться к недостижимому идеалу мужчины?

А вдруг еще не поздно. Вдруг ей еще удастся помочь. Если она позволит. Если...

В замке повернулся ключ. Картер шагнул в темную гостиную и стал ждать. Дверь медленно отворилась. На пороге Марсия замешкалась, с тревогой глядя ему в глаза. А после, всхлипывая, упала в его объятия.

— Все хорошо, родная, — успокаивал Картер. — Все хорошо.

ПЛАНЕТА СИНИХ ПТИЦ

Корабль приземлился на лесной поляне. Трава на месте посадки выгорела, но чуть поодаль стояла свежая, изумрудно-зеленая. Она как будто танцевала на ветру, а над ней вздымались деревья, нарядные, как девушки в новеньких летних платьях.

Мисс Минц не поверила своим глазам. Да, ей говорили, что Денеб-6 чудесная планета. Говорили, что оказавшись здесь, не захочешь улетать обратно. И еще говорили так: «а уж когда выйдет луна...» Но мисс Минц всегда скептически воспринимала третье лицо множественного числа – особенно если оно относится к менеджерам туристических агентств. И слушала их с большой долей недоверия.

А надо было верить, теперь это совершенно ясно. Она сошла вниз по трапу и ступила в танцующую траву. Весь старший класс скатился следом – хохоча и радостно повизгивая, все еще под впечатлением от ярких картин, увиденных в иллюминаторе во время полета. Искрящийся воздух планеты был напоен легким ароматом игристого вина, и высоко в ярко-голубом небе плыли белоснежные легкие облачка.

Оказавшись внизу, класс хором загалдел:

- Нет, вы когда-нибудь видели такую зеленую траву?
- Только посмотрите на это небо!
- Ого! Там синяя птица!
- Где?

– Вон там! Ого! И еще одна!

Мисс Минц тоже их увидела. Лес был полон синих птиц! Сердце у нее забилося. Оно забилося еще сильнее, когда у корабельного люка на трапе появился главный старшина Берк, в чьи обязанности входило сопровождать экскурсионные группы и следить, чтобы на планету они вступили с правой ноги.

Он поднял руку, требуя тишины.

– Синие птицы подождут, – сказал он, когда старшекласники притихли, и указал вверх, туда, где посреди неба сияла звезда Денеб, похожая на макрокосм с газовым фонарем внутри. – Это солнце зайдет, и стемнеет очень быстро, так что вам лучше прямо сейчас заняться лагерем. Если, конечно, вы, дети мои, не хотите провести еще одну ночь на корабле.

– Ну уж нет! Еще чего не хватало! – наперебой закричали ребята и резво взялись за дело.

Мисс Минц, как официальный наставник, принялась руководить процессом выгрузки сборно-разборного туристического поселка. Посоветовавшись с мистером Берком, она выбрала место для лагеря на самом краю леса рядом с журчащим ручьем. «Домики-минутки» были установлены и в самом деле в считанные минуты, и к тому времени, как на траву легли первые вечерние тени, неподалеку от корабля под сенью деревьев вырос маленький поселок из пластика. Вскоре после этого загудел портативный генератор, и новенькие фонари ожили, озарив Мини Мэйн Стрит – так они называли дорожку, разделяющую ряды домов – теплым светом из квадратных окон.

Домик-столовую строили с особой заботой, и вскоре после заката торжественно окрестили «Кафе Денеб-б». Мальчишки отправились на корабль и притащили из морозильника драгоценные припасы, девочкам же предстояло

выполнить важную задачу – приготовить первую после отлета нормальную еду. Каждый занялся своим делом; мисс Минц вовлекли в неразбериху голодные школьники. Их аппетиты явно не смог удовлетворить корабельный рацион: конденсированные обеды и таблетированные ужины, которые «Экскурсионные линии инкорпорейтед» именуют едой. Но наконец суматоха улеглась, все пошло своим чередом, и в вечернем воздухе планеты Денеб-6 разлился волнующий аромат жареных свиных отбивных и печеного картофеля.

Мисс Минц немного тревожилась, что мистер Берк забыл о ее приглашении на ужин, и вздохнула с облегчением, когда увидела, как он шагает по Мини Мэйн Стрит в своей голубой космической форме.

Она встретила его у входа.

– Добро пожаловать в «Кафе Денеб-6», – сказала она.

Мистер Берк глубоко вздохнул.

– Пахнет как будто свиными отбивными, – сказал он. – Но это же невозможно. Здесь у вас не может быть свиных отбивных.

– Конечно, может. А на гарнир печеный картофель. Заходите, мистер Берк. Мы только что начали обслуживать.

Внутри стояли три длинных раскладных стола и два небольших столика. Мисс Минц выбрала небольшой, стоявший поодаль от других. Одна из старших девочек подошла и приняла заказ. Мистер Берк подмигнул ей, как самой обычной официантке. Как будто они с мисс Минц занимались делами в городе и вот теперь зашли перекусить перед тем, как поймать таксилет домой.

Глядя на него поверх столика, мисс Минц вспоминала три невероятных последних дня. Самым невероятным был первый день. Тогда мистер сказал ей «Доброе утро» и потом несколько раз подходил поболтать. Раньше он вообще

ее не замечал, и мисс Минц решила, что он обратил внимание на платье, которое она надела. Платье было совсем новое – одно из двух, что она купила специально для этого путешествия. Сшитое по моде, с поднятым воротником и девичьей юбкой-клеш – в таком платье выглядишь и чувствуешь себя моложе.

Да, поначалу она была уверена, что дело в платье. Но на следующий день эта уверенность пошатнулась – она надела совершенно обычные брюки и блузку с узором из маленьких космических кораблей, но мистер Берк все равно подошел, чтобы сказать «Доброе утро» и задержался надолго. Ему было о чем поговорить, в особенности о скучном и скудном космическом меню. Он вспомнил «старые добрые времена», хотя это и казалось небольшой натяжкой, потому что для «старых времен» он был слишком молод. Примерно одного возраста с мисс Минц, а ей исполнилось всего двадцать девять.

– Можете себе представить, мисс Минц? – говорил он. – На самых первых межзвездных кораблях на завтрак давали горячие бобы! Горячие, только подумайте! И я слышал – хотя и не верю, – что экипажи жаловались, будто их плохо кормят. Ничего себе! Воротить нос от настоящих бобов! Интересно, что бы они сказали, если б попробовали наши конденсированные!

В тот вечер она никак не могла перестать думать о нем, а ночью ей приснился сон – такой дурацкий, что наутро, когда мистер Берк подошел поговорить, она залилась краской. Корабль только что вышел из режима скорости света, и Денеб-6 – голубой шар, окутанный дымкой, – появился в иллюминаторах. Мистер Берк в деталях расписывал скудность корабельного пайка, и в этот момент на мисс Минц снизошло вдохновение.

– Мистер Берк, – заговорила она, – а почему бы вам не

питаться вместе с нами, пока мы будем на планете? Мы возьмем с собой еду из дома и всю неделю будем сами готовить. Уверена, некоторые наши блюда вам очень понравятся.

Вот так все и произошло, хотя в это трудно поверить, даже несмотря на то, что мистер Берк сидит сейчас напротив нее за столиком, улыбаясь своей обезоруживающей улыбкой, и его беззаботные голубые глаза загораются при виде «официантки» с двумя тарелками, полными картошки и отбивных.

Свинные отбивные были немного пережарены, но все равно оказались такими вкусными, что мисс Минц, которая обычно ела, как птичка, быстро справилась с двумя. Мистер Берк съел целых пять.

После еды она прогулялась с ним до конца Мини Мэйн Стрит.

– Знаете, – сказала она, когда они остановились под фонарем, – похоже, мне начинает здесь нравиться.

– Безусловно, это очень приятное место, – сказал мистер Берк.

– И эти синие птицы! Наверное, планете стоило бы дать имя Метерлинка.

– Разве он ее открыл? Я думал, это был торговец по фамилии Шмит. Вроде он первым здесь приземлился.

– Я... я не то имела в виду, – смешалась мисс Минц. – Но мы могли бы назвать ее Планета Синих Птиц. Тоже хорошо звучит.

– По мне так неплохо, – кивнул мистер Берк и поднес руку ко рту, приглушая отрыжку. – Извините, мисс Минц. Наверное, переел. Но все было так вкусно, просто не удержался... А теперь мне пора возвращаться на корабль.

– О... так вы сегодня дежурите, мистер Берк?

– Не хватает персонала, иначе был бы свободен. Представьте себе: главный старшина – и вынужден нести первую

вахту! Но я ничего не могу поделать, кроме как выполнять свой долг наилучшим образом. Спокойной ночи, мисс Минц. – И он повернулся, чтобы уйти.

– Вы же придете завтракать, мистер Берк? – спросила мисс Минц. – Будет яичница с беконом.

– Яичница? Из настоящих яиц? Не порошковых, не распыленных, не синтетических и не конденсированных?

– Разумеется, из настоящих!

– Вы просто мечта, мисс Минц! Так бы и расцеловал вас!

На мгновение ей показалось, что он и впрямь ее поцелует, но этого не произошло. Он лишь приподнял свою голубую фуражку и отвесил поклон.

– Буду ждать утром у дверей вашего дома. Доброй ночи, мисс Минц.

– Доброй ночи, мистер Берк.

Он смотрела, как он идет по поляне к кораблю. Огромная луна планеты Денеб-6 всходила у нее за спиной, заливая лес серебром и превращая поляну в сияющее серебристое озеро. Посеребренный корабль походил на шпиль церкви в тихую летнюю ночь. Одинокaя серебряная фигура мистера Берка двигалась по серебристой траве. На миг у мисс Минц перехватило дыхание. Она резко повернулась и, как старшеклассница, побежала по Мини Мэйн Стрит к своему домику.

Утром ее разбудила Бетти Лу Фарадей, одна из двух соседок.

– Мисс Минц! Мисс Минц! Смотрите! Я поймала синюю птицу!

Во второй раз за последние двадцать четыре часа мисс Минц не поверила своим глазам. Она даже потерла их кулаками, чтобы убедиться, что это не сон. Но Бетти Лу ни-

куда не исчезла: она по-прежнему стояла возле постели, и на ее указательном пальце изящно примостилась синяя птица. Оперенье было еще более синее, чем глаза девушки.

– Видите, мисс Минц? Я возьму свой набор «Сделай сам» и соберу для нее клетку.

– О, Бетти Лу, она очаровательна! Но как ты ее поймала?

– А их ловить очень легко, мисс Минц. Просто идешь по лесу и птица – раз, и слетает тебе прямо на плечо. Все наши сейчас побежали за птицами. А вы не хотите себе такую, мисс Минц? Я соберу клетку и для вашей птички тоже.

А почему бы и нет! Синяя птица отлично подходила к настроению мисс Минц. Ее душа радостно пела.

– Пожалуй, ты права, Бетти Лу, – и она поднялась с постели. – Я... я всегда мечтала о синей птице...

Никогда в жизни мисс Минц не видела столько птиц. Весь лес из-за них казался ярко-синим. Она прошла всего несколько шагов, и одна из птиц – самая яркая, самая синяя – слетела с ветки дерева и опустилась ей прямо на плечо. Дрожа от радостного волнения, мисс Минц подняла руку к плечу, и птица тотчас ловко прыгнула на указательный палец. Маленькие золотистые глаза птицы сияли на солнце.

И вдобавок ко всему, возле домика ее ждал мистер Берк – точно как обещал.

– Доброе утро, мисс Минц! Вижу, вы взяли пример с учеников и охотитесь на птиц?

– О да, мистер Берк! Я и правда никогда не видела столько синих птиц!

Бетти Лу вышла из домика с двумя клетками из пластика. В одной уже была обитательница, и девушка с гордостью ее продемонстрировала, а вторую клетку отдала мисс Минц.

– Спасибо тебе, Бетти Лу.

Мисс Минц посадила свою птицу в клетку, заперла дверцу, внесла клетку в дом и поставила на свой сборно-разборный шкаф. Потом вернулась к мистеру Берку, и они вместе направились в «Кафе Денеб-6».

Они шли по Мини Мэйн Стрит, и в каждом домике старшеклассники, забыв про завтрак, с энтузиазмом строили клетки с помощью набора «Сделай сам». Синие птицы были везде – на плечах у ребят и девочек, на крышах, на порогах; они порхали вокруг, рисуя нежные синие узоры в сияющем летнем воздухе. Мисс Минц только и успевала изумленно крутить головой.

– А что, мистер Берк, на Денеб-6 все птицы синие?

– Я слышал, что да. И я слышал и кое-что еще. Говорят, они очень чувствительные. Если завести такую птицу, она будет ощущать настроение человека, сопереживать ему. Как собака, только еще сильнее. Хозяин счастлив – она живет и радуется. Несчастен – слабеет и умирает.

– О, я этого не знала, мистер Берк. Странно, но в путеводителе об этом ни слова. Там вообще ничего нет о синих птицах.

– Путеводители! – фыркнул мистер Берк. – Из того, о чем не знают их авторы, можно составить еще больше путеводителей. Наверное, в вашем путеводителе ничего не написано и про Исход?

– Нет, не написано...

– Примерно тысячу лет назад, задолго до того, как у нас появились космические корабли, местные жители покинули планету и больше не вернулись. Покинули не сразу, конечно. Исход длился три или четыре века. Я где-то читал, что бывшие местные сейчас рассеяны во всей галактике.

– Но почему? Почему они покинули планету, мистер Берк?

– Почему? – он уставился на нее. – Глупый вопрос, мисс

Минц, я бы даже сказал, глупейший. Раз уж они изобрели технологии для космических перелетов, то почему бы не улететь? Ведь здесь нет ничего, кроме этих никому не нужных деревьев. Сейчас все делается из металла, а здесь не осталось ни одного месторождения руды. И ни грамма урана!

— О... — только и сказала мисс Минц.

Они как раз подошли к «Кафе Денеб-6». Мистер Берк жадно втянул носом утренний воздух.

— Яичница с беконом! — на выдохе проговорил он. — Ей-Богу, настоящий бекон и настоящие яйца! Мисс Минц, я вас обожаю!

Конечно, это было сказано не всерьез, но у мисс Минц опять перехватило дыхание. За завтраком она едва могла говорить. Впрочем, этого и не требовалось, потому что мистер Берк был всецело занят беконом и яичницей.

Мисс Минц немного удивлял его аппетит. Но ведь бедняга треть жизни вместо нормальной еды питался таблетированной, да и шесть яиц — не так уж много для крепкого мужчины. Многие едят на завтрак по шесть яиц. Если уж на то пошло, пусть бы съел и все двенадцать — это бы ее порадовало еще больше. Ей доставляло удовольствие отдавать. Никогда прежде ей не доводилось вот так вот отдавать, да особо и нечего было...

После еды она взяла на кухне пригоршню хлебных крошек для своей птицы и вышла прогуляться с мистером Берком до конца Мини Мэйн Стрит.

— Придете пообедать, мистер Берк?

— Боюсь, я злоупотребляю вашей добротой, мисс Минц. Не хочу лишить вашу компанию всех припасов.

— О, насчет этого не волнуйтесь. У нас полно еды — нам столько никогда не съесть. И потом, нам приятно, что вы нас навещаете.

— Ну что ж... в таком случае было бы глупо отказываться, верно? — И он улыбнулся своей обезоруживающей улыбкой, показывая ровные, белоснежные зубы. Потом очаровательным небрежным жестом приподнял фуражку и как обычно галантно поклонился. — Буду ждать вас на прежнем месте возле вашего домика.

Он сдержал обещание. И сдержал его еще раз перед ужином. Вечером мисс Минц прошла с ним полпути до корабля. Вставала полная луна — на Денеб-6 всегда было полнолуние, насчет этого путеводитель не обманул. И снова корабль показался ей церковным шпилем, гладким и серебристым, а вокруг него волновался лес, как серебряное море, и трава была вся в серебре — сияющие брызги оставались на обуви и замирали светящимся узором на ногах...

— Что ж, мне пора на корабль, мисс Минц. Опять эта вахта.

— Вы придете на завтрак? У нас будут оладьи и сосиски.

— Ей-богу, настоящие сосиски?

— Ну конечно, настоящие. Любите сосиски, мистер Берк?

— Люблю? Да я их обожаю, мисс Минц! И вас обожаю! — он приподнял фуражку и отвесил поклон. — Как всегда, на прежнем месте. Доброй ночи, мисс Минц.

— Доброй ночи, мистер Берк.

Утром, глядя на свою птицу, мисс Минц дивилась — какая же она синяя! Просто невероятно. Птица Бетти Лу меркнет рядом с ней, не говоря уже о птице Терезы Бест — второй соседки по домику. Питомица девушки казалась такой же тощей, бесцветной и общипанной, как и сама Тереза.

— Вы нашли самую синюю птицу на планете, мисс Минц, — сказала Бетти Лу.

— Точно, — согласилась Тереза. — Чем вы ее кормите, мисс Минц?

— Хлебными крошками. Птице ведь много не надо.

— И я кормлю свою хлебными крошками, но она, похоже, не наедается. Как будто все время голодная.

— И моя тоже, — кивнула Бетти Лу. — Вы собираетесь на прощальную танцевальную вечеринку, мисс Минц? Мы собираемся устроить ее в «Кафе Денеб-6».

— Конечно. Я обязана там быть.

— Я не про ваши обязанности, мисс Минц. — Бетти Лу опустила синие глаза. — Я подумала... может, вы пригласите того симпатичного офицера, который ест с нами?

Щеки мисс Минц порозовели.

— Я... мне как-то это не приходило в голову.

— А я думаю, он будет рад. Почему бы вам его не пригласить?

— Может быть, — проговорила мисс Минц.

Он переделалась и расправила постель; ее душа пела. Как же давно она не танцевала, сколько лет... одиноких лет. У нее опять перехватило дыхание. Интересно, примет ли он приглашение? Я надену новое белое платье, на котором блестками вышиты звезды и галактики, думала она. Декольте у него в самый раз для такого случая, и оно не слишком молодежное.

За обедом и ужином слова приглашения так и вертелись у нее на языке, но только провожая мистера Берка до полдороги к кораблю, она наконец набралась храбрости высказать их.

Некоторое время мистер Берк молчал. Потом сказал:

— Конечно, я был бы рад пойти, мисс Минц. Но эта первая вахта...

— О... — Мисс Минц поникла в свете полной луны. — Я совсем об этом забыла, мистер Берк.

— У нас такая нехватка людей, что сложно получить увольнительную... но я, может быть, попрошу кого-нибудь ненадолго подменить меня. На пару танцев. Как вам такой вариант, мисс Минц?

— О, прекрасно, мистер Берк. Я... мы всегда так рады вас видеть.

— Значит, договорились. Увидимся утром у вашего дома, мисс Минц. На прежнем месте.

— Доброй ночи, мистер Берк.

Дни пролетали незаметно. Старшеклассники ловили рыбу, охотились, играли в теннис, бадминтон и бейсбол, занимались борьбой, смеялись и пели, заводили короткие романы и стремительно разбивали сердца... И одна за одной их синие птицы заболевали и умирали... Мисс Минц не могла понять, почему. Если мистер Берк сказал правду, синие птицы этих молодых людей должны излучать счастье, синеву и красоту. Ведь эти дети счастливы — она никогда в жизни не видела таких счастливых ребят и девушек.

В ее мире каждое утро начиналось в семь, когда холмы блистали бусинками росы. День за днем перед ее сияющим взглядом мистер Берк поедал ростбиф, жареных цыплят по-кентуккийски, виргинскую ветчину, венерианскую болотную утку, марсианского пфайла... Он улыбался своей обезоруживающей улыбкой, демонстрировал ровные белоснежные зубы, поднимал фуражку, открывая волнистые каштановые волосы, произносил свои гиперболы и вечерние шутки о «встрече на прежнем месте». И синей птицей мисс Минц можно было залюбоваться: яркая синева ее оперенья почти ослепляла, с каждым днем она становилась все красивее.

Наконец наступил вечер танцев. Вернувшись домой после прогулки с мистером Берком, мисс Минц застала Бетти Лу в слезах.

– Что случилось?

Бетти Лу оторвала от подушки заплаканное лицо.

– Все. Случилось все самое ужасное!

Мисс Минц присела на край кровати и протянула Бетти Лу носовой платок.

– Все самое ужасное не может случиться сразу, Бетти Лу. Что-то одно или пара ужасных вещей, но не более. Рассказывай, в чем дело.

– Мое платье, мисс Минц. То, которое я собиралась надеть на танцы. Я забыла его дома и теперь никуда не пойду. И еще моя синяя птица умерла!

– Как умерла? – Мисс Минц встала, заглянула в клетку и увидела маленькую неподвижную кучку блеклых голубых перьев.

– Ты точно ее кормила каждый день, Бетти Лу? Она совсем истощена...

– Конечно, каждый день! Точно так же, как и вы свою! Но только все не впрок, он худела и худела, а сегодня я посмотрела, а она мертвая! – И девушка снова заплакала.

Мисс Минц погладила ее по плечу.

– Ну же, глупо об этом плакать. Завтра поймашь другую птицу, и у кого-то из девочек наверняка найдется запасное платье.

– Нет! – всхлипнула Бетти Лу. – Все запасные у них – старье и уродство. Я такое не надену! Не надену!

И она горько разрыдалась.

Мисс Минц нервно зашагала по комнате. В некотором смысле стыдно быть такой красивой, как Бетти Лу. Красота туманит восприятие, ты становишься слишком эгоцентричной. Неважно, что Бетти Лу наденет на танцы – она все равно будет привлекательной. Но ей этого недостаточно: она должна быть самой привлекательной, лучшей, звездой вечеринки.

«Конечно, я могла бы дать ей свое платье, – подумала мисс Минц. – Могла бы, но не дам! С какой стати? Я всю неделю мечтала о том, как надену его. Оно – самое красивое, что у меня есть... а мистер Берк – лучшее, что случилось в моей жизни. У Бетти Лу впереди сотни танцевальных вечеринок. А у меня, возможно, их больше не будет».

Мисс Минц присела на свою кровать.

«Правда, я могла бы надеть другое платье – простое и без блестящих звезд. Но с какой стати? Бетти Лу молода – ничего страшного, переживет, если на этот раз на танцы пойдет не в новом платье. Все равно она будет в центре внимания. Молодые люди будут увиваться вокруг нее – как и всегда. А вот вокруг меня никто никогда не вился. Никогда, и неважно, что на мне было надето. И вот сейчас, когда... когда... нет, я просто не могу отдать ей платье!»

Мисс Минц вздохнула. Потом встала, открыла сборно-разборный шкаф и сняла платье с вешалки. Звезды подмигивали в электрическом свете, галактики шурились, платье взвилось белым вихрем и снегом просыпалось на пол. Подавив короткое рыдание, она понесла платье к кровати Бетти Лу и тронула девушку за плечо.

– Вот, – сказала она. – Возьми мое платье. Уверена, оно тебе подойдет, а я все равно не собиралась его надевать. Для меня она слишком молодоежное...

Старшеклассники привезли с собой много музыки. По большей части модные композиции, совершенно не понятные тем, кто перешагнул рубеж восемнадцати лет. Но иногда в суперсовременных аранжировках угадывались старые мелодии, популярные в те времена, когда мисс Минц сама была старшеклассницей.

Она стояла возле диспенсера с освежающими напитками, слушала музыку, смотрела, как ребята танцуют невооб-

разимые танцы, и вспоминала юность. Диспенсер находился точно напротив двери, и мисс Минц открывался вид на Мيني Мэйн Стрит. Вся улица была залита серебряным светом, желтели только окна домиков. И если бы кто-то шел к «Кафе Денеб-6», она бы сразу увидела.

Но никто не шел, и музыкальные минуты, накапливаясь, превращались в часы. Один час, два часа... Танцующие кружились и качались, молодые лица проплывали мимо в приглушенном свете электрических фонарей.

«Наверное, он никого не нашел себе на подмену, – думала мисс Минц, потягивая уже четвертый «Центавр». – Интересно, слышит ли он музыку... Должно быть, он несет свою вахту вне корабля. И ему так одиноко, совсем одному в лунном свете...»

Один из старшеклассников подбежал и пригласил ее на танец. Мисс Минц с улыбкой покачала головой.

– Иди, потанцуй со своей девушкой, – сказала она, глядя через его плечо на пустую Мيني Мэйн Стрит. – Не тревожься о древней учительнице литературы.

Его девушкой в тот вечер была Бетти Лу Фарадей. Мисс Минц смотрела, как они уплывают прочь в танце. Бетти Лу – как искрящийся снегопад в летнюю ночь, звезды на белом платье вспыхивают, галактики мерцают. Такая красивая, что у мисс Минц защемило в груди.

Почему же птица Бетти Лу умерла? – спрашивала она себя. Ведь девушка кажется такой счастливой – как и все ее юные ученики. Почему же их синие птицы не расцветают от счастья, а умирают? Может быть, это просто обычные птицы, которые реагируют не на счастье, а на голод? Может быть, хлебных крошек им недостаточно? Может, это всего лишь воробьи, только с синим опереньем?

Да, но моей птице хватает хлебных крошек. Она здорова и выглядит прекрасно. Прекрасно, потому что я счастлива,

и я счастливее, чем Бетти Лу и все остальные. Я самая счастливая...

Мисс Минц снова взглянула на Мини Мэйн Стрит. По-прежнему пусто. Он не придет, подумала она. Напрасно ты верила, что среди его сослуживцев найдется хоть один верный друг, который бы подменил его хотя бы ненадолго. А что если... он забыл?

Нет, это абсурд. Мистер Берк никогда ничего не забывает. Он не забыл ни про одно приглашение, он всегда держит обещание и ждет ее «на прежнем месте». Вот и сегодня вечером он, как всегда пунктуально, явился, чтобы помочь им доесть оставшиеся припасы. И действительно помог – да так, что ничего не осталось: его здоровый аппетит вполне соответствовал здоровому аппетиту старшеклассников. Подчистили все – так что для танцевальной вечеринки не удалось приготовить даже легкие закуски.

Внезапно закралось страшное подозрение. Мисс Минц покачнулась, бумажный стаканчик едва не выпал из ее руки. Она поставила стакан и ухватила за ручку диспенсера с напитками.

Но быстро опомнилась и с усилием улыбнулась дрожащими губами. Я просто сумасшедшая старая дева, надо же, чтобы такое в голову пришло! Мистер Берк – самый приятный человек из всех, кого я встречала в жизни, им движут только высокие помыслы. Наверное, он сейчас стоит возле корабля, слушает музыку и всей душой стремится сюда. Стоит совершенно один в свете луны и смотрит на звезды.

Совершенно один, а ему ведь, наверное, так хочется с кем-то поговорить. А что если...

Мисс Минц знала: стоит помедлить секунду, и она уже не решится последовать импульсу... а ведь так отчаянно хочется! Он выскользнула из «Кафе Денеб-6» и пустилась бежать по Мини Мэйн Стрит. Поляна была, как серебряный

сон, корабль больше чем когда-либо напоминал шпиль церкви – церкви, возвышающейся над сказочной тропической деревней в канун Рождества.

Мисс Минц бежала сквозь прозрачную пелену ночи, ее тень плясала перед ней, и сердце бешено колотилось. Шпиль церкви вынырнул из серебряного океана и постепенно вернулся к своему первоначальному облику – облику корабля. В открытый люк было видно, что в кают-компании горит свет – тусклый по сравнению с серебряным сиянием луны.

Очевидно, мистер Берк несет вахту не возле корабля, а внутри. Мисс Минц остановилась у трапа и взглянула вверх. Внезапно она услышала голоса, сопровождаемые характерными звуками. Один голос был ей хорошо знаком.

– И снова семь! – сказал он.

– Я всё. Финиш, – слышался другой голос.

– И я, – добавил третий. – Ну, ты и горяч сегодня, Берк.

– Все потому, что правильно питаюсь. А у вас, дети мои, просто не хватает смекалки. Появляется старая дева-училка с мешками еды, а вам в башку не приходит запудрить ей мозги. А теперь ну-ка, давай сюда...

Мисс Минц вбежала в свой домик и остановилась у двери. Она боялась включать свет, потому что была уверена, что ее птица умерла.

В темноте она пробралась к своей постели. Глаза ее уже высохли, но плечи все еще содрогались. Она видела смутные очертания клетки на сборно-разборном шкафу и представляла себе маленький блекло-голубой холмик внутри. Нет, это невыносимо! Резким движением она включила лампу возле кровати.

И задохнулась в изумлении. Ее птица не умерла. Она как будто стала еще ярче – живое синее пламя, прекрасное,

сияющее. Мисс Минц сидела и смотрела на клетку, и с каждой минутой птица становилась все более красивой и сильней.

На улице слышались шаги, она выключила свет и подошла к двери. Парень и девушка, взявшись за руки, шли по Мини Мейн Стрит. На девушке было белое платье с морозными звездами и галактиками, чудесное нежное платье, снегопад в летнюю ночь.

Мисс Минц смотрела, как они идут мимо, видела их лица, залитые мягким светом луны. Но неужели это Бетти Лу? У нее перехватило дыхание. Платье и лунный свет неуловимо изменили лицо девушки, подарили ему спокойствие и зрелость, превратили обычную миловидность в нечто похожее на истинную красоту.

А ведь это моя заслуга, подумала мисс Минц. Без меня не было бы этого чудесного момента.

Пара скрылась из виду, а она еще долго стояла у дверей. В ее душе теплым и ровным светом светилось счастье — обычное, спокойное, лишенное надрыва и фальши, единственное в своем роде, щедрое и доброе, неотделимое от нее и пульсирующее вместе с ударами ее сердца.

НЕБЕСНЫЙ ПОДРЯД

Заприметил я его лишь в баромате «Седьмого неба». Странно, ведь каждый вечер я, как апостол Петр, встречаю у «Жемчужных врат» посетителей, прибывающих на шаттлах с Земли. Поэтому все зовут меня Пит, хотя мое настоящее имя Чарли. Странно еще и потому, что таких замечаешь с лету. Дело не столько в его недюжинном росте, худобе, изяществе и высоком классе, сколько в необычайно грустном лице. Грустнее не придумаешь. Точно он знает о грядущем конце света и заранее скорбит обо всех, включая себя.

Он входит в зал, садится у стойки, где мы болтаем с Шулером Гарри, и, оглядевшись по сторонам, заказывает напиток сарсапарели. Такой напиток баромату в новинку, лампочки на панели лихорадочно мерцают, словно у него вот-вот случится электронный приступ, но наконец агрегат успокаивается и в маленьком окошке возникает стакан. На незнакомце неброский, слегка потрепанный серый костюм, узкий черный галстук и неприметные ботинки в тон. Вроде ничего особенного, но в этом и заключается настоящий класс. Словами не объяснить, но улавливаешь сразу. Я сам по натуре модник, даже галстук подбираю под цвет носков. Но ни себя, ни других не обманешь. Отправляясь на смену с восьми вечера до пяти утра, подолгу гляжусь в большое зеркало на стене кабинета, но вижу лишь менеджера орбитального космoclуба, счастливого обладателя огромной зарплаты, охочего до бурбона и пышногрудых блондинок.

Интересно, как человека такого класса занесло в «Седьмое небо». На фоне завсегдатаев он выделялся как бокал шампанского среди пивных кружек. Большой Тони управлял семью «Небесами», но воздушное пространство огромное, при желании любой может учредить пару-тройку собственных орбитальных клубов. Как знать, вдруг незнакомец – миллиардер, решивший разведать обстановку прежде, чем приобщиться к небесному бизнесу. Если так, нужно выяснить наперед.

Поэтому я решительно подсаживаюсь к гостю, представляюсь и говорю:

– Добро пожаловать в «Седьмое небо». Позвольте угостить вас в честь первого визита в наше заведение и в честь грядущего Рождества.

Незнакомец отвечает, что его зовут Майк и нет, спасибо, сарсапарели пока достаточно. Голос тихий, печальный, но слова звучат ясно и отчетливо. Я мгновенно проникаюсь к нему симпатией и вежливо интересуюсь:

– В других «Небесах» бывали?

– Нет, – качает он головой. – Еще не довелось.

– Тогда вам повезло. «Седьмое небо» лучшее, поскольку строилось последним. Последние объекты всегда на высоте – предыдущий опыт помогает устранить недостатки и привнести полезные новшества.

– Полностью согласен.

Убедившись, что мысли Майка так же далеки от бизнес-проектов, как Андромеда – от Тимбукту, а в «Седьмое небо» его привело банальное желание развеяться, предлагаю:

– Устроить вам экскурсию?

– С удовольствием.

Веду гостя к «Злачным пажитям», второму по величине отсеку клуба. Антураж – как будто и впрямь попал на небеса. Пол устлан ковром, по текстуре, запаху и виду не-

отличимым от травы. Панорама потолка в точности повторяет синее небо, воображаемый ветер гонит белые облачка, подвешенные на невидимой проволоке. Искусственное солнце расположено так хитро, словно расстояние до него миллионы километров, а не полтора метра. В сочетании с полом и потолком трехмерные электрофрески на стенах рождают иллюзию бескрайнего простора. Вдалеке виднеются зеленые холмы с пасущимися коровами. Помнится, я спросил Большого Тони насчет коров, мол, разве им место на небесах, а тот ответил: «Может, и нет, но это ж мои небеса – хочу коров и завожу».

Зеленые игорные столы и барные стойки идеально вписываются в пейзаж. К нашему появлению в барах не протолкнуться, рулетка крутится как заведенная. Голоса крупье и игроков приятно оттеняются кассетной музыкой, по залу снуют ангелы с подносами. Конечно, никакие они не ангелы, а модельки Большого Тони с искусственными золотыми крылышками.

Запрокинув голову, Майк смотрит на небо. Окидывает взглядом якобы бескрайние зеленые просторы. Косится на ангелов. Таращится на завсегдатаев, заседающих у стойки, на толпу за игорным столом.

– Боже! – вырывается у него. – Теперь понятно.

– Что понятно? – интересуюсь я.

Он печально смотрит на меня голубыми глазами и отворачивается.

– Пожалуй, мне лучше промолчать.

Видно, что молчать ему не хочется, но я не настаиваю. Моя симпатия растет с каждой минутой.

– Идемте, покажу вам «Тихие воды».

«Тихие воды» занимают самый большой отсек и в принципе мало отличаются от «Пажитей», только основной лейтмотив здесь вода. Повсюду – пруды, озерца, ручьи,

петляющие потоки. Глядя на чистые, искрящиеся струи невольно тянет искупаться. Мы с Майком наблюдаем, как плещутся многочисленные гости. Нет, пара-тройка сидит на берегу и глушит шампанское из полторалитровых бутылей, но основная масса, сбросив одежду, весело резвится в воде.

— А разве... разве вдоль них не положено бродить? — изумленно спрашивает Майк.

В растерянности моргаю.

— Вдоль кого?

— Вдоль тихих вод. Нельзя же вот так... так...

— Ах, вы об этом. Простая формальность, не более. Хочет народ бродить — пожалуйста. Хочет резвиться — почему нет. Большому Тони без разницы, лишь бы платили.

— Большому Тони?

— Здешний заправила. Владеет семью «Небесами». Кстати, отличный парень.

Тоска в глазах Майка на мгновение сменяется задумчивостью. Он крутит головой по сторонам, потом оборачивается ко мне.

— Как вы думаете... — начинает он.

— Думаю что?

— А, неважно. — В его взгляде вновь воцаряется тоска. — Так, в голову взбрело. Все равно ничего не выйдет.

Молчу, предвкушая, что Майк еще вернется к этой теме. Так и получается. После экскурсии по увеселительным кабинетам минуем коридор, ведущий в кубрики, главный распределительный центр, гримерку ангелов, мой кабинет и апартаменты Большого Тони, и снова оказываемся у баромата. Воровато оглядевшись, Майк шепчет:

— Думаете, Большой Тони даст мне работу?

Мгновенно напускаю на себя деловой вид:

— Опыт есть?

– Ну... в некотором роде.

Коридор позади. Заходим в баромат и садимся у стойки. Заказываю разбавленный бурбон, Майк берет сарсапарель.

– В каком роде? – выпытываю я.

Майк делает лихорадочный глоток и ставит стакан обратно на стойку.

– Дело в том, что... я... мы с шестью братьями управляли аналогичным заведением.

– В каком смысле «аналогичным»?

– В смысле, очень похожим и непохожим одновременно. Но у меня солидный опыт управленца. Кроме того...

Я не в силах сдержать восторг.

– Прекрасно! Большой Тони как раз ищет менеджера в «Пятое небо». Нынешний никак не привыкнет к центробежной гравитации, мается тошнотой и мечтает уволиться. Тони избавится от него, как только подберет замену.

– Считаете, у меня есть шанс...

– Ну разумеется! Тони нагрянет завтра. В канун Рождества он всегда изображает Санту в одном из «Небес». В этом году будет у нас. Появится, сразу устрою тебе собеседование. Завтра вечером сможешь прийти?

– Конечно! – У бедняги на глаза наворачиваются слезы, но сквозь грусть проступает надежда. Он больше не озирается по сторонам. – Пит, вы мой спаситель! Почти как в старые добрые времена. Снова в деле, свое заведение, гости, которых нужно встречать и лелеять – Пит, вы вернули меня к жизни!

Смушаюсь, поскольку не уверен, что Майк получит место. Недолго думая, подзываю Пинки Макфарлейн, ангела, чья обязанность – развлекать клиентов. Парню неплохо бы расслабиться, и ангелок годится в самый раз. После знакомства откланиваюсь под предлогом, что должен проверить финансовую отчетность, и удаляюсь в свой кабинет.

Через пару часов спускаюсь в баромат. Майка и след простыл. Похоже, они с Пинки нашли общий язык и решили продолжить общение в увеселительном кабинете. Внезапно появляется Пинки с перекошенной от злости физиономией.

— Какая наглость подсунуть мне этого придурка! Он что, с астероида свалился?

Моментально зверею.

— Сказала бы спасибо. В кои-то веки свел тебя с настоящим джентльменом. Для культурного развития не помешает. Где он, кстати?

— Не знаю и знать не хочу, — фыркает Пинки. — Даже выпивкой не угостил. Сидел со своей дурацкой настойкой и пиялся на мои крылья. Спрашиваю, в чем дело, красавчик, не нравятся мои перышки? А он отвечает: «Простите мою неучтивость, мисс Макфарлейн, просто никак не свыкнусь с буквальной стороной здешнего уклада». Я тогда спрашиваю: «Чего особенно в крыльях? У Большого Тони все девочки их носят. Как открылось первое «Небо», с тех пор...»

— Избавь меня от подробностей, — перебиваю я. — Куда он делся?

— Говорю же, не знаю. Вроде уболтала его пойти в «Злачные пажити», думала, хоть там расслабится. Но у «Жемчужных врат» он чуток отстал, а когда я обернулась — его нигде не было.

— Может, вернулся утренним шаттлом на Землю, — рассуждаю вслух. — Вид у него был уставший.

— Не было на пристани шаттлов. Специально проверяла.

— Наверное, улетел на последнем, а ты и не заметила.

Очевидно, моя теория верна — Майк как сквозь землю провалился. К пяти утра напрочь забываю о нем, но в полдень, за завтраком, встречаю Большого Тони и бросаюсь с места в карьер.

– Отличные новости. Нашелся управляющий для «Пятого неба», – сообщаю я и выкладываю историю от начала до конца.

– Убедил, Пит, – объявляет Тони, выслушав мой рассказ. – Как появится, веди его ко мне, побалакаем.

Майк прибывает рейсом в четверть девятого. Как и накануне, замечаю его лишь в баромате, хотя весь вечер, по обыкновению, топчусь у «Жемчужных врат». Майк явно нервничает, и с каждым шагом воровато озирается по сторонам.

– Что сказал Большой Тони? – шепчет он, усевшись за стойку, где я треплюсь с блондинкой-ангелочком Дорис. – Назначил собеседование?

– Расслабься, старина. Дело в шляпе, – успокаиваю я. – Идем, провожу.

Большой Тони ужинает в столовой. Обглоданной бараньей ногой делает нам знак садиться. На столе изобилие: цыпленок, лобстер, фазан, утка, молочный поросенок, ребуха, копченая белая рыба, телячьи котлеты, виноград, апельсины, мандарины, яблоки, початки кукурузы, спаржа, всевозможные рулеты, масло и куча других аппетитных вещей. Огромный стол меркнет на фоне габаритов Большого Тони. После еды он тянет на двести пятьдесят килограммов. У него необъятное лицо, но кожа упругая, не в пример прочим толстякам. Все потому, что ее обладатель относительно молод – пока.

При разговоре Тони буквально светится. Кто-то считает, из-за пота, сплошной пленкой покрывающего лицо. Но мне-то лучше знать. Свечение идет изнутри. В Большом Тони полыхает неукротимое пламя, куда он регулярно подбрасывает дров, и отблески костра рвутся наружу. Только поистине большому человеку, вроде Тони, с неугасимым огнем в сердце под силу создать семь «Небес» прямо под боком у звезд.

– Майк, верно? – скорее констатирует Большой Тони, поддевая вилкой цыпленка. – Пит говорит, ты раньше управлял похожим заведением.

– Да, сэр, управлял. Но на той неделе мы с шестью братьями решили уволиться.

– Почему?

– Дело разладилось, и надобность в нас отпала. Постоянные клиенты, правда, остались, но они прекрасно справляются без нашей помощи.

– А почему разладилось?

Майк ерзает в кресле.

– На мой взгляд, причина – в непомерной плате за вход. Многие жаловались, но платили, а снижать ее не в наших полномочиях. Потом грянул кризис, но мы надеялись, что в свете демографического бума и массового распространения грамотности все еще наладится. Увы. Поток клиентов мельчал с каждым днем. В итоге нам с братьями осталось только смириться и уйти.

Большой Тони вгрызается в утиный окорочок.

– С чего ты взял, что можешь принести прибыль моему заведению, если погорел на своем?

– Наверняка не скажу, сэр, но чувствую, что справлюсь.

– Чувствовать мало. – Большой Тони бурно жестикулирует вилкой. – Прогорел раз, прогоришь и второй. Объясню, почему. Ты не знаешь три золотых правила. Я тебе растолкую, но соблюдать ты их не сможешь – мозги не тем концом вставлены. В общем, правило первое – давай людям то, что они хотят. Хотят не на словах, не по виду и не по твоему, к черту, разумению. Давай то, чего им действительно хочется. Правило второе – цену назначай доступную, но не грошовую, иначе теряется понт. Правило третье – товар нужно видеть и чувствовать. Иначе клиент не раскошелится. Сколько бизнесменов погорели на том, что не придерживались трех

элементарных правил. Разве можно доверить такому бизнесмену мой клуб?

— Но Тони, — вклиниваюсь я, — Майку очень нужна работа, и...

Большой Тони обиженно морщится.

— Я разве отказал?

— Нет, — лепечу подобострастно, — конечно нет...

— Ты прав, Пит, у него есть класс. Дурак не поймет, что можно сорвать солидный куш, если Майк будет просто слоняться по залу и ни черта не делать. Парень — ходячая реклама, умеет пустить пыль в глаза. Но только полный дурак возьмет его управляющим — не потянет. — Большой Тони пристально смотрит на Майка. — Какие у тебя еще таланты?

Майк воровато озирается.

— Я немного пою. Гимны, рождественские песни и все в таком духе.

Большой Тони моргает, но дает добро.

— Ладно, давай послушаем.

Майк встает, бросает затравленный взгляд по сторонам и откашливается.

— Композиция называется «В саду».

Он поет поистине божественным, самым проникновенным ирландским тенором на свете.

Мы внимаем как зачарованные. На последней ноте Большой Тони восклицает:

— Святая макрель!

— Боюсь, мое соло оставляет желать лучшего, — извиняющимся тоном бормочет Майк. — Видите ли, мы с братьями всегда пели хором. Габри играет на трубе, а я, Раф и остальные поем. Правда, нам не доводилось выступать на публике, а посему...

— Братья поют прям как ты? — недоверчиво спрашивает Тони.

– Ну не совсем. Раф стоит на верхних подмостках, выходящая на целую голову. Он...

– Братя тоже ищут работу? – снова перебивает Большой Тони.

– О, еще как! Понимаете...

– Передай, они приняты, – сообщает Большой Тони. – Начинать завтра вечером. – Он обращается ко мне: – Сечешь, Пит?

Пока нет, но потихоньку начинаю.

– Потихоньку, – рапортую я.

Большой Тони сует гроздь винограда в рот и принимается чистить апельсин. Глаза сияют, но жировые складки притупливают блеск.

– «Злачные пажити». Завтра. Канун Рождества. Тут-то мы их и подрядим с рождественскими гимнами. Самое то. Сечешь, Пит? Сечешь?

Теперь да.

– Сделаем специальные подмостки, – оживляюсь я. – Сцену! Прямо у рождественской ели. Ребята станут гвоздем программы.

– Ха! Бери выше. Покажем их по ящику. Эфирное время куплю. Плевать на деньги. Пусть весь мир видит, каково это – бывать на «Седьмом небе». Пусть знают – у нас здесь настоящий класс. А после Рождества Майк с братьями будут гастролировать по клубам с современным репертуаром... Пит, какую ель заказал?

– Шестиметровую.

– Надо больше. Чем больше, тем лучше. В зале запросто поместится десятиметровая.

– Хорошо. В обед ангелы все украсят, а я подберу Майку и ребятам костюмы с крыльями.

– Крылья золотые и побольше. Чем больше, тем лучше, – кивает Тони. – И распорядись, пусть демонтируют

купол, чтобы на потолке сияли звезды... Майк, а ты чего? Положим тебе тысячу в неделю – для начала.

– Я... у меня в горле запершило, – лепечет Майк.

– Ну и славно, – ликует Большой Тони. – Тогда по рукам. Пит, под твою ответственность.

Следующие сутки буквально сбиваюсь с ног. Сперва организую эфирное время. Понадобились затяжные переговоры с Землей и все мои дипломатические навыки, но в итоге крупнейший телеканал выделяет нам полчаса в прайм-тайм с половины десятого до десяти. Потом до пяти утра вкалываю, как проклятый, в клубе. Ложусь на рассвете, но выспаться не получается. В одиннадцать, когда не ходит ни один шаттл, в спальню вламываются семеро братьев и будят меня. Братья – точная копия Майка. Та же печаль в глазах и привычка озиаться по сторонам каждые две минуты. Веду их репетировать в кабинет Большого Тони. Слушая божественные голоса и переливы неземной трубы, мы с Тони понимаем, что попали в десятку.

Снова связываюсь с Землей и прошу поменять шестиметровую ель на десятиметровую. После руковожу возведением подмостков для «Небесной семерки» – название ансамблю придумал Большой Тони, а я горячо поддержал.

Ель привозят с двухчасовым шаттлом. Нужно проследить, чтобы установили и нарядили как следует. Оформление «Злачных пажитей» тоже на мне. Еще надо передать портному, чтобы расставил костюм Санта-Клауса – с прошлого года Большому Тони он малость тесноват. Надо утешать Пинки Макфарлейн. Ангелок подслушала репетицию ансамбля и теперь грозитя свести счеты с жизнью. Ей стыдно за гадости, которые она наговорила про Майка, ведь у него такой божественный голос!..

Надо вызвать монтажников разбирать обшивку в «Пажитях». Когда отключат панорамное поле, погасят солнце

и снимут облака, останется простой стеклянный потолок. Затем нужно выбрать костюм из нескольких вариантов, предложенных кутюрье, и уговорить братьев на примерку, сломить их непонятное сопротивление.

Нужно проверить, исправно ли работает автоматическая кухня и баромат, хватает ли хлеба насущного. После спешу уладить ссору, возникшую между ангелами за право зажечь рождественские огни. К вашему сведению, временами управлять «Небом» – сущая морoka.

Наконец все готово. Сцена возведена, ель украшена, гирлянды горят, ангелы уgomонились, обшивку на потолке демонтировали, Большой Тони втиснулся в костюм Санты, «Небесная семерка» переделась, баромат смазан, омела висит, «Жемчужные врата» отполированы до блеска, пароль «мир». Добро пожаловать!

В половине восьмого приезжают телевизионщики и профессиональный рекламщик, который объявит коронный номер. Наспех устанавливается аппаратура. Первые гости появляются в четверть девятого. Я, как полагается, встречаю их у «Жемчужных врат» в новом лазурном костюме, купленном специально по случаю, и адмиральской фуражке. Шаттлы прибывают один за другим, поток посетителей нарастает, народ устремляется в баромат, в «Злачные пажити», плещется в «Тихих водах» – многих так переполняет рождественский настрой, что они торопятся снять напряжение. К девяти вечера в клубе яблоку негде упасть.

Иду в «Злачные пажити», лавирую среди гостей, ангелов и игорных столов, пробираюсь к бару, где восседает Большой Тони в костюме Санта-Клауса; на коленях у него прилгостилось по ангелу. Втискиваюсь между ним и мешком, наполненным бутылками шампанского (их черед настанет в полночь). На столах мерцают красно-зеленые гирлянды, но главный источник света – звезды, которые сияют словно

лампочки, а медленное вращение клубной станции рождает иллюзию, будто они проплывают мимо сами по себе. Мелькает краешек Земли, на мгновение видна зеленая прибрежная линия Северной Америки, обрамленная синевой Тихого океана. Но только на мгновение. В следующий миг весь обзор занимают звезды.

В четверть десятого в бар заглядывает рекламщик и хлопает меня по плечу. Пора. Щелкаю пальцами. Играющая фоном музыка стихает, встроенные линзы в стеклянном потолке фокусируют звездный свет на сцене. «Небесная семерка» неслышным шагом выходит из тени и встает в круг света. Все камеры направлены на них. Вперед выступает рекламщик и знаком призывает публику к молчанию. Мы в прямом эфире.

Несколько минут рекламщик превозносит «Седьмое небо», говорит, что настоящее блаженство доступно лишь тем, кто ступил в «Жемчужные врата». После рассыпается в похвалах другим небесам, славит владельца. Камера ловит в объектив бар, где Большой Тони под видом Санты сидит с ангелами на коленях.

— А теперь, — заключает рекламщик, — представляю вашему вниманию ансамбль «Небесная семерка», который порадует нас рождественскими гимнами в честь светлого праздника Рождества.

Он исчезает со сцены, и «Семерка» остается в гордом одиночестве. Братья явно нервничают, но на лицах написана решимость и твердое желание выступить на ура. Все семеро одеты в серебристо-голубые костюмы, усыпанные радужными блестками. До чего хороши! А крылья! Огромные, золотые. Крылья не всякому идут. Мне, например, нет. Но на Майке с братьями они смотрятся как родные.

Габри подносит трубу к губам и извлекает божественную трель. В мелодии будто слились Бикс Байдербек, Банни

Бериган и Луи Армстронг. Шесть упоительных голосов возносятся к звездам...

Ночь тиха, ночь свята,
Люди спят, даль чиста

Огни на ели полыхают как пламя. На ум сразу приходит костер, горящий внутри Большого Тони. Костер, дарующий ему силу и энергию управлять небесами. Горжусь, что стал частью его команды...

В яслях дремлет Дитя,
В яслях дремлет Дитя

Слеза катится по нарумяненной щеке Большого Тони и падает на пушистый воротник.

Божественные голоса вновь устремляются ввысь. Потом еще и еще. «Это случилось в ясную полночь»... «Самое первое Рождество»... «В мире праздник»... «О, придите все вы, верующие»... «Ангелы из царства Божьей Славы»... «Что за дитя?»...

«Вести ангельской внемли» приберегли на финал.

Вести ангельской внемли
Царь родился всей земли!

Повинуясь странному порыву, обращаю взор к небу – и вижу над клубом огромное НЛО. По крайней мере, мне так чудится. По форме оно напоминает исполинский палец, и указывает он прямо на сцену. «Небесная семерка» замечает направленный на них перст – труба Габри дает петуха, божественное пение обрывается на высокой ноте. Посетители один за другим задирают головы, и в «Злачных пажитях» воцаряется мертвая тишина.

Раздается пронзительный крик. Кричит Майк. Смотрит на палец и лихорадочно машет руками.

– Нет! Ты не понимаешь! – надрывается он. – У нас не

было выбора. Мы не могли больше конкурировать. Только дураки продолжают бороться, проиграв бой. А так есть шанс принести хоть какую-то пользу. Поэтому мы...

Из пальца вылетает молния и ударяет в сцену. «Небесная семерка» занимается поистине дьявольским огнем. Сперва алым. Потом оранжевым. Желтым. Зеленым. Голубым. Темно-синим. Пурпурным. Наконец, карающий перст и молния исчезают; Майк с братьями распростерлись на сцене.

Опрометью бросаюсь к ним. Майк еще дышит. Кладу его голову себе на колено.

– Майк, Майк.

Его взгляд останавливается на мне, но смотрит сквозь меня.

– Не думал, что так закончится, – шепчет он.

– Закончится что? – спрашиваю я.

– Армагеддон, – говорит он и умирает.

Ну и как, скажите на милость, это понимать?

ИСТОЧНИКИ

The Last Yggdrasill: New York: *Del Rey / Ballantine*, 1982
Glimpses: *Isaac Asimov's Science Fiction Magazine*, February 1983
Darkspace: *Isaac Asimov's Science Fiction Magazine*, April 1982
Visionary Shapes: *The Magazine of Fantasy & Science Fiction*, April 1986
The Leaf: *Infinity Science Fiction*, March 1958
Earthscape: *Isaac Asimov's Science Fiction Magazine*, May 1982
A Glass of Mars: *Worlds of Tomorrow*, July 1965
Girl Saturday: *Galaxy*, May-June 1973
Above This Race of Men: *Amazing Stories*, January 1976
The Hand: *Galaxy Magazine*, March-April 1972
O Little Town of Bethlehem II: *Isaac Asimov's Science Fiction Magazine*,
December 1985
Doll-Friend: *Amazing Science Fiction Stories*, July 1959
The Bluebird Planet: *Fantastic Universe*, November 1957
Kingdom Come, Inc.: *The Magazine of Fantasy and Science Fiction*,
January 1967

ХУДОЖНИКИ

Janet Aulisio (стр. 122), James Odbert (стр. 134), Richard Kluga (стр. 160),
Bob Walters (стр. 166), Gray Morrow (стр. 180, 200),
Jack Gaughan (стр. 214), Richard Olsen (стр. 253), uncredited (стр. 281),
Daniel Horne (стр. 296), Leo Summers (стр. 308, 309)

СОДЕРЖАНИЕ

ПОСЛЕДНИЙ ИГГДРАСИЛЬ	
Перевод Германа Михайлова	5
ВИДЕНИЯ	
Перевод Марии Литвиновой	122
ТЕМНАЯ ЗОНА	
Перевод Анны Петрушиной	135
КУКЛЫ НА НИТКАХ	
Перевод Анны Петрушиной	149
ОСЕННИЙ ЛИСТ	
Перевод Анны Петрушиной	161
ВОЗВРАЩЕНИЕ ДОМОЙ	
Перевод Анны Петрушиной	167
ГЛОТОК МАРСА	
Перевод Анны Петрушиной	181
СУББОТА	
Перевод Анны Петрушиной	214
НАД ТОЛПАМИ ДОВЛЕЕТ...	
Перевод Анны Петрушиной	253
РУКА	
Перевод Марии Литвиновой	281
О, МАЛЫЙ ГОРОД ВИФЛЕЕМ-2	
Перевод Марии Литвиновой	296
КУКЛА-ПОДРУЖКА	
Перевод Анны Петрушиной	308
ПЛАНЕТА СИНИХ ПТИЦ	
Перевод Марии Литвиновой	329
НЕБЕСНЫЙ ПОДРЯД	
Перевод Анны Петрушиной	347

Литературно-художественное издание

Роберт Янг

ПОСЛЕДНИЙ ИГГДРАСИЛЬ

Фантастика

НЕ ДЛЯ ПРОДАЖИ

Редактор А.А.Лотарев

Технический редактор Г.Г.Лотарчук

Корректор С.Лотарь

ИБ № 782-13

Подписано в печать 01.04.14. Формат 70 x 108 1/32.
Бумага Ксерокс. Печать цифровая. Гарнитура Тип Таймс.
Усл.-печ. л. 17,03. Тираж 20 экз. Заказ № 122-228.

Издательство «Бригантина»
07500, г. Ясноград, ул. Р. Сикорски, 17.

Отпечатано в типографии Института Неточных Наук
01230, г. Орлиноозерск, ул. Придубравная, 18.

Зарубежная

фантастика

Ясноград «Бригантина»